

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.

1800—1886 гг.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ настоящей книги начинается печатаніе записокъ бывшаго инспектора новгородсѣверской гимназіи Іосифа Акимовича Самчевскаго. Эти записки обнимаютъ періодъ времени болѣе полустолѣтія и представляютъ громаднй интересъ. І. А. родился въ 1799 г. въ селѣ Лисконогахъ, новгородсѣверскаго уѣзда, окончилъ магистромъ с.-петербургскую духовную академію, былъ профессоромъ черниговской семинаріи, учителемъ исторіи, а затѣмъ инспекторомъ въ новгородсѣверской гимназіи до 1858 года. Умеръ І. А. въ 1887 г., не доживъ двухъ лѣтъ до празднованія столѣтняго юбилея гимназіи, которой посвятилъ болѣе четверти вѣка своей далеко не безполезной педагогической дѣятельности, оставивъ по себѣ память умнаго, добраго и справедливаго педагога. На старости лѣтъ І. А. лишился всей своей семьи: сперва умерла его жена, а затѣмъ сыновья: Михаилъ, учитель кievской 2-й гимназіи, и Иванъ, инспекторъ той-же гимназіи. Имущество его заключалось въ домѣ съ усадьбой въ г. Новгородсѣверскѣ; послѣ смерти сыновей и этотъ домъ сгорѣлъ. Оставшись совершенно одинокимъ старикомъ, Іосифъ Акимовичъ не имѣлъ гдѣ преклонить свою много потрудившуюся на пользу юношества, голову и только, благодаря совершенно ему постороннему семейству В. Д. Кисилевича, онъ могъ спокойно дожить свой вѣкъ. Въ послѣдніе годы жизни, новое, величайшее изъ несчастій обрушилось на голову много-

страдальнаго Іосифа Акимовича: онъ совершенно потерялъ зрѣніе и свои интересныя воспоминанія самъ писать не могъ, а диктовалъ ученикамъ гимназіи, жившимъ у Кисилевича. Записки І. А. начинаются съ дѣтства автора и доходятъ до его смерти. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ были бы несравненно богаче матеріаломъ, художественнѣе и занимательнѣе въ своемъ изложеніи, если бы І. А. не диктовалъ ихъ, а писалъ самъ до начала своей послѣдней болѣзни; но и при такомъ неблагопріятномъ условіи первая половина записокъ отличается надлежащей полнотой и обиліемъ интересныхъ свѣдѣній; къ сожалѣнію, нельзя того сказать о послѣднемъ десятилѣтіи службы І. А. инспекторомъ, во время директорства П. О. Науменка. Очевидно, къ старости память стала измѣнять ему, и этотъ періодъ представляется далеко не полнымъ. Желая нѣсколько исправить этотъ недостатокъ, редакція Кіевской Старины передала записки Самчевскаго, для составленія примѣчаній въ нимъ, лицу, близко знавшему автора записокъ и всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ гимназіи въ теченіе 1852—1858 г. Въ этихъ примѣчаніяхъ изложена дополнительная характеристика всѣхъ извѣстныхъ педагоговъ указаннаго періода, и кромѣ того имѣются свѣдѣнія о жизни учениковъ того времени, объ ихъ отношеніяхъ къ учителямъ и наоборотъ, и изложена ревизія гимназіи попечителемъ кіевскаго округа Ребиндеромъ.

МЫСЛЬ О ЖИЗНЕОПИСАНІИ.

Что такое жизнь наша въ этомъ мірѣ? Сдѣленіе случайностей, выпадающихъ на долю того или другого, скажетъ тотъ, кто смотритъ на одни факты, не обращая вниманія на взаимное ихъ отношеніе и связь, не отличая тѣхъ, которые были причиною, отъ тѣхъ, которые сдѣлались ихъ послѣдствіями. Но судить такъ о явленіяхъ жизни человѣческой значило бы не признавать въ человѣкѣ свободы ума и воли, значило бы не допускать въ міроуправленіи разумнаго порядка, не вѣрить въ Промыслъ Божій. Стоитъ только каждому изъ насъ со вниманіемъ и съ чистою совѣстью прослѣдить событія

прошедшей жизни своей, чтобы убѣдиться какъ въ томъ, что мы проявляемъ наши помыслы, пожеланія и дѣйствія, такъ и въ томъ, что есть въ мірѣ Промыслъ Божій, который, не нарушая нашей свободы, разными путями ведетъ насъ въ истинному благу нашему здѣсь и въ вѣчности. Онъ благодѣлаетъ намъ не только тогда, когда мы получаемъ отъ него щедрые дары Его благодати, но и тогда, когда подвергаемся бѣдствіямъ и злоключеніямъ, которыя посылаются людямъ добродѣтельнымъ для большаго ихъ нравственнаго совершенствованія, а порочнымъ—въ наказаніе за отступленіе отъ путей правды, дабы страданіями они вразумились и исправились. Какъ мы пользуемся дарами счастья и уроками несчастія, это показываетъ ходъ жизни нашей, и потому-то исторія ея не можетъ не быть для насъ поучительною, если только разсматривать дѣла свои по совѣсти.

Начало премудрости, по откровенному ученію, есть страхъ Божій. Древніе философы искали этого начала въ самопознаніи. Отрывая въ событіяхъ жизни нашей пути Провидѣнія, дѣйствія Его благодати и правосудія, мы можемъ поучаться тому спасительному страху, который дѣлаетъ насъ лучшими. Разсматривая себя въ разныхъ періодахъ жизни нашей, въ разныхъ положеніяхъ, отношеніяхъ и обстоятельствахъ, мы приходимъ къ самопознанію, узнаемъ, чѣмъ были мы и чѣмъ быть должны. Исторія жизни нашей есть практическая нравоучительная книга, которая находится у всякаго предъ глазами, всякому доступна, всякому легка для чтенія, всякому понятна: она исписана фактами, извѣстными каждому, кто только захочетъ воспоминаніемъ обратиться къ своему прошедшему. Всякій легко припомнитъ, что съ нимъ было въ прожитое имъ время, какія у него были силы и способности, избытки и недостатки, какіе помыслы, желанія и страсти волновали его душу, къ чему онъ стремился и чего надѣялся, чего достигалъ и въ чемъ обманулся, въ чемъ находилъ покой душѣ, или разочарованіе, чѣмъ его сердце радовалось или сокрушалось, когда и отчего онъ наслаждался счастьемъ, или страдалъ въ жизни. Ему представится цѣлая картина случившихся съ нимъ превратностей житейскихъ, и изъ

обзора своего прошедшаго онъ можетъ извлечь для себя самыя вѣрные выводы для своего настоящаго и будущаго. Отчего мы любимъ заниматься болѣе настоящимъ и будущимъ, чѣмъ нашимъ прошедшимъ? Не оттого ли только, что настоящее еще есть, будущее еще будетъ, а прошедшее уже прошло и не возвратится? Но настоящее непостоянно, измѣнчиво и невѣрно; будущее еще неизвѣстно, и, думая о немъ, мы только мечтаемъ; одно прошедшее никогда не измѣняется, оно есть самое вѣрное неотъемлемое достояніе наше.

Нельзя однакожъ сказать, чтобы прошедшее къ намъ не возвращалось: оно возвращается къ намъ въ своихъ послѣдствіяхъ, которыя всегда соотвѣтствуютъ своему предыдущему. Когда мы не думаемъ о нашихъ недостаткахъ и заблужденіяхъ, то и не исправляемся, а не исправляясь, повторяемъ тѣ же заблужденія, иногда въ болѣе большихъ размѣрахъ. И не оттого ли мы бываемъ несчастны въ настоящемъ, что не хотѣли вразумляться прошедшимъ? Не самыя ли тяжкія душевныя страданія наши бываютъ тѣ, которыя отъ насъ самихъ происходятъ, какъ плоды порочныхъ нашихъ привычекъ, стремленій, когда мы не можемъ находить утѣшенія въ нашей совѣсти? Проводя жизнь въ разсѣянности и легкомысліи, мы хотимъ только жить, не повѣряя хода нашей жизни, хотимъ быть счастливы, не пользуясь уроками прошедшаго. Если исторію человѣчества мы должны изучать для познанія жизни гражданской, то исторію собственной жизни каждый человѣкъ долженъ знать для частной своей цѣли нравственной, для практическихъ уроковъ Богопознанія и самопознанія.

Не могу сказать, чтобы съ этою цѣлью я часто обращался къ воспоминанію моего прошедшаго: къ этому воспоминанію меня располагали большею частью обстоятельства, сокрушавшія мое сердце, когда страдало мое неудовлетворенное самолюбіе. Въ жизни моей я не былъ избалованъ удачами и дарами счастья, все мнѣ давалось трудомъ и съ трудомъ, но я не терпѣлъ крайней нищеты, не испытывалъ и такихъ бѣдствій, какимъ подвергаются многіе, достойные, повидимому, лучшей участи. Когда пораженный скорбью я разсматривалъ себя въ прежнихъ

обстоятельствахъ моей жизни, всегда убѣждался въ томъ, что Богъ послалъ мнѣ долю по моимъ силамъ и способностямъ, что въ другомъ высшемъ состояніи я могъ бы забыться, могъ бы оказаться несостоятельнымъ къ исполненію своихъ обязанностей, или не вынесъ бы борьбы съ препятствіями; что трудовая жизнь моя избавляла меня отъ праздности и ея гибельныхъ послѣдствій, сосредоточивала мои мысли, обращала мою дѣятельность на полезное, удаляла меня отъ соблазновъ, удерживала порывы характера, обуздывала волю; что въ критическихъ обстоятельствахъ, когда недоумѣніе и уныніе начинали овладѣвать моимъ духомъ, я, по милости Божіей, неожиданно получалъ откуда-нибудь или утѣшеніе, или защиту, или пособіе. При такихъ воспоминаніяхъ и соображеніяхъ самолюбіе мое смирялось, зависть во мнѣ утихала, и я успокаивался среди моей скорби. Мнѣ часто приходила мысль собрать и изложить для себя воспоминанія изъ моей прошедшей жизни, но разные развлеченія и забвенія доселѣ отвлекали меня отъ этого занятія. Теперь, когда конецъ жизни моей приближается, когда съ утратою душевныхъ и тѣлесныхъ силъ я потерялъ моихъ родныхъ и присныхъ, когда ни страсти, ни заботы по прежнему уже не возмущаютъ моей души, когда настоящее меня уже не радуетъ, я ищу удовольствія въ воспоминаніи моего прошедшаго, которое часто мирило меня съ самимъ собою. Пишу эти воспоминанія собственно для себя, чтобы бесѣдою съ самимъ собою о быломъ развлекать скуку моего одиночества. Если оставшіеся у меня присные мнѣ когда-нибудь полюбопытствуютъ прочесть эти строки, они найдутъ въ нихъ кое-что такое, чего они обо мнѣ еще не знали. Если же воспоминанія эти случайно попадутъ въ руки человѣка посторонняго, предвѣряю его, что онъ не найдетъ въ нихъ ничего для себя занимательнаго, такъ какъ самая жизнь моя не представляетъ никакихъ особенностей для любопытнаго. Совѣтую однако-жъ всякому собрать воспоминанія изъ прошедшей своей жизни и увѣряю, что это принесетъ ему не только удовольствіе, но и пользу, когда онъ въ прошедшемъ захочетъ лучше узнать самого себя и дѣйствія благотворящаго ему Промысла Божія.

Мои воспоминанія.

... Помянухъ дни дровніа, поучихся во
всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ. Псал. 142, ст. 5.

... Милость Твоя предупредитъ мя вся дни живота моего.

Боговдохновенный царь и пророкъ Давидъ, потерпѣвшій въ жизни своей много превратностей и злоключеній, любилъ вспоминать о прежнихъ временахъ житія своего, поучался изъ нихъ путямъ Божіа о немъ Промысла и находилъ, что, при всѣхъ испытанныхъ имъ несчастіяхъ, милость Божія сопровождала и не оставляла его во все прожитое имъ время. И каждый вѣрующій въ Провидѣніе Божіе въ воспоминаніяхъ своихъ о прожитомъ имъ времени можетъ находить для себя много поучительнаго, въ особенности касательно Божескаго о немъ попеченія.

Богъ всегда благу и ко всѣмъ милостивъ.

Находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, лишенный при томъ зрѣнія, я большую часть времени провожу самъ съ собою, въ моихъ размышленіяхъ; часто вспоминаю мое прошлое и въ этихъ воспоминаніяхъ нахожу, что Милосердный Богъ во всѣ времена и во всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни посылалъ мнѣ часто неожиданную свою помощь въ лицахъ моихъ начальниковъ, наставниковъ, сотоварищей, сослужителей и добрыхъ пріятелей, мнѣ благотворившихъ своими внушеніями, совѣтами, предостереженіями и теплымъ участіемъ. Въ чувствѣ сердечной моей признательности къ этимъ моимъ благотворителямъ, я хочу сохранить въ моей памяти незабвенныя для меня имена ихъ и для того излагаю мои воспоминанія на бумагѣ посредствомъ чужой руки по моей диктовкѣ. Воспоминанія эти конечно не будутъ имѣть читателей, для которыхъ въ нихъ нѣтъ ничего интереснаго; я желаю сохранить ихъ для себя самого и, можетъ быть, для немногихъ ближайшихъ ко мнѣ лицъ.

I.

Мои родители. — Мое рожденіе и домашнее воспитаніе — Богѣвъ отца. — Поѣздка наша въ Петербургъ для опредѣленія меня въ Армейскую Семинарію.

Отецъ мой Іоакимъ Θεодоровичъ Самчевскій былъ уроженецъ черниговской губерніи конотопскаго уѣзда; обучался въ

бывшей Новгородъ-Сѣверской семинаріи, отлично зналъ латинскій языкъ, на которомъ свободно говорилъ и хорошо писалъ стихи; по окончаніи курса философіи онъ поступилъ на службу въ духовную Новгородъ-Сѣверскую дикастерію, гдѣ получилъ два первые чина, но, женившись на дочери священника села Лисконогъ (моей матери) Екатеринѣ Игнатьевнѣ Калиновской, впоследствии поступилъ на мѣсто своего тестя. Первымъ сыномъ моихъ родителей былъ Степанъ, умершій въ отрочествѣ. Мое рожденіе случилось незадолго до смерти моего дѣда Калиновскаго, наканунѣ Рождества Христова, въ 1799 году. Я былъ рожденъ весьма слабымъ ребенкомъ, и своимъ безпрестаннымъ плачемъ сокрушалъ моихъ родителей.

Въ день похоронъ моего дѣда, мать моя, въ хлопотахъ по кухнѣ, оставила меня одного въ комнатѣ на кровати; вернувшись изъ кухни въ домъ и не слыша моего крика, она пришла въ мою комнату и что-же увидѣла! На кровати, гдѣ я лежалъ, наброшены были шубы пріѣхавшими на похороны священниками. Когда шубы были сняты, мать увидѣла меня посинѣвшимъ и едва могла привести въ чувство. Итакъ, вскорѣ послѣ явленія моего на свѣтъ Божій, мнѣ угрожала смерть, но Богу угодно было спасти меня отъ нея и при слабомъ моемъ сложеніи продлить вѣкъ мой до глубокой старости. Вотъ первое явленіе ко мнѣ милости Божіей, которая не оставляла меня во всю мою жизнь.

Когда я сталъ подростать, отецъ мой самъ началъ учить меня грамотѣ по-русски, по-латыни и пѣнію, къ которому видѣлъ во мнѣ способность, такъ какъ я имѣлъ хорошій голосъ дисканта. Учился я успѣшно, хотя иногда полѣзничался и пошаливалъ. Отецъ мой былъ ко мнѣ строгъ и взыскателенъ. Однажды, не выучивши заданнаго мнѣ урока и боясь наказанія, я скрылся въ конопляникъ, бывшій на огородѣ близъ дома. Посидѣвъ тамъ немалое время, я сталъ бродить въ конопляхъ и заблудился, такъ что не могъ уже выйти изъ нихъ. Родители обеспокоились; мать, долго искавшая меня на селѣ, пришла наконецъ въ огородъ, громко стала звать меня по имени, я отозвался, и мать вывела меня изъ моей засады. Это было уже вечеромъ. На

этотъ разъ я остался ненаказаннымъ. Въ другой разъ, какъ отецъ мой пошелъ со мной въ ближайшее село Роговку, гдѣ былъ наблюдающимъ въ приходѣ, я тамъ опять не выучилъ заданнаго мнѣ урока, и отецъ, занятый требами по приходу, не могши самъ наказать меня и не желая оставить безъ взысканія, поручилъ тамошнему дьячку дать мнѣ нѣсколько розогъ. Дьячекъ очень слабо наказалъ меня и, чтобы я не плакалъ, далъ мнѣ грушу.

Изъ шалостей моихъ помню двѣ слѣдующія: отецъ мой, очень любившій заниматься садомъ, обрадовался, когда на одной изъ посаженныхъ имъ яблонь показались первые плоды; я оборвалъ ихъ и роздалъ сельскимъ мальчишкамъ; за такую проказу отецъ высѣкъ меня подъ той самой яблонею, давъ мнѣ нѣсколько ударовъ по числу оборванныхъ плодовъ. Другая шалость была поважнѣе. Въ домѣ у него находилась, какъ обыкновенно бываетъ у священника, крестильница, на верху которой были образки святыхъ. Я отломалъ ихъ и также роздалъ мальчишкамъ. Наказанія тогда не послѣдовало, и я думалъ уже, что эта продѣлка моя сойдетъ для меня благополучно, но не тутъ-то было. Отецъ мой, имѣя надобность отправиться въ село Роговку по случаю требъ, взялъ и меня съ собой. Долго мы шли молча; когда дошли до одного лѣска, отецъ, отломивъ отъ березы прутъ, больно меня высѣкъ, приговаривая: „не шали, не ломай крестильницы“.

Въ чтеніи и пѣніи успѣхи мои были довольно быстры. Отецъ заставлялъ меня читать и пѣть на клиросѣ съ дьячкомъ и, когда гулялъ со мною по селу или въ полѣ, всегда пѣлъ со мною богослужебныя пѣсни. Лисконоговскій приходъ моего отца былъ очень скуденъ по доходамъ; между тѣмъ я пришелъ въ тотъ возрастъ, когда нужно было отдавать меня въ школу; семейство наше умножилось еще двумя моими братьями, Николаемъ и Львомъ, умершимъ въ младенчествѣ. Все это заставило моего отца подумать о перемѣнѣ мѣста своего служенія и онъ рѣшился проситься въ армейское духовенство. Просьба его имѣла успѣхъ, и онъ былъ назначенъ священникомъ въ 23-й егерскій полкъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, на походѣ

въ Финляндію. Собираясь въ Петербургъ, отецъ рѣшилъ взять и меня съ собою, чтобы опредѣлить въ семинарію, въ которой воспитывались дѣти полковыхъ священниковъ.

Заведеніе это учреждено подъ названіемъ армейской семинаріи Императоромъ Павломъ Петровичемъ. Домъ для этой семинаріи сперва находился на Васильевскомъ островѣ въ 13-й линіи противъ морскаго кадетскаго корпуса. Императоръ Павелъ при учрежденіи ея повелѣлъ выдать въ церковь ея отъ двора богатую мальтійскую ризницу изъ серебряной бѣлой парчи съ малиновыми по ней крестами; онъ же прислалъ въ семинарію и свой прекрасный тканый портретъ въ богатой рамѣ. Первымъ главнымъ начальникомъ армейской семинаріи былъ любимецъ Императора Павла протопресвитеръ Павелъ Яковлевичъ Озерецковскій. Говорили, что Императоръ Павелъ, думавшій учредить въ Россіи бѣлыхъ архіереевъ, тайно пожаловалъ Озерецковскому архіерейскую мантию, которою по смерти Озерецковскаго обить былъ его гробъ. Отецъ мой, получивъ казенные прогоны на проѣздъ въ Петербургъ, хотѣлъ немедленно выѣхать туда, но вдругъ опасно заболѣлъ. Я постоянно находился при немъ. На яву и даже въ бреду онъ выражалъ скорбь свою о томъ, что по смерти его семейство останется въ самомъ несчастномъ положеніи, и въ особенности о томъ, что я, любимый сынъ его, лишусь дальнѣйшаго образованія. Мать моя была въ отчаяніи и вмѣстѣ со мной рыдала надъ больнымъ отцомъ. Но Премилосердный Отецъ Небесный сохранилъ намъ отца земного; родитель мой сталъ поправляться и тѣмъ утѣшилъ скорбѣвшую семью нашу. По выздоровленіи, онъ поспѣшилъ отъѣздомъ нашимъ въ Петербургъ. Въ виду предстоящаго отцу похода въ Финляндію мать моя съ двумя меньшими братьями моими должна была оставаться въ Лисконогахъ. Помню я наше плачевное разставаніе: когда мы съ отцомъ сѣли въ повозку, рыдающая мать стояла передъ нами, держа на рукахъ меньшого моего брата Льва, а подлѣ нея стоялъ средній четырехлѣтній Николай. Я не плакалъ, находясь въ какомъ-то безчувствіи, и думалъ только о поѣздкѣ; но когда мы отъѣхали нѣсколько верстъ отъ Лисконогъ, грусть разлуки съ матерью и

братьями одолѣла меня, и я долго плакалъ. Въ дорогѣ отецъ былъ со мною очень нѣженъ, утѣшалъ меня въ моей скорби и старался объяснить, что онъ везетъ меня въ Петербургъ для того, чтобы я получилъ тамъ образованіе и не былъ такъ бѣденъ, какъ онъ; при видѣ хорошихъ строеній на пути нашемъ онъ говорилъ мнѣ: „учись, мой сынъ, учись, и ты будешь имѣть такой домъ“. Изъ случайностей на пути нашемъ помню одну непріятность. На одной станціи отецъ передалъ мнѣ подорожную, которую одинъ изъ ямщиковъ, незамѣтно для меня, взялъ и спряталъ. Отецъ былъ въ хлопотахъ по этому случаю; ямщикъ, взявшій подорожную, черезъ нѣсколько времени представилъ ее отцу, какъ будто гдѣ-то нашелъ, и требовалъ за то награды, которую отецъ и далъ ему. Путешествіе наше на почтовыхъ лошадяхъ было продолжительно по причинѣ остановокъ на станціяхъ за недостаткомъ лошадей; наконецъ, дней черезъ десять, мы добрались до Петербурга вечеромъ въ маѣ мѣсяцѣ 1809 года и остановились на квартирѣ на Ямской, у какого-то, кажется, мѣщанина.

II.

Принятіе меня въ Армейскую семинарію.—Разлука съ отцомъ.—Знакомство съ Пыльневимъ.—Насмѣшки товарищей.—Учитель Поляковъ.—Соученики мои Трачевскій и Поляковъ.—Поступленіе мое въ хоръ пѣвчихъ.—Мерцаловъ.—Желаніе поступить въ придворный хоръ.—Трудности пребыванія въ семинарскомъ хорѣ.—Митрополитъ Амурскій.—Злобинъ.—Комнатный старшій.—Наказаніе розгами и проказы учениковъ.

На другой день по прибытіи нашемъ въ Петербургъ отецъ пошелъ со мною къ оберъ-священнику арміи и флота. Эту должность занималъ тогда протопресвитеръ Иванъ Семеновичъ Державинъ, членъ Святѣйшаго Синода и комисіи духовныхъ училищъ, имѣвшій митру и орденъ Анны 1-й степени. При самомъ нашемъ появленіи онъ объявилъ отцу моему, что 23-й егерскій полкъ уже ушелъ въ Финляндію и что отецъ мой долженъ спѣшить догнать его; на просьбы о принятіи меня въ семинарію онъ положилъ резолюцію: „принять“, и мы отъ него отправились въ домъ Семинаріи, гдѣ ректоръ ея протоіерей Гро

мовъ немедленно распорядился о зачисленіи меня въ 1-й классъ, конечно, на казенное содержаніе, которымъ пользовались всѣ воспитанники этой семинаріи. На другой день рано утромъ отецъ мой выѣхалъ изъ Петербурга. Я съ хозяиномъ нашей квартиры провожалъ его за Неву, на Выборгскую сторону. При прощаніи съ плакавшимъ отцомъ я рыдалъ безутѣшно, и, когда онъ скрылся изъ виду, хозяинъ нашей квартиры повелъ меня, плачущаго, въ свой домъ, а на другой день поутру отвелъ въ Семинарію. По окончаніи Финляндскаго похода отецъ мой былъ въ Петербургѣ, и это было уже послѣднее мое свиданіе съ нимъ. Въ Петербургѣ онъ заказывалъ иконостасъ для своей церкви живописцу Пыльневу, съ семействомъ котораго познакомилъ и меня, и я, въ продолженіе всего моего пребыванія въ Петербургѣ, находилъ себѣ отрадный пріютъ въ квартирѣ Пыльневыхъ, которыхъ мать старушка особенно меня ласкала.

По приходѣ моемъ въ Семинарію, товарищи по классу окружили меня, но я дичился ихъ, уходилъ въ какое-нибудь уединенное мѣсто и тамъ обливался слезами, какъ бы находя въ нихъ утѣшеніе. Къ увеличенію подавлявшаго меня горя новыя товарищи мои преслѣдовали меня насмѣшками надъ моею плаксивостью и надъ моимъ малороссійскимъ нарѣчіемъ. На испытаніи въ первомъ классѣ, я оказался настолько подготовленнымъ, что опередилъ въ предметахъ моихъ соучениковъ; я бойко читалъ и писалъ по-русски и по-латыни, и потому учитель нашъ Поляковъ обратилъ на меня особое вниманіе и сдѣлалъ меня аудиторомъ, что заставило моихъ товарищей прекратить свои насмѣшки. Въ числѣ товарищей былъ еще одинъ, незадолго до меня поступившій малороссіянинъ, Трачевскій, съ которымъ на первыхъ порахъ мнѣ пришлось подражаться. Оба мы явились къ комнатному нашему старшему съ жалобами и обоихъ насъ поставили на колѣни. Ученики высшихъ классовъ водили меня по своимъ комнатамъ и, къ моей досадѣ, заставляли повторять исторію моей драки, потѣшаясь моимъ рассказомъ. „Трачевскій,—говорилъ я,—назвавъ мене Самчѣ, а я его Трачѣ; винъ мене вдарывъ по пыци, а я его въ морду“ и т. д. Впрочемъ,

насмѣшки надъ моимъ малороссійскимъ говоромъ заставили меня въ непродолжительномъ времени выучиться говорить по-русски.

И такъ, въ первомъ классѣ я обучался безъ всякихъ затрудненій. Но въ тоже время поступилъ въ нашъ классъ привезенный изъ Тобольска сынъ полковаго священника Полковъ, затмившій всѣхъ насъ своими необыкновенными способностями и успѣхами. Товарищи мои вздумали было первое время поглумиться надъ новичкомъ, еще не подозрѣвая того, что онъ былъ и достаточно силенъ. Отколотивъ одного, другого, Полковъ заставилъ всѣхъ его бояться и даже уважать.—Съ удовольствіемъ продолжая ученіе мое въ первомъ классѣ, я сокрушался зачисленіемъ меня въ хоръ семинарскихъ пѣвчихъ, въ который меня взяли при самомъ поступленіи моемъ въ семинарію, сокрушался потому, что видѣлъ суровое обращеніе регента съ другими малыми пѣвчими. Насъ учили методически, заставляя самихъ разбирать ноты и тоны; регентъ назначалъ уроки и неисправныхъ бивалъ, а иногда и сѣкъ. Хотя я и не подвергался самъ подобнымъ взысканіямъ, тѣмъ не менѣе, видя такое обращеніе съ пѣвчими, я старался испортить свой голосъ, пилъ конопляное масло, чтобы охрипнуть, но ничто не помогало,—голосъ очищался и отъ времени усиливался. Не зналъ я тогда, что пѣніе послужить мнѣ въ пользу, что успѣхи мои въ немъ обратятъ на меня вниманіе самого оберъ-священника, что пѣніе сдѣлается въ послѣдствіи моею страстью и послужить мнѣ лучшимъ утѣшеніемъ въ жизни; и теперь, въ глубокой старости моей, при моей слѣпотѣ, я очень часто, оставаясь самъ съ собою, молча, а иногда и голосомъ, повторяю мотивы изъ многихъ памятныхъ мнѣ церковныхъ пѣснопѣній. Когда я началъ хорошо понимать церковную музыку, регентъ былъ мною очень доволенъ и заставлялъ меня дирижировать хоромъ даже въ церкви. Я уже начиналъ пѣть соло, какъ поступилъ въ нашу семинарію изъ славившагося тогда тульскаго хора отличный солистъ Мерцаловъ. Первый опытъ его пѣнія въ нашей церкви обратилъ на него всеобщее вниманіе, всѣ превозносили его похвалами. Изъ зависти къ Мерцалову я плакалъ, но онъ, будучи гораздо старше меня лѣтами, скоро спалъ съ го-

лоса, и я занялъ его мѣсто. Мнѣ представлялся тогда удобный случай поступить въ придворный хоръ. Придворный протодіаконъ Мещерскій и придворный же теноръ Яновскій пришли къ намъ отыскивать для себя одну старинную херувимскую и просили при нихъ ее исполнить, послѣ чего придворный пѣвчій спросилъ меня, хочу ли я поступить въ придворный хоръ. Я изъяснилъ свое на то желаніе, прельщаясь отличнымъ содержаніемъ мальчиковъ въ придворномъ хорѣ, особенно параднымъ ихъ костюмомъ изъ краснаго сукна съ золотыми кистями и позументами. Не знаю, было ли затѣмъ требованіе меня въ придворный хоръ, знаю только, что ректоръ нашъ Готовъ воспротивился моему неразумному желанію, исполненіе котораго лишило бы меня дальнѣйшаго образованія, и было бы противно завѣтному желанію покойнаго моего отца. Участіе мое въ хорѣ меня радовало, но въ тоже время заставляло переносить такіе тяжелые труды, которые даже и теперь мнѣ кажутся невыносимыми по тогдашнему моему возрасту и силамъ. Оберъ-священникъ часто приглашался на выносы (такъ въ Петербургѣ называли похороны), а съ нимъ долженъ былъ находиться и хоръ его. Въ лѣтнее время эти выносы не только не затрудняли насъ, но даже доставляли пріятное развлеченіе, прогулку послѣ учебныхъ занятій; въ зимнее же время иногда, при большихъ морозахъ и сильномъ вѣтрѣ мы должны были совершать очень далекія путешествія, провожая покойниковъ на Смоленское или Волковское кладбище. Надо замѣтить, что такіе проводы мы совершали въ однихъ сюртукахъ, въ холодной обуви, безъ перчатокъ, съ открытыми при томъ головами и съ нотными книгами въ рукахъ, которыя обыкновенно носили дисканты и альты. Помню, какъ однажды въ такой процессіи, при приближеніи къ Невѣ во время ея ледохода, сильный холодный вѣтеръ помчалъ меня къ рѣкѣ, и какъ регентъ, взявши меня за руку, остановилъ мое стремленіе. Съ большимъ трудомъ мы переправлялись тогда въ катерахъ съ гробомъ покойника. Послѣ долгой и трудной переправы, предстоялъ намъ еще далекій путь до кладбища, въ церкви котораго мы пѣли обѣдню и отпѣваніе. На обратномъ пути насъ, обыкновенно, везли уже въ

каретахъ въ домъ покойника, гдѣ послѣ сытнаго угощенія мы забывали и морозъ, и вѣтеръ, и труды наши. Мнѣ теперь самому не вѣрится, чтобы я могъ переносить такіе походы, но память моя говоритъ мнѣ, что я ихъ переносилъ. Замѣчательно, что во время пребыванія моего въ Петербургѣ, я никогда ничего себѣ не отморозилъ. Звали нашъ хоръ нерѣдко и на свадьбы, но онѣ доставляли уже намъ баловство, а не труды. Въ рождественскіе и пасхальные праздники мы Христа славили. Когда, по приказанію оберъ-священника, мы поздравляли петербургскаго митрополита Амвросія концертомъ, онъ, преподавая намъ благословеніе, замѣтилъ, что мы, какъ семинаристы, должны были бы поздравить его рѣчами, или одами, какъ тогда водилось. Въ праздникъ Пасхи нашъ хоръ сошелся однажды съ митрополичьимъ хоромъ въ домѣ уважаемаго Державиннымъ именитаго откупщика-богача Злобина. Сперва огромный митрополичій хоръ въ обширной залѣ превосходно исполнилъ трудный концертъ „Да воскреснетъ Богъ“ подъ управленіемъ самого Турчанинова. Злобинъ, съ тремя золотыми медалями на шеѣ, стоялъ и восхищался этимъ превосходнымъ пѣніемъ; съ удовольствіемъ онъ слушалъ потомъ и нашъ небольшой хоръ, отчетливо пропѣвшій концертъ „Сей нареченный“. Самъ Турчаниновъ и нѣкоторые изъ пѣвчихъ его спрашивали у нашего регента о дискантѣ, исполнявшемъ соло. Угощеніе обоихъ хоровъ у Злобина было обильное. Онъ наградилъ митрополичій хоръ 100 рублями, давъ Турчанинову что-то особо, а насъ 25 рублями,—сумма по тогдашнему времени значительная.

Вообще участіе мое въ хорѣ доставляло мнѣ одно только удовольствіе; меня ни разу не наказывали ни за пѣніе, ни за уроки въ классахъ, а за шалости во время нахождения моего въ первомъ классѣ я иногда подвергался наказанію отъ комнатнаго старшаго, человѣка вспыльчиваго и раздражительнаго. Мы такъ его боялись, что въ присутствіи его говорили между собою не иначе, какъ шепотомъ; за то, когда онъ уходилъ изъ нашей комнаты, въ ней поднимались шумъ, гамъ, бѣготня и даже драка, при чемъ пыль наполняла всю комнату. Когда старшій заставлялъ такой безпорядокъ, начиналась расправа розгою, вотъ тутъ-то

иногда испытывалъ ее и я, или за участіе въ шалости, или за то, что на вопросъ: „кто шумѣлъ?“ отвѣчалъ, что шумѣли всѣ, что въ дѣйствительности и было справедливо.

Заговоривъ о розгѣ, я долженъ при томъ сказать, что во время первыхъ трехъ лѣтъ обученія моего въ армейской семинаріи розга еще сильно въ ней господствовала. Сѣкли въ низшихъ классахъ учителя и комнатные старшіе; сѣкли и въ высшихъ классахъ, иногда даже учениковъ богословія, по распоряженію и въ присутствіи самого ректора. И гдѣ же ихъ сѣкли? въ столовой, во время обѣда, въ присутствіи всѣхъ учениковъ семинаріи! Это варварство приводило насъ малолѣтнихъ въ ужасъ и трепетъ. Надобно сказать правду, что и ученики съ своей стороны въ тогдашнее время дѣлали проказы, достойныя строгаго наказанія (конечно только не въ столовой же, гдѣ умѣстно было бы только посадить виновнаго за голодный столъ). Такъ, напримѣръ, ученикъ 3-го класса Чернышевъ, лѣнтяй, участникъ въ кулачныхъ бояхъ, дерзкій и на все отважный, вышедши однажды съ товарищами своими послѣ ужина на дворъ и увидѣвъ въ квартирѣ ректора жену его, сидѣвшую у окна, сказалъ товарищамъ: „хотите, братцы, я пушу въ нее камнемъ?“ и когда они сказали, что онъ этого не сдѣлаетъ, онъ, дѣйствительно, бросилъ въ окно камень, который, можетъ быть, попалъ въ сидѣвшую. На другой день его жестоко высѣкли въ столовой. Другой случай былъ поважнѣе. Я былъ боленъ и находился въ больницѣ. Когда ученики уже поужинали, послышался продолжительный звонъ класснаго колокольчика; этотъ необыкновенный по времени звонъ заставилъ больничнаго смотрителя выбѣжать на дворъ, и онъ, возвратившись, сказалъ, что ученики старшихъ классовъ бьютъ ректора, вышедшаго съ ними изъ столовой, а другіе въ это время звонятъ. Ректоръ Гротовъ на другой день донесъ о происшедшемъ оберъ-священнику, и послѣдній, пріѣхавъ въ семинарію, велѣлъ собрать всѣхъ старшихъ учениковъ и, послѣ разспросовъ, приказалъ сѣчь виновныхъ. Лучшій ученикъ богословія Аѳиминскій наказанъ былъ такъ больно, что его на рукахъ принесли въ больницу. Онъ, по окончаніи курса, сдѣлавшись полковымъ священникомъ,

чѣмъ-то отличился во время сраженій въ отечественную войну и возвратился послѣ нея съ орденомъ второй степени св. Анны, явился къ оберъ-священнику Державину и благодарилъ его за сдѣланное ему въ семинаріи примѣрное правоученіе. Послѣ трехъ лѣтъ моего нахожденія въ семинаріи подобныя поступки учащихся и учащихся прекратились и болѣе не возобновлялись; помирнѣли ли ученики послѣ наказаній, пришли ли начальники и учителя къ сознанію непригодности подобныхъ наказаній, произошла ли такая перемѣна къ лучшему отъ перемѣщенія армейской семинаріи съ Васильевского острова въ 3-ю роту Измайловскаго полка, въ болѣе обширный домъ, въ которомъ отведена была квартира и оберъ-священнику,—неизвѣстно. Можетъ быть причиной тому и самое время, котораго обстоятельства укротили учащихся и учащихся въ семинаріи. Насталъ 1812 годъ.

III.

Двѣнадцатый годъ.—Комета.—Смятеніе въ городѣ.—Сперанскій.—Смерть Кутузова и его погребеніе.—Проводы войскъ.—Воодушевленіе семинаристовъ.—Вѣсть о взятіи Парижа.—Возвращеніе гвардіи.—Императоръ Александръ I.; моя съ нимъ встрѣча.—Торжества послѣ войны.—Слоны и Персидское посольство.—Сварженіе миссіи въ дворамъ.

Кто не помнить достопамятнаго и незабвеннаго 1812 года? Живо помню его и я по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія произвели на меня происшествія этого года, все то, что я собственными глазами видѣлъ или слышалъ. Помню я ту страшную комету, которая своимъ огромнымъ ядромъ и длиннымъ раздвоеннымъ хвостомъ пугала насъ дѣтей, появляясь въ сумерки въ теченіе долгаго времени; помню, какъ приходившіе тогда въ нашу семинарію военные и гражданскіе чиновники поражали нашъ слухъ, называя неповиннаго Сперанскаго измѣнникомъ и предателемъ; помню то смятеніе всѣхъ петербургскихъ жителей, когда они слышали о занятіи Москвы французами; помню и видѣлъ то потрясающее зрѣлище, когда бѣжавшіе изъ Москвы жители въ экипажахъ и на повозкахъ мимо нашей семинаріи вѣзжали въ Петербургъ при плачѣ женщинъ и дѣ-

тей; помню, какъ во многихъ пунетахъ города происходили наборы рекрутъ и ополченцевъ, при прощальномъ рыданіи оставляемыхъ ими семействъ; помню, какъ уstraшенные обитатели Петербурга выносили изъ домовъ своихъ шкафы, комоды, сундуки и прочее имущество, препровождая ихъ на баркахъ въ Кронштадтъ, Або и другіе города Имперіи; помню, какъ пустыль нашъ Петербургъ, какъ рѣдко показывались на улицахъ кареты и какъ, по отбытіи Государя къ арміи, остававшіяся въ городѣ императрицы Марія Ѳеодоровна и Елизавета Алексѣевна пріѣзжали молиться въ Казанскій соборъ и со слезами на глазахъ кланялись толпившемуся около нихъ народу, который и самъ плакалъ. Это собраніе называли тогда парадомъ; гвардейцевъ въ столицѣ уже не оставалось, дворецъ охраняли гарнизонные солдаты въ своихъ сѣрыхъ мундирахъ. Уныніе было всеобщее. Радостная вѣсть о Тарутинской побѣдѣ и о выходѣ французовъ изъ Москвы ободрила петербуржцевъ; дальнѣйшіе успѣхи нашего оружія и бѣгство французской арміи еще болѣе ихъ обрадовали. Помню, наконецъ, и то, какъ зимою вели мимо нашей семинаріи плѣнныхъ непріятелей, худо одѣтыхъ и коченѣвшихъ отъ мороза, который бывалъ тогда такъ силенъ, что изъ Лѣтняго сада возами вывозили замерзшихъ воронъ; жители съ сожалѣніемъ смотрѣли на плѣнныхъ, дарили ихъ одеждами и деньгами. Ужасная вѣсть о смерти князя Кутузова снова поразила Петербургъ уныніемъ. Плакали объ этомъ спасителѣ отечества всѣ, плакали о немъ и мы, дѣти, думая, что безъ него уже некому будетъ поражать нашихъ враговъ, и что Наполеонъ снова вернется въ Россію и овладѣетъ Петербургомъ. Но новыя побѣды нашихъ войскъ и занятіе Парижа совершенно успокоили жителей столицы.

По полученіи извѣстія о смерти Кутузова во всѣхъ церквахъ Петербурга начали читать Псалтырь, а въ Казанскомъ Соборѣ, подъ куполомъ, устроилась огромная арка, на поверхности которой живописью были изображены его побѣды. Я самъ видѣлъ погребеніе Кутузова и самъ былъ участникомъ въ погребальной церемоніи. Когда тѣло его было привезено въ Сер-

гіевскую пустынь, оберъ-священникъ Державинъ съ хоромъ своимъ долженъ былъ сопровождать тѣло покойнаго героя отъ пустыни въ Петербургъ. Наканунъ того дня, въ маѣ мѣсяцѣ, нашъ хоръ пѣшкомъ отправился по Петергофскому тракту и достигъ пустыни уже ночью. Въ Сергіевской церкви мы увидѣли на черномъ катафалкѣ большой гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ золотыми подушками, и надъ нимъ такой же балдахинъ съ золотыми кистями. Его окружали армейскіе солдаты съ ружьями. Выносъ начался поутру, часовъ въ 8, послѣ литіи. Гробъ съ балдахиномъ поставленъ былъ на высокую колесницу, запряженную 8 лошадьми въ черныхъ покрывалахъ; въ такихъ же траурныхъ плащахъ шли слуги съ факелами, позади вели лошадей покойнаго, а по сторонамъ гроба военные несли на бархатныхъ подушкахъ всѣ ордена его. Впереди шло духовенство съ архіереемъ во главѣ и хоръ пѣвчихъ, которые на пути слѣдованія попеременно шли и садились для отдыха въ кареты; такимъ же образомъ перемѣнялись между собой въ шествіи архіерей и оберъ-священникъ. Погребальный кортежъ, сопровождаемый множествомъ стекшагося народа, такъ былъ длиненъ, что когда, бывало, выскочишь изъ рядовъ хора, чтобы взглянуть на него, то на весьма далекомъ разстояніи видишь только одинъ верхъ балдахина съ княжескою на немъ короною и съ зыблющимися по четыремъ угламъ его страусовыми перьями. Путь, по которому тянулось шествіе до Петербурга, былъ усыпанъ ельникомъ на протяженіи 16 верстъ. Когда кортежъ приблизился къ триумфальнымъ воротамъ, митрополитъ Амвросій со всѣмъ столичнымъ духовенствомъ, въ присутствіи великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, при множествѣ собравшагося народа, встрѣтилъ его. По данному знаку мгновенно отпряжены были лошади отъ погребальной колесницы, и жители Петербурга на себѣ повезли ее, непрерывъ смѣняя другъ друга. Во время шествія улицы Петербурга были буквально запружены народомъ, въ окнахъ и на крыльцахъ всѣхъ домовъ видны были зрители. Когда погребальную колесницу подвезли къ Казанскому собору, военные чины сняли съ нея гробъ, внесли впутьр храма и поставили

подъ арку, устроенную подъ куполомъ. Въ церковь пускали немногихъ. Посредствомъ какого-то механизма, скрытаго въ бокахъ арки, гробъ, какъ будто самъ собою, сталъ подниматься, и, когда прошелъ въ верхнее отверстіе арки, доски тѣмъ же механизмомъ задвинули отверстіе, и на нихъ гробъ сталъ; надъ нимъ преклонились знамена и спустился съ купола восковой Архангелъ Михаилъ съ лавровымъ вѣнцомъ въ рукѣ. По совершеніи краткой литіи, четыре кавалергарда, съ касками на головахъ и съ обнаженными саблями, взошли на платформу арки и стали по четыремъ угламъ гроба. Псаломщикъ сталъ читать псалтирь, всѣ присутствующіе стали расходиться, съ ними ушелъ и нашъ хоръ. На третій день совершенно было въ Казанскомъ соборѣ и самое погребеніе, при которомъ нашего хора уже не было.

Въ началѣ отечественной войны ученіе въ Армейской Семинаріи шло слабо и съ перерывами. Пѣвчіе въ особенности отвлекались отъ учебныхъ занятій. Они часто должны были ходить за оберъ-священникомъ на Семеновскій плацъ, гдѣ совершались напутственныя молебствія передъ отправленіемъ полковъ гвардіи въ походъ. Полки всегда выходили изъ города по Обуховскому проспекту мимо нашей семинаріи, и всѣ семинаристы выбѣгали за ворота смотрѣть на процессіи. Оберъ-священникъ благословлялъ полки иконами. Трогательно было это зрѣлище: генералы и полковые командиры со слезами принимали эти иконы и говорили: „батюшка, молитесь за насъ, идемъ умереть за отечество“. Настроеніе семинаристовъ было воинственное. Человѣкъ 15 изъ нихъ поступило тогда въ регулярные полки и въ ополченіе. Нѣкоторые изъ нихъ воротились офицерами, а ополченецъ Дудулевичъ побывалъ даже въ самомъ Парижѣ и принесъ съ собою немалую деньгу. Мы, дѣти, большую часть времени проводили въ забавахъ, изучая воинскій артикулъ, маршировали съ палками въ рукахъ, подъ командою солдата, сторожа нашего Агаѳона. Намъ тогда было уже не до науки: всѣ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ занимались вѣстями изъ арміи, читали продаваемыя на улицахъ реляціи, встрѣчали фельдъегерей, отъ которыхъ, конечно, ничего не узнавали; одинъ только

изъ нихъ, какъ я помню, скакавшій во весь опоръ, съ казакомъ позади его, мимо нашей семинаріи, громко прокричалъ: „мы побѣдили французовъ, выгнали изъ Москвы!“ Когда пришла въ Петербургъ радостная вѣсть о взятіи Парижа, восторгъ жителей былъ неописанный. Три ночи сряду продолжалась великолѣпнѣйшая, небывалая иллюминація. Насъ освободили тогда отъ ученія, и мы бродили въ тѣ ночи по иллюминированнымъ улицамъ, смотря на многочисленные картины и транспаранты, выставленные противъ домовъ, слушая игравшую повсюду музыку и радостный говоръ толпившагося народа, среди котораго проѣзжали Императрицы при восклицаніяхъ: „ура!“ Само собою разумѣется, что послѣ такихъ празднествъ уроки намъ не шли уже въ голову. Когда по окончаніи войны гвардія возвращалась въ Петербургъ, государь Александръ Павловичъ, прежде того ночью прибывшій въ Петербургъ и отказавшійся отъ предложенной ему торжественной встрѣчи, встрѣтилъ гвардію за новыми триумфальными воротами, выстроенными для этого именно случая. Шествіе открылъ самъ государь верхомъ на бѣломъ конѣ, съ генералитетомъ позади его; затѣмъ ѣхали въ торжественной открытой колесницѣ великолѣпно одѣтыя Императрицы съ Великой Княжной Анной Павловной. Полки гвардіи приближались къ столицѣ торжественнымъ, тихимъ маршемъ, съ распушенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ, а затѣмъ уже бѣжали, говоря: „такъ мы вступали въ Парижъ!“ Жены солдатъ врывались въ ряды ихъ и обнимали своихъ мужей. Я стоялъ у самой веревки, протянутой для удержанія толпившагося народа въ порядкѣ, и видѣлъ всю церемонію. Говорили, что, когда Государь подъѣзжалъ къ старымъ каменнымъ триумфальнымъ воротамъ, мальчишки толпою вырвались за веревку и окружили Государя, который, запретивъ отгонять ихъ, самъ громкимъ голосомъ закричалъ: „ура!“ Мальчишки повторили это восклицаніе, и затѣмъ оно понеслось въ народѣ и въ войскѣ. Я, находясь вдали, не могъ этого видѣть и слышать. Можно считать этотъ рассказъ невѣроятнымъ, но надобно знать, какъ покойный Императоръ Александръ Павловичъ былъ благодушенъ, когда являлся передъ народомъ. Когда, бывало, зимою онъ про-

хаживался по набережнымъ, мальчишки, катавшіеся на конькахъ по рѣкѣ, увидѣвши его, громко кричали: „братцы, вонъ идетъ Государь!“ и толпою бѣжали къ нему. Квартальные не смѣли отгонять ихъ, но, по удаленіи Государя, задавали смѣльчакамъ таску.

Однажды и мнѣ случилось встрѣтиться съ покойнымъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ. На масляной недѣлѣ, когда ученики освобождаются отъ классовъ, я не могъ выходить изъ семинаріи, за ветхостью сапогъ. Выпросивъ сапоги у товарища, я пошелъ къ сапожнику, жившему на Васильевскомъ Островѣ. Получивъ у него новые сапоги, я возвращался ближайшею дорогою мимо голландской биржи по узкому безлюдному переулку; вдали я завидѣлъ сани, запряженные въ одну сѣрую лошадь, и на козлахъ сидѣвшаго царскаго кучера Ильюшку, котораго всѣ въ Петербургѣ знали. Я догадался, что ѣдетъ самъ Государь. Когда сани подѣхали близко, я сталъ въ сторону, снялъ шапку и низко поклонился, держа на лѣвой рукѣ связанные ремешкомъ сапоги. Государь, обратясь ко мнѣ, приложилъ руку свою къ шляпѣ и, смѣясь, что-то говорилъ своему кучеру,

За окончаніемъ войны въ Петербургѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ торжествъ. Помню, какъ мимо нашей семинаріи совершился торжественный вѣздъ невѣсты Великаго князя Николая Павловича Александры Θεодоровны, дочери прусскаго короля.— Прекрасная свѣтловолосая принцесса сидѣла въ золотой каретѣ съ Императрицами и привѣтливо кланялась на обѣ стороны народу и войску, шпалерами стоявшему на всемъ пути до дворца. Впереди ѣхалъ Государь съ генералитетомъ; подлѣ кареты слѣдовалъ верхомъ Августѣйшій женихъ. Шествіе это продолжалось при пушечныхъ выстрѣлахъ и восклицаніяхъ народа и войска.—Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, мимо нашей семинаріи прослѣдовала торжественная процессія по случаю вѣзда самого Прусскаго Короля. По этому же пути въ октябрѣ мѣсяцѣ вели двухъ огромнѣйшихъ слоновъ, присланныхъ Персидскимъ Шахомъ въ подарокъ Государю. Это было новое для насъ зрѣлище. Народъ толпился около слоновъ. По какому-то

знаку персіянина-проводжатаго, самецъ слонъ, захвативъ хоботомъ изъ лужи воды, обдалъ ею публику, и всѣ смѣялись. Зимомъ, при торжественномъ въѣздѣ персидскаго посла, вели за нимъ этихъ слоновъ въ богатыхъ шелковыхъ попонахъ и медвѣжьихъ туфляхъ. На хребтахъ ихъ устроены были богатыя будки, въ которыхъ сидѣли члены посольства съ дарами Шаха, а сзади слоновъ персіане вели прекраснѣйшихъ персидскихъ лошадей для двора. Говорили, что во время пребыванія персидскаго посольства въ Петербургѣ одинъ изъ членовъ его пронзилъ кинжаломъ одного русскаго. Когда оберъ-полиціймейстеръ донесъ объ этомъ посланнику, послѣдній просилъ перваго нѣсколько обождать, и чрезъ нѣсколько минутъ принесли на блюдѣ и показали оберъ-полиціймейстеру отрубленную голову убійцы.

Императоръ Александръ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, повелѣлъ директору пѣвческой капеллы Бортнянскому набрать лучшихъ псаломщиковъ для церкви при гробѣ любимѣйшей и несчастнѣйшей сестры Его Александры Павловны и представить ихъ Ему самому на испытаніе. Въ число набранныхъ псаломщиковъ попалъ басъ нашего хора Ульянскій, который рассказывалъ намъ слѣдующее. Въ четвергъ пасхальной недѣли князь А. Н. Голицынъ и Бортнянскій привели ихъ во дворецъ къ самому кабинету Государя въ десять часовъ утра. Вскорѣ Государь вышелъ къ нимъ въ военномъ скюртукѣ, безъ галстука, въ ботфортахъ, на одной изъ которыхъ видна была заплатка. Держа въ рукѣ книгу, онъ спросилъ: „Кто изъ васъ басъ?“ Ульянскій обозвался; Государь, подавъ ему развернутую книгу пасхальной службы, велѣлъ начинать пѣть. Ульянскій отъ робости не могъ начать; Государь самъ запѣлъ басомъ „аминь“ и затѣмъ пропѣлъ съ нами всю пасхальную всенощную, потомъ они пѣли съ нимъ и партесныя пьесы. Я,—говорилъ Ульянскій,—исполнялъ ихъ по своимъ нотамъ, а государь пѣлъ по своему и спросилъ Бортнянскаго: „Кто изъ насъ правъ?“ Бортнянскій отвѣчалъ: „можно пѣть такъ и такъ“. По окончаніи пѣнія Государь обратился къ намъ съ такими словами: „Я по-

сылаю васъ въ такое мѣсто, которое близко моему сердцу; служите тамъ вѣрно и усердно, я васъ буду имѣть въ виду“.

IV.

Смерть отца.—Орловъ и Мансветовъ.—Священникъ Петровъ.—Прогулка въ Петергофъ.—Учитель Мансветовъ.—Архіепископъ Михаилъ.—Ревизоръ архимандритъ Иннокентій.—Студентъ Суворовъ.—Обученіе дѣтей Державина.—Закрытіе Семинаріи.

Въ 1815 году я поступилъ въ риторическій классъ. Въ началѣ этого курса меня поразило такое горе, какого я никогда не испытывалъ и никогда уже не испытаю. Замѣчательно, что на меня вдругъ и безъ всякой видимой причины напала неизъяснимая тоска, отъ которой я не зналъ, куда дѣваться; я удалялся отъ товарищей въ пустые классы и тамъ плакалъ. Мнѣ почему-то казалось, что товарищи враждебно смотрятъ на меня, а начальство и учителя за что-то на меня сердятся. Черезъ нѣсколько дней, когда товарищи окружили меня плачущаго, пришелъ письмоводитель канцеляріи оберъ-священника, и тяжкое предчувствіе мое объяснилось. Письмоводитель, видя мои слезы, спросилъ: „кто же сказалъ ему, что отецъ его умеръ?“ Слова эти какъ громомъ поразили меня, я едва устоялъ на ногахъ и залился горькими слезами. Въ канцеляріи я узналъ послѣ, что отецъ мой въ 1813 году, въ одномъ изъ сраженій въ Германіи, былъ раненъ осколкомъ ядра въ бокъ, и скоро умеръ. Уже по смерти его ему вышла награда—золотой крестъ. Матери моей назначена пенсія въ 100 рублей.—Время и класныя занятія облегчили скорбь мою, а милость Божія послала мнѣ тогда благотворителей, которые своимъ отеческимъ ко мнѣ благорасположеніемъ облегчили мое сиротство и самый ходъ моего ученія. Благотворители эти были: инспекторъ семинаріи Яковъ Васильевичъ Орловъ и учитель словесности—священникъ Мансветовъ. Риторическіе уроки меня не затрудняли. Даровитый Полковъ и въ этомъ классѣ превосходилъ всѣхъ насъ своими успѣхами. Еще въ 3-мъ классѣ, не зная правилъ риторики, онъ писалъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Мы часто обращались

въ нему за объясненіями по предметамъ нашихъ уроковъ, и онъ охотно помогалъ намъ. Но Орловъ и Мансветовъ, не знаю почему, особенно благоволили ко мнѣ.

Орловъ, занимая въ семинаріи нашей должность инспектора и преподавателя исторіи, въ то же время читалъ лекціи исторіи и въ петербургской академіи для воспитанниковъ перваго ея выпуска. Будучи слишкомъ занятъ своими сочиненіями и отлучками въ академію, онъ часто призывалъ меня къ себѣ и давалъ свои академическія лекціи для того, чтобы я, по его наставленію, сокращалъ ихъ и въ сокращенномъ уже видѣ передавалъ соученикамъ моимъ. Поэтому я много читалъ и полюбилъ исторію, что было мнѣ полезно и въ академіи.—По рекомендаціи Орлова я приглашенъ былъ на вакаціонное время конногвардейскимъ священникомъ Петровымъ готовить сына его къ поступленію въ семинарію. Петровъ давалъ мнѣ читать бывшія тогда въ печати сочиненія Карамзина, которыя я читалъ съ увлеченіемъ. Такимъ образомъ я проводилъ время у Петрова съ пользою для себя и съ удовольствіемъ. Но тогда же я испыталъ и неожиданную для меня непріятность, которую и теперь не забываю.

22-го іюля, когда въ Петергофѣ праздновалось тезоименитство императрицы Маріи Ѳеодоровны, на которое обыкновенно собиралась масса публики изъ Петербурга, пришелъ къ Петрову одинъ чиновникъ и между прочимъ сообщилъ, что онъ съ компаніей отправляется въ Петергофъ. Петровъ, желая доставить мнѣ удовольствіе, просилъ этого чиновника взять и меня съ собою, на что тотъ и согласился. Мы отправились по Финскому заливу на катерѣ и благополучно прибыли въ Петергофъ въ тому самому времени, когда, по окончаніи обѣдни, передъ дворцомъ происходилъ парадъ кавалергардскаго полка подъ командою Великаго Князя Константина Павловича. Тамъ собралась уже большая толпа народа, къ этой толпѣ присоединились и мы. Зазѣвавшись на парадъ, я какъ-то отсталъ отъ моихъ знакомыхъ и, отыскивая ихъ, сталъ бѣгать въ разныя стороны: не находя ихъ въ верхнемъ саду, я бѣгалъ въ нижній, возвращался нѣсколько разъ назадъ и опять въ нижній садъ,

но все безуспѣшно. Между тѣмъ толпа народа росла все больше, время приблизилось къ ночи, и стали зажигать иллюминацію. Бѣгая взадъ и впередъ по проспектамъ, я плакалъ. Какой-то человѣкъ подозрительнаго вида взялъ меня за руку и повелъ по аллеямъ, какъ вдругъ, къ моему утѣшенію, встрѣтили меня два моихъ товарища и взяли съ собой. Долго бродили мы по Петергофскимъ аллеямъ, любясь блестящею иллюминаціей, фонтанами и проѣзжавшими среди народа придворными линейками, на которыхъ сидѣли члены царской фамиліи и нѣкоторые изъ ея свиты. Утомившись отъ ходьбы и проголодавшись, мы сѣли подлѣ одного балагана, въ которомъ товарищи мои купили булокъ и покормили ими и меня, не имѣвшего ни копейки. Поспавши немного, мы рано отправились пѣшкомъ въ обратный путь по петергофскому шоссе. Утомленные походомъ нашимъ, мы смотрѣли на многочисленные возвращавшіеся въ Петербургъ экипажи; видя пустыя запятки у одной коляски, мы съ товарищемъ сѣли на нихъ. Но не долго мы такъ ѣхали: неожиданно изъ коляски послѣдовалъ ударъ плетью прямо по моему лицу; мы тотчасъ же соскочили и посрамленные кое-какъ пѣшкомъ доплелись до Петербурга. Вскорѣ пришелъ къ Петрову упомянутый выше чиновникъ и, обрадовавшись моему возвращенію, говорилъ, что я потерялся въ Петергофѣ къ моему счастью, потому что на обратномъ пути на Финскомъ заливѣ была страшная буря, угрожавшая пассажирамъ гибелью, и что будто бы одинъ изъ катеровъ перевернулся. Вотъ каково было мое путешествіе въ Петергофъ, отъ котораго я ожидалъ себѣ удовольствія. Тогда же кончилась наша ваканція, и я возвратился въ семинарію.

Другой мой доброжелатель Мансветовъ, съ отличнымъ успѣхомъ обучавшійся въ петербургской академіи, еще до ея преобразованія, бывшій потомъ превосходнымъ учителемъ словесности въ ярославской семинаріи и выбывшій изъ нея вслѣдствіе непріятностей съ архіереємъ, поступилъ священникомъ въ Ширванскій пѣхотный полкъ, въ которомъ прославился своими прекрасными напечатанными поученіями воинамъ. Оберъ-священникъ вызвалъ его въ армейскую семинарію на кафедру русской словесности и греческаго языка. Разумное его препо-

даваніе пріобрѣло ему общее уваженіе учащихся. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали его лекціи, особенно когда онъ въ собраніи трехъ высшихъ классовъ читалъ и разбиралъ рѣчи Цицерона, сочиненія Державина и проповѣди Филарета, входившаго тогда въ славу. Мы, ученики-риторики, не могли еще усвоить себѣ этихъ лекцій, но я хорошо помню, какъ онъ, превознося Филарета, говорилъ, что никто еще изъ духовныхъ писателей, до него бывшихъ, не пользовался такъ хорошо герменевтикою и никто не объяснялъ св. писанія такъ вразумительно. Въ нашемъ риторическомъ классѣ онъ занимался съ нами болѣе практически: читалъ намъ образцовыя по словесности сочиненія, объясняя ихъ, часто заставлялъ насъ и самихъ сочинять, исправлялъ эти сочиненія, заставляя по нѣскольку разъ передѣлывать ихъ. Онъ преподавалъ намъ также поэзію и училъ писать стихи. Когда преподаны были намъ правила всѣхъ родовъ сочиненій, Мансветовъ посовѣтовалъ мнѣ написать оду на Рождество Христово для поднесенія черниговскому архіепископу Михаилу, присутствовавшему тогда въ Св. Синодѣ и знавшему моего отца по епархіи. Я ее написалъ, а Мансветовъ поправилъ. Въ первый день праздника я предсталъ предъ владыкой съ моимъ произведеніемъ и получилъ отъ него въ награду 25 рублей ассигнаціями. Въ день Пасхи я поднесъ преосвященному сочиненную и поправленную Мансветовымъ рѣчь мою, за которую онъ тогда не далъ мнѣ денегъ, но будучи уже въ санѣ петербургскаго митрополита, оказалъ мнѣ болѣе существенное благодѣяніе.

При окончаніи риторическаго курса нашего назначень былъ отъ комиссіи духовныхъ училищъ ревизоромъ нашей семинаріи славившійся тогда своею ученостію архимандритъ Иннокентій, ректоръ петербургской семинаріи, докторъ богословія. Мы ревностно и съ нѣкоторымъ страхомъ готовились къ экзамену. Иннокентій вмѣстѣ съ оберъ-священникомъ Державинымъ пришелъ въ нашу залу, гдѣ собраны были ученики высшихъ трехъ классовъ семинаріи, которыхъ число, считая въ немъ и учениковъ уѣзднаго училища, называвшихся тогда семинаристами, было не болѣе 70-ти. Иннокентій началъ испытанія съ

богословскаго класса, въ которомъ тогда, за выбытіемъ нѣсколькихъ человѣкъ въ военную службу, было только два, а ученикамъ философіи и риторики назначилъ писать сочиненія; намъ далъ тему: „De praestantia litterarum“. Преподаватель богословія магистръ Маловъ отличался своею бойкостью, спрашивая учениковъ и отвѣчая иногда за нихъ предъ ревизоромъ. Когда очередь дошла до насъ, Мансветовъ представилъ Иннокентію написанныя на заданныя темы наши сочиненія и много другихъ классныхъ нашихъ упражненій. Иннокентій, окончивъ ревизію, просилъ оберъ-священника представить Мансветова къ наградѣ. Послѣ экзамена я, въ числѣ прочихъ соучениковъ моихъ, былъ переведенъ въ классъ философіи, а нѣкоторые изъ нихъ, уже великовозрастные, остались въ томъ же классѣ. Философію намъ преподавалъ Суворовъ, студентъ, обучавшійся въ академіи съ первымъ выпускомъ, но не получившій академической степени. Вѣроятно, въ то время не было еще достаточнаго числа магистровъ и кандидатовъ для всѣхъ семинарій. О достоинствѣ преподаванія Суворова мы еще судить не могли.

Вскорѣ послѣ перехода моего въ классъ философіи, по рекомендаціи инспектора Орлова, меня назначили учить маленькихъ дѣтей оберъ-священника, который съ этого времени сталъ еще болѣе благоволить ко мнѣ. Жизнь моя въ это время была весьма счастлива. Я думалъ, что въ армейской семинаріи благополучно кончу полный курсъ, но надеждѣ моей не суждено было исполниться. Стали носиться слухи, что семинарію нашу закроютъ, и этотъ слухъ насъ всѣхъ сильно встревожилъ. Мы сердечно любили наше заведеніе, пользуясь въ немъ хорошимъ содержаніемъ: комнаты наши были чистыя, свѣтлыя, даже расписанныя; одежду намъ давали приличную; кормили насъ удовлетворительно; начальствующіе обходились съ нами въ послѣднее время гуманнѣе прежняго. Къ концу года нахожденія моего въ классѣ философіи тревожные слухи исполнились. Синодъ положилъ: армейскую семинарію, по малочисленности ея, закрыть, а воспитанниковъ ея разослать по тѣмъ епархіямъ, въ которыхъ находились ихъ родные; отпускаемую на семинарію

сумму предоставлено оберъ-священнику ежегодно разсылать епархіальнымъ архіереямъ для содержанія армейскихъ воспитанниковъ въ мѣстныхъ семинаріяхъ. Грустно намъ было видѣть, какъ стали выѣзжать наши одноклассники. Наконецъ дѣло дошло и до остававшихся еще въ домѣ учениковъ, состоявшихъ въ петербургской губерніи. Куда меня дѣнута, я еще не зналъ. Оберъ-священникъ объявилъ мнѣ, что я поступлю въ петербургскую Александро-Невскую семинарію. Слова эти, съ одной стороны, утѣшили меня тѣмъ, что я не удалюсь отъ любимаго семейства Державиныхъ, съ другой же стороны—огорчали меня тѣмъ, что я долженъ поступить въ нелюбимую нами Невскую семинарію, съ которою наша находилась въ какомъ-то антагонизмѣ. Невскіе семинаристы называли насъ солдатами, а мы ихъ *пучками*, потому что они незадолго до окончанія курса отращивали у себя и заплетали косы.

Настало время нашего выхода изъ дома. Когда мы (въ числѣ 16 душъ) собрались на дворъ, оберъ-священникъ, съ грустнымъ видомъ, изъ окна благословилъ насъ,—и повели насъ плачущихъ за обозомъ нашимъ въ плѣненіе вавилонское, какъ мы тогда называли несчастное перемѣщеніе наше подъ начальство монаховъ, которыхъ мы не любили и боялись. Я скорбѣлъ еще и потому, что въ числѣ переселенцевъ былъ одинъ только я изъ философскаго класса.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНИЕ ЮСИФА САМЧЕВСКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

V.

Невск. и семинаріи.—Ярофаловъ и Смирновъ.—Мои сочиненія.—Мысль объ увольненіи изъ семинаріи.—Зосима.—Я комнатный старшій.

Когда мы появились на дворѣ Невской семинаріи, насъ стали распредѣлять по комнатамъ. Меня привели въ комнату, въ которой помѣщались ученики философіи. Она мнѣ показалась какимъ-то темнымъ, нечистымъ сараемъ съ множествомъ учениковъ. Кровать мою поставили у самаго порога, близъ бочки съ водою. „Боже мой! куда я попалъ?“ думалъ я. Но въ тотъ же день явился мнѣ утѣшитель въ лицѣ соученика Ярофалова, знакомаго съ семействомъ Державина, но не знавшаго еще меня; онъ, подговоривъ товарища Смирнова, самъ съ нимъ перенесъ мою кровать въ другую ближайшую комнату, которая была поменьше и посвѣтлѣе, и въ которой помѣщался нашъ комнатный старшій. Въ тотъ же день я былъ въ столовой, еще болѣе обширной и загрязненной палатѣ, гдѣ сидѣло до 300 душъ обѣдавшихъ учениковъ. О пищѣ и говорить нечего,—она была гораздо хуже и скуднѣе нашей. Недаромъ прежде знакомые намъ пучки по праздникамъ приходили къ намъ въ армейскую нашу столовую лакомиться нашими пирогами, которыхъ у нихъ вовсе не бывало.

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 10.

На другой день я пришелъ въ философскій классъ, темный и тѣсноватый по числу помѣщавшихся въ немъ учениковъ числомъ до 80. Я стоялъ у порога, пока пришелъ инспекторъ, профессоръ архимандритъ Поликарпъ. Онъ, по какому-то соображенію, велѣлъ мнѣ сѣсть первымъ во второмъ ряду партій. Я съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его лекцію по исторіи философскихъ системъ, съ весьма понятнымъ объясненіемъ, и тогда же узналъ, что Суворовъ преподавалъ намъ философію совсѣмъ не такъ хорошо. Послѣ непріятныхъ впечатлѣній, какія произвела на меня Невская семинарія въ ея спальняхъ, классѣ и столовой, мнѣ вскорѣ пришлось увидѣть и одежду, построенную казеннокоштнымъ ученикамъ, а съ ними и намъ армейцамъ. Это были куртка и панталоны, пошитыя изъ такого толстаго и грубаго сукна, которое было хуже всякаго солдатскаго. Я этого платья совсѣмъ не надѣвалъ и продалъ его за безцѣнокъ, благо оставалась у меня цѣлою одежда армейской семинаріи.

Горюя о нашемъ переводѣ, мы, армейцы, собирались въ укромное мѣсто и тамъ плакали, какъ евреи на рѣкахъ вавилонскихъ. Занятія мои по предмету философіи въ Невской семинаріи были для меня трудноваты, потому болѣе, что исполняя текущіе уроки по этому предмету, который читался здѣсь гораздо обширнѣе, я долженъ былъ списывать для себя и заучивать прежде пройденное здѣсь въ продолженіе года. Первое мое сочиненіе, поданное Поликарпу, заслужило его одобреніе, вслѣдствіе чего мои соученики стали смотрѣть на солдата повѣжливѣе. Не смотря на это, я продолжалъ скучать въ семинаріи и думалъ, было, подобно моему товарищу Андріанову, поступить въ медицинскую академію, для чего уже выучилъ лобную кость, но, почувствовавъ отвращеніе къ вскрытію труповъ, рѣшился вовсе уволиться изъ семинаріи и поступить писцомъ въ какое-нибудь присутственное учрежденіе. Когда я сказалъ объ этомъ моемъ намѣреніи Державину, онъ отвѣчалъ: потерпи, учись—и ты будешь въ духовной академіи. Нечего было дѣлать, я продолжалъ учиться и находилъ себѣ отраду въ дружбѣ Ярофалова и Смирнова. Между тѣмъ мѣсяца черезъ 3

произошла перемѣна въ начальствѣ семинаріи, послужившая къ улучшенію моего положенія. Ректоръ Иннокентій былъ возведенъ въ санъ епископа пензенскаго; на мѣсто его ректоромъ поступилъ инспекторъ Поликарпъ, а инспекторомъ сдѣланъ изъ бакалавровъ академіи магистръ Зосима. Послѣдній, не зная различія между невцами и армейцами, относился ко всѣмъ одинаково. Послѣ поданнаго ему мною сочиненія онъ обратилъ на меня вниманіе, тѣмъ болѣе, что при осмотрѣ ученическихъ комнатъ всегда заставлялъ меня или за писаньемъ, или за уроками. Можетъ быть, и комнатный старшій хорошо отзывался ему о моемъ поведеніи. Когда бывшій комнатнымъ старшимъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи ученикъ богословія былъ убитъ въ городѣ, Зосима рекомендовалъ меня на его мѣсто, и я сдѣланъ старшимъ. Въ новомъ моемъ помѣщеніи я безпрепятственно могъ заниматься моимъ дѣломъ,—дѣти при мнѣ вели себя тихо. Инспекторъ, часто посѣщая учениковъ, заставлялъ меня при моихъ занятіяхъ, входилъ въ мое положеніе и давалъ совѣты, какъ я могу лучше приготовиться къ предстоявшему экзамену.

Филаретъ, тогда уже тверской архіепископъ, ревизовалъ въ невской семинаріи окончившихъ курсъ и учениковъ философіи. По окончаніи ревизіи онъ самъ назначилъ къ поступленію въ академію трехъ учениковъ изъ богословія и двухъ изъ философіи; если бъ я не заслуживалъ такого же назначенія, онъ не могъ бы избрать меня, такъ какъ я подлежалъ армейскому вѣдомству. Вакацію я провелъ у Державина, а затѣмъ опять долженъ былъ отправиться въ Невскую семинарію. При прощаніи Державинъ сказалъ мнѣ; „ты уже принятъ въ академію“. Это ему легко было сдѣлать, стоило только сказать митрополиту Михаилу, и тотъ принялъ меня въ число академистовъ. Самъ секретарь академіи—профессоръ Райковскій пришелъ за мною въ семинарію и провелъ меня въ академію.

VI.

Иннокентій и Филаретъ.--Сказанія о нихъ современниковъ.

Я хочу здѣсь сказать нѣсколько словъ о бывшемъ ректорѣ, знаменитомъ Иннокентіи. Это тотъ самый Иннокентій,

который былъ ревизоромъ въ армейской семинаріи. Онъ, какъ и Филаретъ, получилъ образованіе въ московской Троицкой семинаріи, а, можетъ быть, былъ и соученикомъ его; какъ Филаретъ, онъ былъ любимцемъ митрополита Платона, который вслѣдъ за Филаретомъ вытребовалъ его въ Петербургъ для занятія должности бакалавра въ 1-мъ курсѣ петербургской академіи. Скоро Иннокентій, въ званіи доктора богословія, сдѣланъ былъ ректоромъ Невской семинаріи, которой управлялъ съ большимъ достоинствомъ и съ пользою для заведенія. Богословіе онъ преподавалъ, какъ говорили въ то время, съ великою ученостью и имѣлъ громадное вліяніе на учащихся. Я не имѣлъ счастья слушать его, но два армейскіе ученика, бывшіе тогда въ богословіи, говорили мнѣ, что ученики съ благоговѣніемъ слушаютъ его лекціи и наставленія о пастырскомъ поведеніи, и что ученики въ классѣ иногда плакали, слушая его благочестивыя и пламенные рѣчи. Трогательно намъ было слушать его, когда онъ въ церкви совершалъ божественную литургію; обладая симпатичнымъ теноровымъ голосомъ, онъ какъ то особенно выразительно и торжественно произносилъ слова: „право правящихъ слово твоея истины“. Въ то время въ Петербургѣ сильно распространилось массонство; директоры масонскихъ ложъ, особенно Лабзинъ, своими мистическими ученіями наносили раны церкви. Статскій совѣтникъ Станевичъ написалъ прекрасную книгу противъ массонства: „Плачъ матери на гробѣ младенца“. Ректоръ Иннокентій, будучи вмѣстѣ и цензоромъ духовныхъ книгъ, съ горячимъ сочувствіемъ читалъ ее и одобрилъ къ печатанію, не обративъ вниманія на одну въ ней выноску, въ которой говорилось, что какая-то масонская книга напечатана съ соизволенія правительства. Массоны ухватились за эту выноску и черезъ придворныхъ довели до слуха государя, будто бы сочиненіе Станевича написано въ укоризну Его Величества. Государь повелѣлъ книгу Станевича запретить, цензора Иннокентія въ наказаніе поставить епископомъ въ уфимской епархіи, что равносильно было ссылкѣ, но, по ходатайству оберъ-прокурора св. синода—князя Мещерскаго и предствательству императрицы Маріи Феодоровны, вмѣсто Уфы

Иннокентію назначена была Пенза. Когда Иннокентій выѣзжалъ изъ Петербурга, ученики семинаріи и множество постороннихъ лицъ толпились на лаврскомъ дворѣ. Иннокентій, обходя церкви для прощальнаго поклоненія святынямъ, благословлялъ семинаристовъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ самыя кельи его, раздавалъ имъ свои печатныя проповѣди и книги, благословлялъ ихъ и со слезами говорилъ: „учитесь, дѣти! вотъ и я былъ такой же, какъ и вы, а теперь архіерей“. Зимній возокъ уже былъ поданъ, Иннокентій вышелъ въ нагольномъ тулупѣ, который князь Мещерскій снялъ и надѣлъ на него свою енотовую шубу. Извѣстный архимандритъ Фотій, прощаясь съ Иннокентіемъ, рыдалъ и называлъ его столпомъ православія. Иннокентій поспѣшилъ сѣсть въ экипажъ и уѣхалъ.

Запишу теперь и то, что я слышалъ отъ лицъ, бывшихъ студентами 1-го выпуска академіи, какъ о самой академіи, такъ и о преподавателяхъ ея, Филаретѣ и Иннокентіи. Духовная петербургская академія учреждена была въ 1809 году. Первыми ея основателями были: Сперанскій, А. Н. Голицынъ и митрополитъ Амвросій. Государь Александръ Павловичъ извѣлялъ особенное свое благоволеніе къ этому новому учрежденію. Собраны были со всей Россіи лучшіе ученики семинарій числомъ до 100 для составленія перваго курса. Но въ первомъ году студенты этого курса произвели нѣкоторое волненіе, именно: будучи недовольны пищею, они въ столовой забросали эконома кусками хлѣба. Когда объ этомъ доложено было государю, онъ повелѣлъ немедленно исключить виновныхъ изъ академіи и однихъ изъ нихъ отдать въ причетники, а другихъ, кто пожелаетъ, въ солдаты; одинъ изъ послѣднихъ, Страховъ, бывшій ученикъ армейской семинаріи, отличный математикъ, дослужился впослѣдствіи до генеральскаго чина.

Филаретъ и Иннокентій,—оба ректора и друзья между собою,—были любимцами петербургскаго митрополита Амвросія, который ими любовался при ихъ богословскихъ спорахъ. Когда бывали экзамены въ академіи, онъ имѣлъ подлѣ себя ассистентомъ Иннокентія, а въ семинаріи на экзаменахъ ассистентомъ бывалъ Филаретъ. Однажды на экзаменахъ шла рѣчь

о недостаточности естественной религіи. Амвросій возразилъ, что она совершенно достаточна, и велѣлъ Иннокентію поддерживать это возраженіе; послѣдній, искусный въ діалектикѣ, сталъ оправдывать мнѣніе митрополита; Филаретъ сперва съ нѣкоторою небрежностью отвѣчалъ Иннокентію, но когда этотъ съ горячностью продолжалъ свои аргументы, Филаретъ отвѣчалъ серьезнѣе, приводя уже вѣскія доказательства. Тогда Иннокентій, видя свое пораженіе, спросилъ: „да что жъ такое естественная религія?“ Филаретъ, всегда сдержанный, съ улыбкой отвѣчалъ: „вотъ прекрасно! мы такъ долго споримъ, не зная о чемъ; вы, какъ оппонентъ, съ самаго начала диспута должны были знать опредѣленіе предмета, о которомъ спорите“. Митрополитъ захохоталъ, и тѣмъ диспутъ кончился.—Бывшій инспекторъ черниговской семинаріи Филадельфъ, воспитанникъ 1-го выпуска петербургской академіи, говорилъ мнѣ, что когда Филаретъ былъ сдѣланъ бакалавромъ и въ первый разъ взошелъ на кафедру преподавателя, то студенты оскорбились, что такой молодой человѣкъ будетъ учить ихъ, тогда какъ между ними многіе были годами старше его, а нѣкоторые поступили въ академію изъ учителей семинаріи. Но когда Филаретъ, прочитавши лекцію, ушелъ, студенты остались въ изумленіи, подъ впечатлѣніемъ превосходной, неслыханной ими до толѣ лекціи. Тотъ же Филадельфъ говорилъ мнѣ, что Филаретъ одно время, за болѣзнью глазами, не могъ самъ писать лекцій по церковной исторіи, вслѣдствіе сего призывалъ къ себѣ студентовъ, и тѣ писали подъ его диктовку. Впослѣдствіи лекціи эти были напечатаны безъ всякихъ поправокъ. Филадельфъ еще говорилъ, что Филаретъ проводилъ почти весь день за своимъ письменнымъ столомъ, а ночью выходилъ на лаврскій дворъ и для моціона лопатою разгребалъ снѣгъ. Отъ студентовъ 2-го курса я слышалъ, что двое изъ первыхъ товарищей ихъ, сдѣланные бакалаврами академіи,—Филаретовъ и Рябчиковъ, въ самомъ началѣ своей службы стали вести нетрезвую жизнь, часто пропускали уроки и не подавали надежды къ исправленію. Филаретъ, бывший уже тогда ректоромъ академіи, прийдя однажды на квартиру одного изъ нихъ, засталъ обоихъ бака-

лавровъ за столомъ, на которомъ стоялъ штофъ водки. „Гдѣ здѣсь живутъ бакалавры?“ спросилъ ректоръ. Застигнутые врасплохъ, гуляки молчали. „Ихъ здѣсь нѣтъ, такъ и не будетъ“, сказалъ Филаретъ и ушелъ. На другой день ихъ исключили изъ академіи. Филаретовъ уѣхалъ на свою родину, въ тверскую губернію, чрезъ нѣсколько времени совсѣмъ оставилъ свою дурную привычку и подалъ прошеніе на священническое мѣсто. Филаретъ, тогда уже тверской архіепископъ, положилъ на прошеніи его такую резолюцію: „произвести просителю въ консисторіи надлежащее испытаніе“. Когда Филаретовъ явился, члены консисторіи сказали ему: „что же мы будемъ васъ спрашивать?“—„Что знаете, — отвѣчалъ онъ, и тѣмъ испытаніе кончилось. Филаретовъ получилъ приходъ, впослѣдствіи возведенъ былъ въ санъ протоіерея, а Рябчиковъ въ наше время бродилъ еще по городу въ самомъ безобразномъ видѣ.

По сказанію тѣхъ же студентовъ 2-го курса, ректоръ Филаретъ часто посѣщалъ академическія аудиторіи и слушалъ преподаваніе профессоровъ, сидя на скамьѣ со студентами. Въ одно изъ такихъ его посѣщеній ординарный профессоръ Вѣтринскій читалъ лекцію о неоплатоникахъ и о самомъ Платонѣ; Филаретъ, прослушавши нѣкоторую часть лекціи, спросилъ студента Колоколова (бывшаго послѣ бакалавромъ кievской духовной академіи): „г. Колоколовъ, какъ вы поняли преподанное профессоромъ?“—Колоколовъ отвѣчалъ:—„Я ничего не понималъ.—Филаретъ просилъ Вѣтринскаго лучше объяснить; когда же и послѣ того Колоколовъ на вопросъ Филарета отвѣчалъ:—„не понимаю“,—Филаретъ сказалъ: „я учился философіи по Баумейстеру; не знаю, будетъ ли понятно мое объясненіе“, и, въ самыхъ понятныхъ словахъ объяснивъ читанное, спросилъ Колоколова: „а теперь понимаете-ли?“—Понимаю, — отвѣчалъ онъ. Вѣтринскій всталъ и поклонился Филарету.

Объ Иннокентіи студенты 1-го курса говорили вотъ что. Когда Филаретъ окончилъ съ ними священно-библейскую исторію, Иннокентію поручено было преподавать имъ церковную исторію, по которой тогда не было еще никакого руководства; Иннокентій самъ долженъ былъ сочинять его, оты-

скивая и подбирая источники, составляя по нимъ для лекціи, спѣша при этомъ пройти всю эту часть исторіи въ непродолжительное, назначенное для того время, и, дѣйствительно, въ это время онъ написалъ и издалъ два большіе тома церковной исторіи. Говорили, что онъ тогда проводилъ дни и цѣлыя ночи за письменнымъ столомъ или надъ аналоемъ, надъ которымъ отъ изнеможенія къ утру засыпалъ.

VII.

Пребываніе мое въ петербургской духовной академіи.—Содержаніе въ ней.—Товарищи.—Бакалавръ Оржевскій.—Мое первое сочиненіе.—Профессоръ Кочетовъ.—Назоровъ-лунатикъ и мой испугъ.—Напрасное на меня нареканіе.—Товарищъ Козловскій.—Поздній приходъ мой въ города.—Соловскій.—Старшій Божьянскій.—Марковъ.—Мой легкомысленный поступокъ.—Смерть товарищей.—Дебедевъ.

Теперь приступаю къ воспоминаніямъ о моемъ пребываніи въ петербургской духовной академіи. Вступалъ я въ этотъ храмъ высшаго образованія съ робостью и смущеніемъ, сознавая, что къ этому образованію я недостаточно приготовленъ. Величественное, только что отстроенное, на подобіе дворца, зданіе академіи было ограждено чугуною рѣшеткою и украшено колоннами съ фронтономъ и двумя надъ нимъ изваянными ангелами; одинъ изъ нихъ держалъ большой позлащенный крестъ, указывая на него другому, полѣбнопреклоненному ангелу.

Меня помѣстили на 4-мъ этажѣ академіи, въ № 27, состоящемъ изъ двухъ комнатъ; въ первой изъ нихъ уже поставлена была для меня желѣзная кровать со всѣми новыми постельными принадлежностями; это были: мягкій волосяной тюфякъ, бумажное теплое одѣяло, три простыни, двѣ подушки и четыре наволоки. Все это, кромѣ кровати, отдавалось студентамъ въ неотъемлемую собственность. Мнѣ указали ищіе въ комодѣ и табуретъ за письменнымъ столомъ съ 4-мя откосными досками.

Носильнаго бѣлья изъ довольно тонкаго холста студентамъ давалось по три пары на годъ, изъ платья—суконный сюртукъ, жилетъ и панталоны темно-сѣраго цвѣта давались на два года, а лѣтній мухояровый сюртукъ, три пары сапогъ, круглая пу-

ховая черная шляпа и лосиные перчатки на годъ. Шинели намъ не полагалось, да я и прежде ее не имѣлъ. Пища наша была довольно питательная и вкусная, состояла въ будни изъ двухъ, а въ праздники изъ трехъ блюдъ. Чаю намъ не давали, да къ нему я и не привыкъ. На завтракъ давали хорошій хлѣбъ съ квасомъ, который всегда подавался въ столовой и выставлялся въ бутылкахъ на корридорахъ. Всѣ помѣщенія студентовъ были просторны, теплы, свѣтлы и чисты. Всѣ части академіи были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: церковь, библіотека, классы, спальни, въ которыхъ мы приготовляли и свои уроки, столовая, квартиры начальниковъ и служителей, кухни и ретиреды, такъ что студентъ могъ вовсе не выходить изъ зданія академіи, развѣ только въ баню, находившуюся въ академической оградѣ въ саду. Академическая усадьба имѣла чистый, хорошій воздухъ; она стояла въ концѣ Петербурга за Лаврою, фасадомъ на протекающую передъ нею Неву, и позади себя имѣла садъ. Такимъ образомъ академія предоставляла всѣ необходимыя условія для удобной жизни и для занятій студентовъ.

Академическій курсъ продолжался 4 года два года въ низшемъ отдѣленіи и два года въ высшемъ. Въ нашъ курсъ, по числу пятый, поступило 55 человекъ. Всѣ поступившіе, кромѣ меня и товарищей моихъ Аминичкаго и Каменскаго, кончили полный семинарскій курсъ, всѣ были лучшіе изъ своихъ сотоварищей и присланы по выбору семинарскихъ правлений подъ отвѣтственностью сихъ послѣднихъ, изъ опасенія получить отъ академическаго правленія строгое замѣчаніе и уплатить обратныя прогоны, если бы на приѣмномъ экзаменѣ въ академіи они оказались недостаточно подготовленными.

Когда я въ первый разъ побылъ на лекціяхъ и послушалъ отвѣты и разсужденія новыхъ моихъ товарищей, то уразумѣлъ что мнѣ придется употребить много трудовъ и усилій, чтобы не отстать отъ нихъ. По философіи я могъ довольно легко готовить свои уроки, потому что въ академіи только обширнѣе преподавалось то же, что вкратцѣ изучаемо было мною въ семинаріи, но не легко было для меня готовить уроки по чтенію св. писанія, для чего нужно было знать еврейскій языкъ,

которому я въ семинаріи не учился и теперь долженъ былъ начинать съ азбуки. Нужно было мнѣ изучить и англійскій языкъ, съ котораго въ скоромъ времени началъ переводить, хотя читать правильно по англійски совсѣмъ не научился отъ нашего бакалавра, такъ какъ тотъ и самъ не умѣлъ правильно читать. Легче всѣхъ предметовъ мнѣ давалась исторія: древнюю и среднюю я, благодаря Орлову, хорошо изучилъ еще въ армейской семинаріи. Всеобщую намъ преподавалъ молодой, только что кончившій курсъ академіи бакалавръ Оржевскій, человѣкъ энергическій, хорошо знавшій предметъ и излагавшій его въ прекрасной формѣ. Прошедши съ нами исторію Греціи, онъ желѣлъ намъ написать сочиненіе на тему: какова была система Ликургова законодательства? Я написалъ, какъ умѣлъ, и подалъ. Оржевскій читалъ наши сочиненія въ классѣ, не объявляя имени автора, разбиралъ ихъ по правиламъ академической критики и требовалъ отъ студентовъ ихъ мнѣній о достоинствахъ и недостаткахъ читаннаго имъ сочиненія. Если нетерпѣливый авторъ самъ вызывался защищать свое произведеніе, то получалъ отъ бакалавра и отъ товарищей должныя замѣчанія и вразумленія. Когда стали читать и разбирать мое сочиненіе, я сидѣлъ молча, ожидая суда и приговора. Къ моей радости бакалавръ и товарищи нашли его удовлетворительнымъ. Поощренный такимъ одобреніемъ, я сталъ еще ревностнѣе заниматься исторіей. Оржевскій давалъ намъ на бумагѣ только краткій конспектъ своихъ лекцій. Я записывалъ ихъ во время самаго чтенія и при пособіи этихъ бѣглыхъ записокъ, вмѣстѣ съ приходившими ко мнѣ товарищами, занимался репетиціей. Оржевскій часто меня спрашивалъ въ классѣ, одобрялъ мои отвѣты и рекомендовалъ ординарному профессору исторіи А. С. Кочетову, который, приходя къ намъ на репетицію, также спрашивалъ меня и, когда послѣ самъ преподавалъ намъ русскую исторію, то обращалъ на меня вниманіе, которымъ я пользовался отъ него и въ высшемъ отдѣленіи, гдѣ онъ читалъ намъ церковную исторію. При усиленныхъ моихъ занятіяхъ много времени отнимало у меня переписываніе лекцій, которыя тогда почти всѣ читались по запискамъ,

для чого я повиненъ былъ сидѣть по ночамъ; но эти ночныя работы мнѣ пришлось прекратить по случаю одного со мною приключенія, о которомъ и теперь вспоминаю съ неудовольствіемъ.

Помѣщеніе наше подъ № 27 состояло изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ жило 8 студентовъ, по 4 человѣка въ каждой. Въ передней комнатѣ, въ которой и я находился были: вѣстникъ Назаровъ и два ярославца: Вязнинъ и Головщиковъ; а въ другой—комнатный старшій Бодянский, студентъ высшаго отдѣленія, москвичъ Озеровъ, тулякъ В. Б. Бажановъ и псковичъ Соловскій. Назаровъ, одаренный счастливою памятію, въ досужіе часы сообщалъ намъ любопытные рассказы изъ прочитанныхъ имъ книгъ, а Вязнинъ потѣшалъ насъ своими странными сужденіями, съ которыми иногда не встати выхватывался и въ классѣ во время лекцій. Однажды во время нашего собесѣдованія Назаровъ, всегда разговорчивый, задумчиво молчалъ и потомъ съ какимъ-то смущеніемъ сказалъ намъ: „братцы, я долженъ открыть вамъ, что я лунатикъ; не бойтесь меня, когда я въ моемъ припадкѣ буду ночью вставать и ходить; вы только назовите меня по имени, и я буду опять засыпать“. Можетъ быть, онъ и прежде вставалъ и ходилъ, но я не обращалъ на то никакого вниманія, не зная о его болѣзни; но когда услышалъ о ней отъ него самого, сталъ наблюдать за нимъ, и всякій разъ, когда онъ вставалъ, я называлъ его по имени, и онъ, почесавши голову, дѣйствительно ложился на кровать. Но мы еще не знали, что припадки болѣзни у него были гораздо сильнѣе, когда онъ засыпалъ въ возбужденномъ состояніи духа. Надобно сказать, что Назаровъ, при непріятной своей фізіономіи, высматривалъ сердито, былъ чрезвычайно раздражителенъ и злопамятенъ, а Вязнинъ любилъ во всемъ спорить и былъ неуступчивъ. Послѣ ужина, когда мы всѣ сидѣли еще за нашимъ столомъ, приготовляя уроки по философіи, Вязнинъ вслухъ началъ по своему толковать нѣкоторыя положенія великаго Платона; Назаровъ назвалъ его сужденіе глупымъ, Вязнинъ разсердился, дѣло дошло между ними до личностей и брани; Вязнинъ перебралъ Назарова, который замолчалъ и

въ злобномъ настроеніи легъ спать. Во второмъ часу ночи, когда всѣ уже въ комнатѣ нашей спали, а я занимался еще писаньемъ, Назаровъ съ необыкновеннымъ порывомъ вскочилъ и сѣлъ на кровати. Я сталъ громко называть его по имени, но онъ вмѣсто пробужденія устремилъ на меня какой-то необыкновенно страшный взглядъ, и когда я еще громче назвалъ его, онъ поднялся съ кровати, притянулъ одѣяло къ своему лицу и съ шипѣніемъ бросился на меня; я въ испугѣ съ крикомъ побѣжалъ въ другую комнату, гдѣ студентъ В. Б. Бажановъ, тоже испугавшись, перебѣжалъ къ другому товарищу: мнѣ показалось, что Назаровъ гонится за мной, и я въ страхѣ кинулся къ студенту Озерову, читавшему книгу, который, думая, что я сошелъ съ ума, отбросилъ меня отъ себя, и я очутился подъ его кроватью. Крикъ мой и бѣготня такъ были сильны, что не только всѣ сожителѣ мои проснулись, но и жившіе подъ нами въ низшемъ этажѣ прибѣжали къ намъ, думая, что случился пожаръ; пришелъ и Назаровъ съ Вязнинымъ, къ которому онъ прилегъ, вѣроятно, проснувшись отъ столкновенія со мною, и спрашивалъ у него что такое случилось. Озеровъ разсказалъ о томъ, какъ я прибѣжалъ; меня вытянули изъ-подъ кровати, но на вопросы мнѣ предложенные, я, какъ бы онѣмѣвший, ничего не отвѣчалъ. Меня посадили на табуретъ, напоили водою, и тогда только нѣсколько прія въ чувство, но заикаясь, я кое-какъ могъ разсказать о моемъ испугѣ. Поутру объ этомъ происшествіи доложено было инспектору и ректору. Я просилъ начальство перемѣстить меня въ другой номеръ, а Назаровъ хотѣлъ совсѣмъ уволниться изъ академіи, но насъ обоихъ оставили попрежнему на своихъ мѣстахъ. Послѣ описаннаго испуга моего я долго еще заикался и съ того времени при какомъ-нибудь внезапномъ стукѣ, чувствовалъ, что у меня отъ ступней ногъ подымается кровь, вкусъ которой ячу вставалъ на языкѣ. Этотъ припадокъ много лѣтъ потомъ случался со мной при сильномъ возбужденіи духа. Со времени моего испуга я пересталъ заниматься по ночамъ и ложился въ одно время съ Назаровымъ, но изъ предосторожности, чтобъ онъ не испугалъ меня на моей кровати, стоявшей близъ его кровати, я перенесъ свою къ противоположной стѣнѣ за

нашъ письменный столъ. Вязнинъ смѣялся надо мною, говоря: „Эко, братецъ, ты испугался, какъ мальчишка.“ Я по годамъ былъ моложе всѣхъ моихъ товарищей. Я молчалъ, а землякъ его Головщиковъ при этомъ сказалъ ему: „смотри Балда, (такъ мы звали его по причинѣ его привычки повторять это слово) чтобы съ тобою не случилось то же“,—что дѣйствительно вскорѣ и случилось. Вязнинъ опять вечеромъ раздражилъ Назарова, и этотъ разсерженный легъ спать. Всѣ мы трое были въ постели одинъ только Вязнинъ сидѣлъ у стола спиною къ нему. Въ часъ ночи Назаровъ съ азартомъ вскочилъ съ постели; Вязнинъ отъ страху упалъ съ табурета на полъ, отчего тотъ пробудился. „А что, Балда, вотъ и ты испугался,“ сказалъ ему Головщиковъ. „Да что-жъ, братецъ ты мой, съ нимъ подѣлаешь, это не человѣкъ, а звѣрь.“

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего испуга мнѣ суждено было еще претерпѣть тяжкое и нисколько не заслуженное мною нареканіе. Въ одну субботу вечеромъ, когда мои товарищи ушли въ церковь ко всенощной, комнатный старшій Бодянской подошелъ ко мнѣ и вручилъ мнѣ написанную имъ записку слѣдующаго содержанія: „вы, господинъ Самчевскій, должны быть благодарны начальству Академіи за то, что оно приняло васъ въ нее изъ посторонняго вѣдомства не кончившимъ курса семинаріи; вмѣсто благодарности, вы въ одномъ домѣ хулили начальство Академіи и профессоровъ ея.“ Пораженный такимъ обвиненіемъ, я возвратилъ ему его записку, сказавъ, что она принадлежитъ не мнѣ, что я нигдѣ, никогда, никому, ничего дурного не говорилъ объ Академіи. „Да вы-же бываете у придворнаго протоіерея?“ спросилъ онъ.—„Бываю“,—отвѣчалъ я. „Ну, такъ этого и довольно,“ сказалъ Бодянской. Я ничего не могъ говорить, не спросилъ даже, откуда пошло такое нареканіе на меня, и по какому поводу Бодянской обратился съ нимъ ко мнѣ. Въ мучительномъ томленіи духа я пошелъ въ церковь, гдѣ вмѣсто молитвы думалъ и передумывалъ о постигшемъ меня наговорѣ, всю ночь почти не спалъ, пересталъ заниматься своимъ дѣломъ, ходилъ, какъ присужденный къ казни преступникъ, думая, что меня скоро исключать изъ Академіи, доходилъ до

отчаянія и не знаю, что было бы со мной, если бы добрый другъ мой, товарищъ изъ другого номера Петръ Козловскій теплымъ участіемъ своимъ не вывелъ меня изъ этого томительнаго положенія. „Если ты,“ говорилъ онъ, „по совѣсти твоей не чувствуешь за собой виновности въ приписываемомъ тебѣ поступкѣ, то нечего унывать и беспокоиться: не могутъ же тебя напрасно исключить.“ Я хотѣлъ, было, идти къ инспектору и ректору объясниться, но Козловскій удержалъ меня отъ того, сказавъ, что объясненіемъ своимъ я могу возбудить только подозрѣніе. Я началъ успокаиваться, тѣмъ болѣе, что никто мнѣ не повторялъ нареканія, и что изъ Академіи меня не исключали. Въ послѣдствіи времени открылась моя невинность; Бодянскій, прощаясь со мною, при отъѣздѣ изъ Петербурга, по окончаніи своего курса, извинялся предо мною и говорилъ, что хулилъ начальство и профессоровъ студентъ Архангельскій въ домѣ придворнаго протоіерея Веселовскаго, съ которымъ я совсѣмъ не былъ знакомъ.

Въ праздничные дни послѣ обѣдни и въ будни послѣ классовъ мы могли свободно уходить въ городъ, но непременно должны были возвратиться въ Академію къ ужину. Я вообще, находясь въ Академіи, рѣдко ходилъ въ городъ, но однажды, пошедши къ оберъ-священнику Державину, домъ котораго находился въ весьма далекомъ разстояніи отъ Академіи, какъ-то запоздалъ и воротился уже тогда, когда ужинъ кончился. Нашъ комнатный старшій послалъ меня къ инспектору, отъ котораго я получилъ внушительное замѣчаніе. Нисколько не оправдываясь, я просилъ прощенія, говоря, что впередъ я никогда не буду такъ опаздывать. „Когда такъ, сказалъ инспекторъ, то хорошо, ступайте и будьте спокойны.“ Не то случилось съ жившимъ въ одномъ номерѣ товарищемъ моимъ Соловскимъ. Соловскій въ воскресный день зимою пошелъ въ Медицинскую Академію къ землякамъ своимъ и оттуда не возвращался двое сутокъ; на третью ректоръ приказалъ, чтобы всѣ живущіе въ № 27 студенты разошлись въ разныя стороны Петербурга и справлялись на съѣзжихъ дворахъ, не содержится ли гдѣ Соловскій. Всѣ наши поиски были напрасны. На чет-

вертый уже день Соловскій былъ приведенъ въ Академію изъ Ордонансъ-Гауза (мѣсто заключенія важнѣйшихъ нарушителей порядка въ городѣ), въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ служителей съ обнаженными саблями и чиновника съ книгою и отношеніемъ, въ которомъ было написано, что студентъ Соловскій ночью пьяный ударилъ часового и потому препровождается въ Академію для поступленія съ нимъ по закону. Соловскій былъ принятъ инспекторомъ и по приказанію ректора былъ посаженъ въ отдаленную отъ студентовъ комнату (карцера у насъ не было). Отъ него потребовали объясненія на бумагѣ. Онъ показалъ, что на возвратномъ пути изъ Медицинской Академіи онъ заходилъ къ переплетчику за своими книгами и, взявши ихъ, въ 7 часовъ вечера шелъ по Невскому Проспекту; на одномъ изъ перекрестковъ какой-то человекъ выхватилъ у него сзади изъ-подъ мышки узелъ съ книгами; Соловскій, оборотившись назадъ, увидѣлъ человека въ простой черной шубѣ, и, считая его за того самага, который выхватилъ у него книги, ударилъ его по лицу; на крикъ этого человека прибѣжали съ гауптвахты солдаты, схватили его, Соловскаго, и отвели въ Ордонансъ-Гаузъ. Начальство не довѣряло показанію Соловскаго и нѣсколько разъ его переспрашивало. Одинъ изъ студентовъ высшаго отдѣленія, проникнувъ къ Соловскому, говорилъ ему, что, если онъ въ гостяхъ выпилъ хоть одну рюмку и признается, то погибнетъ. Соловскій оставался при первомъ своемъ показаніи. У него потребовали списокъ книгъ, которыя онъ несъ съ собою. Ректоръ съ этимъ спискомъ и собственноручнымъ показаніемъ Соловскаго на предложенные ему при слѣдствіи вопросы и съ вымѣтками объ его успѣхахъ и поведеніи отправился къ министру духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, который сдѣлалъ докладъ Государю. Его Величество благоволилъ повелѣть оберъ-полицеймейстеру сдѣлать разысканіе на рынкахъ, не будутъ ли гдѣ продаваться отнятыя у Соловскаго книги. Книгъ не отыскали, и Соловскій тогда остался безъ взысканія. Осталось неизвѣстнымъ, былъ ли Соловскій виновенъ въ этомъ дѣлѣ или нѣтъ,—однако жъ ему эта исторія не обошлась даромъ. Во время нахождения его

въ Академіи его не понижали въ спискахъ ни по успѣхамъ, ни по поведенію, но когда, по окончаніи нашего курса, назначали намъ мѣста службы въ семинаріяхъ, его поставили въ спискахъ послѣднимъ и отправили на его родину, безъ назначенія учебной должности, въ епархіальное вѣдомство.

Приключилось неблагополучіе и нашему комнатному старшему Бодянскому при самомъ окончаніи его курса. Онъ состоялъ по списку въ числѣ лучшихъ студентовъ, и можно было думать, что онъ будетъ оставленъ бакалавромъ при академіи, но вышло иначе. Въ первый день окончательнаго испытанія студенты обоихъ курсовъ собраны были въ торжественную залу, куда въ 8 часовъ утра прибылъ ревизоръ, московскій архіепископъ Филаретъ. Назначивъ намъ тему для сочиненія, онъ сталъ экзаменовать изъ богословія. Онъ вызвалъ къ столу трехъ студентовъ. Первымъ изъ вызванныхъ долженъ былъ отвѣчать тотъ, кто первый взялъ билетъ, а прочіе два должны были обдумывать свои вопросы. Пока ректоръ записывалъ взятые билеты, Филаретъ сказалъ, что такъ какъ Бодянскому выпалъ вопросъ, близкій къ началу предмета, то онъ пусть отвѣчаетъ первымъ. Бодянский сталъ отвѣчать сбивчиво, часто останавливаясь. Вопросы, предлагаемые Филаретомъ, рѣшалъ не впопадъ; взявши другой билетъ, онъ также отвѣчалъ неудачно, и когда Филаретъ спросилъ его, почему освященіе мѣра совершается только архіереями, а не священниками, Бодянский молчалъ; тогда Филаретъ сказалъ: „да это знаютъ порядочные причетники!“ затѣмъ долго что-то говорилъ съ ректоромъ. Неизвѣстно, каковы были сочиненія Бодянского, писанныя имъ на экзаменѣ, но при назначеніи степени онъ едва былъ поставленъ въ спискѣ послѣднимъ магистромъ, и то по настоянію ректора Григорія; тогда какъ студентъ Марковъ, не выдававшійся прежде изъ числа своихъ товарищей, выпущенъ былъ первымъ магистромъ за отличныя его сочиненія, изъ которыхъ одна его проповѣдь была напечатана въ книгѣ опытовъ, обыкновенно раздававшейся на публичномъ экзаменѣ посѣтителямъ, и сверхъ того былъ оставленъ бакалавромъ при Академіи.

Приводя себѣ на память разныя замѣчательныя для меня обстоятельства, изъ времени нахождения моего въ низшемъ отдѣленіи, я запишу и то, какъ по легкомыслію моему я принималъ участіе въ несогласіи моихъ товарищей исполнить просьбу бакалавра Оржевскаго. Въ первый годъ службы своей при академіи онъ проходилъ съ нами всеобщую исторію весьма тщательно и неупустительно, но, принявши на себя обязанность воспитанія сына князя Кочубея, сталъ пропускать лекціи, а лѣтомъ, живя въ Царскомъ селѣ, рѣдко пріѣзжалъ, оттуда въ академію и такимъ образомъ не прошелъ съ нами всей Новой Исторіи. Желая показать въ конспектѣ всѣ отдѣлы исторіи преподаанными, онъ въ классѣ просилъ насъ, чтобы мы сами приготовили непройденное имъ по новой исторіи къ экзамену, но мы на то не согласились. Оржевскій обѣщалъ предъ экзаменомъ изъять вопросы по Новой Исторіи, но мы не были увѣрены въ возможности такого изъятія и опять-таки не согласились. Большая часть товарищей моихъ при этомъ преніи молчали въ надеждѣ, что говоруну отстоятъ желаемое всѣми. Въ числѣ оппонентовъ всталъ и я съ моимъ отрицательнымъ голосомъ. Побужденіемъ къ отрицанію была моя боязнь обрѣзаться на экзаменѣ, если бы мнѣ попался вопросъ изъ Новой Исторіи, которой я никогда не изучалъ; но и теперь не могу простить себѣ такой глупой выходки противъ моего наставника, къ которому я питалъ и теперь питаю чувство живой моей признательности за то вниманіе, какимъ онъ поддержалъ и ободрилъ меня на первыхъ порахъ труднаго для меня академическаго ученія. Пока мы находились въ низшемъ отдѣленіи, значительное число нашихъ товарищей, чувствуя слабость силъ своихъ, уволилось изъ академіи, а по переходѣ въ высшее отдѣленіе въ одинъ годъ умерло четверо отъ чахотки, и въ числѣ ихъ нашъ первый товарищъ Звѣревъ, поступившій въ академію уже съ слабымъ здоровьемъ. По случаю смерти студента Лебедева, изъ тверскихъ, пронесся въ академіи слухъ невѣроятный, но встревожившій почти всѣхъ въ академіи. Лебедевъ чрезвычайно былъ прилеженъ, но какъ-то все безъ желаемого имъ успѣха, тоско-

валъ и хирѣлъ. Въ воскресенье утромъ я видѣлъ его въ больницѣ нашей съ лицомъ, покрытымъ какою-то сильною сыпью, которая, по словамъ его, вдругъ появилась на всемъ его тѣлѣ; на вопросъ мой: что съ нимъ? онъ отвѣчалъ: „умираю!“ Послѣ обѣдни я ушелъ въ городъ, и, когда въ 7 часовъ вечера возвратился въ академію, мнѣ сказали, что Лебедевъ отнесенъ уже на Волковское кладбище. Такъ поспѣшно хоронили обыкновенно умиравшихъ отъ чахотки. На другой день поутру стали говорить, что въ день погребенія Лебедева, ночью, когда въ одномъ нумерѣ студенты еще не спали, одинъ изъ жившихъ тамъ же товарищей, изъ тверскихъ, лежалъ на кровати еще не раздѣвшись, можетъ быть, дремалъ; вдругъ онъ въ страшномъ испугѣ всталъ и сказалъ товарищамъ, что сію минуту видѣлъ Лебедева, явившагося ему и сказавшаго, что его похоронили живого; говорили, что тогда же Лебедевъ являлся эконому академіи и ректору, видѣвшему его въ своей передней комнатѣ и чрезвычайно испугавшемуся, и что, когда дежурный старшій поутру приходилъ къ ректору, онъ спрашивалъ у него, что у васъ тамъ говорятъ о явленіи Лебедева, и прибавилъ: „если еще кто увидитъ Лебедева, то пусть скажетъ ему: запрещаю тебѣ именемъ Господа Іисуса Христа являться“.

VIII.

Первая моя проповѣдь и моя болѣзнь.—Шавскій.—Ректоръ Григорій.—Кочетовъ.—Марковъ.—Назаровъ.—Іоаннъ.—Смарагдъ.—Игнатій.—Левитскій.

На первой трети богословскаго курса намъ назначили писать проповѣдь. Я только что сталъ знакомиться съ богословскими предметами; въ семинаріи же не слушалъ еще Гомилетики, и потому для меня труденъ былъ этотъ родъ сочиненія; притомъ товарищи смущали меня, говоря, что написать академическую проповѣдь и для нихъ нелегко по причинѣ строгой критики профессора. Предварительно требовалось составить планъ проповѣди и представить его на исправленіе инспектору, что я, поломавши голову, исполнилъ, какъ умѣлъ. По исправ-

леніи плана, я составилъ и самую проповѣдь и началъ уже ее переписывать, какъ вдругъ почувствовалъ нестерпимую боль въ головѣ и пошелъ въ больницу, гдѣ открылась у меня нервная горячка столь сильная, что академическій врачъ не надѣялся, чтобы я ее перенесъ; но Богъ меня помиловалъ: кризисъ совершился благополучно, я сталъ мало-по-малу поправляться, но оглохъ и долго не могъ подняться на ноги. Ректоръ приказалъ старшему номерному не принимать меня изъ больницы, пока я не выздоровѣю совершенно. Такимъ образомъ, я пробылъ въ больницѣ девять недѣль, чрезъ что пропустилъ не мало лекцій; пришлось опять много трудиться, но укрѣпившіяся мои силы позволили мнѣ переносить эти труды. Вторая моя проповѣдь далась мнѣ легче. Перешагнувъ этотъ камень преткновенія, мнѣ легче стало проходить курсъ академическихъ наукъ, и жизнь моя въ академіи текла благополучно безъ всякихъ непріятныхъ для меня приключеній до самаго окончанія моего курса. Теперь запишу мои воспоминанія о нѣкоторыхъ моихъ наставникахъ.

Премьеръ перваго курса петербургской духовной академіи знаменитый Герасимъ Петровичъ Павскій, получившій уже докторскій крестъ, къ сожалѣнію, не читалъ намъ ни одного изъ богословскихъ предметовъ, а преподавалъ только еврейскій языкъ, толкуя о халдеизмахъ, часто встрѣчающихся въ книгахъ ветхаго завѣта; но изъ этой премудрости я ровно ничего не могъ понимать. Впрочемъ, мы читали нѣкоторыя богословскія лекціи Павскаго, составленныя для студентовъ петербургскаго университета, и увлекались новизною его взглядовъ въ прекрасной статьѣ о религіи. Говорили, что, когда по окончаніи перваго курса, начальство академіи и самъ митрополитъ уговаривали Павскаго вступить въ монашество, онъ рѣшительно отвѣчалъ, что хочетъ обабиться, и вскорѣ женился на дочери бѣднаго старообрядческаго священника, съ которою былъ счастливъ, хотя не на долго; имѣлъ отъ нея двухъ дочерей, которыхъ самъ воспитывалъ. Одинъ мой товарищъ бывалъ въ домѣ Павскаго и говорилъ о немъ, какъ о добрѣйшемъ человѣкѣ, довольно веселомъ, общительномъ и простосердечномъ до наив-

ности. Будучи уже священникомъ съ магистерскимъ крестомъ, Павскій, прїѣхавъ однажды въ гости къ одному гвардейскому священнику и увидѣвъ на дворѣ снѣжную горку, съ которой дѣти катались на подушкѣ отъ кресла, всталъ съ саней и не заходя еще въ домъ, побѣжалъ на горку и съ нея скатился.

Ректоръ нашъ, Григорій Постниковъ, по академіи былъ товарищемъ Павскаго и по списку выпущенъ третьимъ; вступивъ въ монашество, онъ назначенъ былъ бакалавромъ по кафедрѣ богословія и инспекторомъ академіи и въ этомъ званіи прежде всѣхъ своихъ товарищей получилъ степень доктора богословія за свои обширныя и глубокія познанія. Въ наше время онъ былъ уже викарнымъ епископомъ ревельскимъ и въ этомъ санѣ преподавалъ намъ догматическое богословіе. Долго онъ читалъ намъ введеніе въ эту науку, излагая ходъ ея развитія на востокъ и западъ; къ отцамъ церкви онъ выражалъ благоговѣйную вѣру; изъ западныхъ богослововъ онъ предпочиталъ англійскихъ. Хорошо зная англійскій языкъ, перевелъ съ него на русскій извѣстную книгу „Христіанскія изысканія въ Азіи“. Догматику онъ читалъ намъ по своимъ запискамъ, изъ которыхъ двѣ полныя и превосходныя статьи о свойствахъ Божіихъ и о трехъ лицахъ Божества напечатаны были въ Христіанскомъ чтеніи. Это былъ первый въ Россіи духовный журналъ, которому Григорій положилъ основаніе и въ которомъ много писалъ. Въ лекціяхъ рѣчь Григорія была проста, тяжеловата, но ясна, положительна и опредѣлительна. Онъ говорилъ медленно, устремляя глаза на слушающихъ. Прослушавъ его лекцію, продолжавшуюся по тогдашнему 2 часа, мы, выходя изъ класса, такъ хорошо знали ее наизусть, что не находили надобности изучать ее впослѣдствіи. Григорій не любилъ витіеватости и краснорѣчія въ сочиненіяхъ, требуя только ясности и основательности. Онъ однажды сказалъ намъ: „слава Богу, что знаменитый нашъ проповѣдникъ сталъ писать проще“.

Я помню, какъ въ рѣчи своей при гробѣ митрополита Михаила Григорій въ самыхъ простыхъ, но сильныхъ и трогательныхъ словахъ выразилъ глубокую скорбь объ уtratѣ этого святителя, котораго онъ душевно чтилъ и уважалъ. Оригинально

было его слово въ храмовой академическій праздникъ въ день двѣнадцати апостоловъ. Въ концѣ литургіи, вышедши изъ царскихъ вратъ съ посохомъ къ аналою, на которомъ лежало евангеліе, онъ раскрылъ его и прочиталъ слова: „вы есте соль земли“ и проч.; потомъ, обратившись къ студентамъ, окончившимъ курсъ, сказалъ имъ, что и они подобно апостоламъ посылаются на проповѣдь просвѣщать духовное юношество; что и имъ на этомъ поприщѣ подлежатъ свои труды и подвиги; что на нихъ возлагаются великія обязанности и надежды. „Какія это обязанности и какъ онѣ должны быть вами исполняемы—сказалъ онъ, о томъ довольно вамъ преподано. Исполните ваши обязанности и наши надежды словомъ и дѣломъ“,—и тѣмъ заключилъ свое поученіе, которое по формѣ могло быть только приступомъ къ проповѣди. Григорій, какъ въ жизни своей, такъ и въ обращеніи съ людьми, какого бы состоянія они ни были, былъ одинаково простъ. Извѣстнаго, знаменитаго митрополита литовскаго Іосифа, прибывшаго, кажется, въ Москву на коронацію, онъ при встрѣчѣ спросилъ: „а вы зачѣмъ пріѣхали?“ Когда Іосифъ передалъ этотъ вопросъ Филарету, послѣдній сказалъ: „Григорій хотѣлъ выразиться какъ можно проще, а вышло грубо“. Съ простотою и прямою характера у Григорія соединялась какая-то безыскусственная, какъ бы природная его личности, важность: важенъ онъ былъ и передъ студентами и въ кругу профессоровъ, между которыми были соученики его по первому курсу; впрочемъ, къ Павскому, премьеру своего курса, онъ относился съ нѣкоторымъ почтомъ: во время экзаменовъ по языкамъ онъ сажалъ его подлѣ себя, поручая ему спрашивать студентовъ и оцѣнивать ихъ отвѣты. Всегда важный и всѣми уважаемый, епископъ Григорій былъ величественъ, когда въ церкви совершалъ священнодѣйствіе. Бывшій въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія ректоръ черниговской духовной семинаріи архимандритъ Іеронимъ, сказывалъ мнѣ, что когда ему случалось служить съ Григоріемъ литургію, ему представлялось, будто онъ видитъ предъ собою священнодѣйствующаго Василя Великаго. Серьезный и величавый по виду, Григорій чуждъ былъ холоднаго эгоизма и мел-

кой взыскательности; къ намъ онъ былъ снисходителенъ безъ потячки, ко всѣмъ былъ добръ не на словахъ, а на дѣлѣ; сострадателенъ къ страждущимъ: студентамъ, обращавшимся къ нему за помощью, ихъ роднымъ, потерпѣвшимъ то или другое несчастіе, онъ помогалъ изъ своего кармана; одному студенту по случаю выдачи сестры за мужъ онъ оказалъ отъ себя щедрыя пожертвованія; иногда ходатайствовалъ за студентовъ у министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына и получалъ отъ него для нихъ вспоможеніе. И моей матери, по случаю чрезвычайнаго голода въ нашей черниговской губерніи, онъ исходатайствовалъ у него сто рублей. Когда Григорій, будучи уже архіереемъ, на выносѣ одного важнаго покойника получилъ за погребеніе деньги, то возвратившись въ академію, тотчасъ призвавъ къ себѣ дежурнаго старшаго и вручивъ ему тѣ деньги, велѣлъ купить въ библейскомъ обществѣ для всѣхъ студентовъ по экземпляру библіи. Подъ ректорскою Григорія, благодаря его гуманности и благотворному вліянію, жизнь наша въ академіи текла тихо и спокойно. Не чувствуя надъ собою стѣсняющаго давленія отъ начальства, какъ бы предоставленные самимъ себѣ, подъ наблюденіемъ только комнатныхъ старшихъ за порядкомъ, мы вели себя благопристойно, потому что не знали праздности, постоянно занимаясь своимъ дѣломъ, соревнуя другъ другу и думая только о благоуспѣшномъ продолженіи и окончаніи нашего курса. Мы боялись какими-нибудь неприличными выходками огорчить нашего ректора, цѣня его отеческое о насъ попеченіе. Мы никогда не жаловались на приготовляемую для насъ въ академіи пищу. Григорій самъ посылалъ дежурнаго старшаго по комнатамъ нашимъ узнавать, какого мы желаемъ улучшенія въ столѣ нашемъ.

Держась строго охранительнаго начала касательно церковныхъ постановленій, онъ однако жъ по докладу нашего врача о томъ, что студенты при усиленныхъ занятіяхъ заболѣваютъ отъ постной пищи, испросилъ у митрополита разрѣшеніе слабосильнымъ студентамъ давать во время постовъ скоромную пищу, разумѣется, исключая первой и послѣдней недѣли

великаго поста. Но въ догматическихъ своихъ убѣжденіяхъ касательно вѣры и православія, Григорій былъ стоекъ, непреклоненъ и неуступчивъ предъ кѣмъ бы то ни было. Было обстоятельство, когда онъ, будучи уже петербургскимъ митрополитомъ, въ синодѣ безбоязненно противился незаконнымъ притязаніямъ оберъ-прокурора. Сколь достопочтенна была личность Григорія, показываетъ отзывъ Филарета, который въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ о немъ: „хотя Григорій и ученикъ мой, но и мнѣ есть чему отъ него поучиться“. Вообще, будучи строгъ болѣе къ самому себѣ, чѣмъ къ другимъ, желая всѣмъ дѣлать добро и во всѣхъ видѣть доброе, Григорій во взглядахъ своихъ бывалъ одностороненъ и довѣрчивъ, отчего иногда ошибался въ людяхъ и ошибки свои самъ признавалъ.

Соученикъ Павскаго, протоіерей Акимъ Семеновичъ Кочетовъ, ординарный профессоръ исторіи, преподавалъ намъ, въ низшемъ отдѣленіи, русскую исторію по своимъ запискамъ, а въ высшемъ отдѣленіи церковную исторію по печатному руководству, составленному Иннокентіемъ Пензенскимъ, исправленному и дополненному имъ самимъ. Это былъ нашъ самый любимый профессоръ. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ слушали превосходныя лекціи его, особенно, когда онъ съ нами проходилъ эпоху папъ, тогда онъ былъ особенно краснорѣчивъ и увлекателенъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ я пользовался его особеннымъ вниманіемъ и благоволеніемъ, за что питаю къ нему въ душѣ моей живѣйшую признательность. Служа при академіи, Кочетовъ одновременно преподавалъ богословіе въ царско-сельскомъ лицѣѣ и тамошнія свои лекціи напечаталъ подъ заглавіемъ: „черты дѣятельнаго христіанскаго ученія“, за которыя получилъ степень доктора богословія.

Гомилетику намъ читалъ молодой бакалавръ іеромонахъ магистръ Павелъ Марковъ. Не смотря на то, что со студенческой скамьи онъ недавно пересѣлъ на кафедру преподавателя, тѣмъ не менѣе онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Лекціи, имъ составляемыя, были разумны и поучительны и излагались въ строгомъ порядкѣ, ясно и послѣдовательно. На немъ лежала обязанность исправлять составляемыя нами расположенія мыс-

лей для сочиненія по нимъ проповѣдей. Эту обязанность онъ исполнялъ съ строгою критикой. Самонадѣянный и раздражительный товарищъ нашъ Назоровъ, будучи недоволенъ замѣчаніями бакалавра, пришелъ въ его квартиру и началъ съ нимъ спорить, вѣроятно, дерзко; бакалавръ разсердился и разорвалъ его тетрадь. Назоровъ побѣждалъ къ ректору, не говоря ни слова подаль ему клочки тетради и не вдругъ отъ злости могъ высказать свою жалобу. Ректоръ успокоилъ его, а бакалавру сдѣлалъ замѣчаніе. Продолжу мои воспоминанія о Назоровѣ, чтобы уже болѣе къ нему не возвращаться. Назоровъ по характеру своему былъ чрезвычайно самолюбивъ, самоувѣренъ и, при раздражительности своей, злопамятенъ; при малѣйшей непріятности, полученной имъ отъ товарища, онъ злостно отъ него отоворачивался и долго съ нимъ не говорилъ. Такія нравственныя качества его извѣстны были только намъ, а предъ начальствомъ онъ всегда велъ себя сдержанно, исключая вышеизложенной его выходки противъ бакалавра. Отличныя его способности и успѣхи особенно выдвинули его на окончательномъ испытаніи, послѣ котораго онъ выпущенъ вторымъ магистромъ и назначенъ инспекторомъ и профессоромъ въ какую-то семинарію. Это еще болѣе усилило его самолюбіе. На службѣ онъ повелъ себя гордо и своевольно, надѣлалъ дерзостей мѣстному архіерею и, самовольно оставивъ должность свою, уѣхалъ въ Петербургъ; здѣсь приняли его снисходительно и даже съ участіемъ, оставили при академіи, давъ ему какое-то порученіе, и, можетъ быть, сдѣлали бы бакалавромъ, но онъ и здѣсь долго не удержался; по какому-то капризу, не сказавшись никому, онъ уѣхалъ въ свою родную Кострому, гдѣ, не имѣя никакой службы, сталъ пить и потомъ бродить съ мѣста на мѣсто; претерпѣвая нищету, просилъ денегъ у земляка своего и товарища архіепископа Арсенія, котораго въ академіи часто огорчалъ и даже презиралъ. Чрезъ 15 лѣтъ послѣ моей съ нимъ разлуки онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ жаловался на несчастную судьбу свою, говоря, что термометръ его жизни дошелъ до точки замерзанія, что съ горя хотѣлъ было поступить въ монахи, чему что-то помѣшало, въ заключеніе просилъ и у меня денегъ.

При одномъ взглядѣ на конвертъ письма, адресованный его рукою, мнѣ вспомнился испугъ, причиненный имъ мнѣ въ академіи. Но какъ я былъ пораженъ, когда дней чрезъ 10, по полученіи письма, онъ самъ лично явился ко мнѣ! Взглянувъ на него, я въ ту же минуту почувствовалъ припадокъ, прежде повторившійся вслѣдствіе моего испуга. Онъ предсталъ предо мною въ самомъ жалкомъ видѣ, почти въ рубищѣ. Принявъ его, какъ товарища, я сталъ разспрашивать о его несчастіи, а онъ умолялъ меня не любопытствовать и ничего не говорить съ нимъ объ академіи, прибавивъ, что онъ теперь уже не тотъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ пришелъ ко мнѣ за тѣмъ, чтобы я посодѣйствовалъ ему въ какомъ-нибудь домѣ сдѣлаться учителемъ дѣтей. На другой день послѣ его прибытія, я снабдилъ его кой-какой одеждою, предлагалъ деньги, но онъ отъ нихъ отказался, вѣроятно, боясь распиться. Я отправилъ его къ одному знакомому помѣщику, къ которому онъ пошелъ пѣшкомъ и у котораго нѣсколько времени училъ дѣтей такъ, что имъ были очень довольны, но распившись, потерялъ и это мѣсто; отсюда Назоровъ куда-то побрелъ, и что съ нимъ потомъ стало—не извѣстно. Такъ погубилъ самъ себя человекъ, щедро надѣленный дарами природы, но несчастный по своему характеру.

Самую большую и существенную пользу въ составленіи нами проповѣдей оказалъ намъ инспекторъ академіи архимандритъ, впослѣдствіи архіепископъ новочеркасскій, докторъ богословія Іоаннъ Доброзраковъ, отличный проповѣдникъ. Онъ обыкновенно вечеромъ призывалъ въ свою квартиру студента, написавшаго проповѣдь, и съ нимъ, иногда до полуночи, занимался ея исправленіемъ, строго критикуя ее по всѣмъ правиламъ герменевтики, логики и словесности, порицая излишнее риторство и фразерство, въ особенности игру размахистой фантазій, и требуя порядка въ мысляхъ и чистоты языка. Часто окритикованную такимъ образомъ проповѣдь онъ заставлялъ студента вновь передѣлать и представить ему на исправленіе.

Для слушанія лекцій по предмету чтенія священнаго писанія всѣ студенты обоихъ отдѣленій собирались въ одинъ

классъ. Этотъ предметъ со времени поступленія моего въ академію читалъ бакаларъ іеромонахъ Смарагдъ, который впоследствии занималъ архіепископскія кафедръ въ разныхъ епархіяхъ и наконецъ былъ архіепископомъ рязанскимъ. Дѣльными его лекціями мы всѣ были довольны. Рассказывали о его странныхъ, причудливыхъ поступкахъ, когда онъ былъ архипастыремъ, но мы знали его только какъ добраго человѣка и разумнаго преподавателя; намъ не нравилось только его особенное пристрастное отношеніе къ нѣкоторымъ изъ нашихъ товарищей студентовъ. Одному изъ любимыхъ имъ студентовъ IV курса, посредственному по успѣхамъ, онъ написалъ проповѣдь, которая, конечно, была очень хороша и назначена для напечатанія въ опытѣ студенческихъ сочиненій. Товарищи, не любившіе этого студента, отыскивали собственноручную рукопись Смарагда и представили ректору Григорію, который тотчасъ велѣлъ взять проповѣдь изъ типографіи, а Смарагду далъ такую головомойку, что онъ нѣсколько времени ходилъ, какъ помѣшанный.

Былъ у насъ еще одинъ бакалавръ, іеромонахъ Игнатій, впоследствии архіепископъ Воронежскій, который по своимъ знаніямъ могъ бы принести студентамъ дѣйствительную пользу, но вмѣсто того онъ только возбудилъ противъ себя ихъ нерасположеніе. Изъ этого вышла цѣлая исторія. Игнатій не получилъ академическаго образованія, окончилъ только курсъ въ архангельской семинаріи и тамъ былъ учителемъ греческаго языка, который онъ зналъ основательно. Когда въ академіи потребовался особый преподаватель греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи, то бывшій, прежде Іоанна, инспекторъ Нафанайлъ рекомендовалъ земляка своего Игнатія и онъ былъ вызванъ въ академію преподавать греческій языкъ. Въ скоромъ времени онъ былъ сдѣланъ магистромъ по экзамену въ закрытой конференціи. Затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Игнатій, какъ магистръ, сдѣланъ бакалавромъ по предмету чтенія священнаго писанія.

Вотъ тутъ-то и открылась вся его непригодность. Когда онъ началъ составлять и читать свои лекціи студентамъ, лекціи были не что иное какъ безпорядочныя выписки изъ тол-

ковниковъ священнаго писанія, изложенныя какимъ-то тарабарскимъ языкомъ, который мы называли языкомъ Телемахиды. Къ счастью, Игнатій недолго томилъ насъ своими наставленіями; вскорѣ вызванъ былъ изъ московской академіи отличный бакалавръ Азбукинъ, въ которомъ мы имѣли преподавателя, достойнаго всякаго уваженія. Но отъ Игнатія мы все-таки не избавились. Ректоръ Григорій, много занятый своими обязанностями по академіи, по званію викарія и по дѣламъ комиссіи духовныхъ училищъ, самъ уже не могъ преподавать намъ догматическаго богословія и передалъ свои записки Игнатію, чтобы онъ продолжалъ по нимъ читать намъ лекціи. Ничего не было-бы для насъ непріятнаго, еслибы Игнатій былъ только чтецомъ. Но онъ сталъ пускаться въ объясненія, которыя были для насъ не нужны, многіе изъ насъ лучше его знали догматику; болѣе смѣлые и бойкіе стали дѣлать ему возраженія, которыхъ онъ не въ состояніи былъ опровергнуть, горячился и приходилъ втупикъ. Но среди товарищей нашихъ оказался его горячій защитникъ, студентъ Левицкій, изъ новгородскихъ семинаристовъ, весьма способный и съ крѣпкой головой. Еще въ низшемъ отдѣленіи онъ былъ замѣченъ въ вольномысліи, за что мы и называли его внукомъ Марфы Посадницы. Начальство стало понижать его въ спискахъ. Левицкій сталъ осторожнѣе и, зная, что Игнатій пользуется расположеніемъ Григорія, началъ къ Игнатію подлаживаться и угодилъ ему своею защитою противъ нашихъ возраженій.

Послѣ чтенія догматики намъ положено было слушать каноническое право, которое въ академіи до того времени не преподавалось. Вѣроятно, между бакалаврами не было спеціалиста преподавателя этой науки, Игнатій же не имѣлъ тогда опредѣленнаго занятія, и Григорій поручилъ ему читать намъ каноническое право. Такимъ образомъ Игнатій явился уже самостоятельнымъ между бакалаврами преподавателемъ, яко Саулъ во пророцѣхъ. Опять, только еще съ большею ревностью, сталъ онъ морочить наши головы своими лекціями; лекціи эти наполнены были длинными выписками изъ отцевъ церкви безъ всякаго систематическаго порядка и украшены фразеологіею.

Мы пытались было приводить въ порядокъ эти несвязные отрывки, но такъ какъ изъ нихъ не выходило ничего путнаго, то согласились между собою выучивать Игнатіевскія лекціи слово въ слово, что и нетрудно было сдѣлать намъ, потому что, часто глумясь надъ ними, мы ихъ затверживали. Цѣлью нашего умысла было то, чтобы на ревизорскомъ экзаменѣ показать Филарету нелѣпость лекцій Игнатія. Но прежде нежели пришло время, когда мы могли сдѣлать такую непріятность Игнатію, ему представился удобный случай и онъ имъ воспользовался, чтобы причинить намъ досаду. Между тѣмъ Левицкій болѣе и болѣе приходилъ въ фаворъ у Игнатія, а этотъ рекомендаціями своими поселялъ въ Григоріи лучшее объ немъ мнѣніе. Время приближалось къ окончанію нашего курса; нужно было выбрать изъ студенческихъ сочиненій лучшее для напечатанія въ опытахъ. Григорій въ это время заболѣлъ и не могъ сдѣлать выборъ, а потому поручилъ его Игнатію съ тѣмъ, чтобы онъ выбранное сочиненіе исправилъ. Игнатій не задумался отдать предпочтеніе разсужденію Левицкаго объ Ангелѣ Хранителѣ, тогда какъ были другія сочиненія лучшихъ студентовъ превосходиѣе. Игнатій, исправляя трудъ Левицкаго, совсѣмъ его испортилъ.

Тогда Григорій увидѣлъ свою ошибку и упросилъ инспектора Іоанна какъ нибудь исправить испорченное дѣло. Іоаннъ раздѣлялъ вполне наше негодованіе на Игнатія. Три товарища наши, посвященные въ монашество, обѣдавшіе вмѣстѣ съ инспекторомъ и другими монашествующими бакалаврами, говорили намъ, что за столомъ Іоаннъ часто вступалъ въ богословскіе споры съ Игнатіемъ и, какъ *philosophus in utramque partem*, сбивалъ его съ толку, то заставляя его согласиться съ своимъ мнѣніемъ, то доказывая несправедливость этого мнѣнія, котораго Игнатій не умѣлъ опровергнуть. Получивъ отъ Григорія сочиненіе Левицкаго для исправленія, онъ разсердился на Игнатія и спрашивалъ его: зачѣмъ онъ взялся не за свое дѣло, котораго совсѣмъ не разумѣетъ? Игнатій въ защиту свою только очвѣчалъ ему: „вскую совѣсть моя судится отъ иныхъ совѣсти.“ За всѣмъ тѣмъ Іоаннъ поправилъ разсужденіе Левицкаго

и оно было напечатано и читано самимъ Левицкимъ на публичномъ экзаменѣ предъ многочисленною публикою, что приобрьло ему карьеру. Но этою карьерою Левицкій воспользовался не къ добру. По окончаніи курса со степенью магистра, онъ былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ Орловскую Семинарію; тамъ вскорѣ предался пьянству, разоилъ пріѣхавшаго съ нимъ туда учителемъ товарища своего Визнина и въ бѣлой отъ пьянства горячкѣ зажегъ Семинарскій домъ, а себя зарѣзалъ. Видно, несчастный не подумалъ объ ангелѣ хранителѣ, о которомъ написалъ разсужденіе въ академіи. Но обратясь послѣ этого непріятнаго эпизода къ воспоминаніямъ о напемъ окончательномъ экзаменѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

ІХ.

Филаретъ ревизоръ.—Публичный экзаменъ.—Подписка студентовъ.—Архіерей изъ моихъ товарищей.—Присужденіе степеней.—Назначенію мѣстъ службы.

Филаретъ, въ санѣ іеромонаха, архимандрита, епископа ревелскаго, архіепископа тверскаго, ярославскаго и московскаго, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, отъ 1809—1823, трудился на пользу петербургской духовной академіи въ званіи бакалавра, профессора, ректора и ревизора. Мы видѣли его въ продолженіе четырехъ лѣтъ нашего курса ревизоромъ по два раза въ годъ, передъ праздникомъ Рождества Христова и передъ ваканціею. Хотя мы съ нимъ въ это время довольно ознакомились и притомъ знали, что онъ имѣетъ хорошее мнѣніе о нашемъ курсѣ, однакожь готовились къ окончательному экзамену съ особенною заботливостію и не безъ боязни.

Наружностію своею онъ никого не озадачивалъ: ростомъ онъ былъ ниже средняго, тѣломъ худощавъ, лицомъ благовиденъ, съ нѣкоторою улыбкою на устахъ, съ окладистой черной бородой; голосъ его былъ благозвученъ и всегда спокоенъ; рѣчь его была правильна, какъ-бы отчеканена въ форму готовую въ печать въ моментъ ея произнесенія. Но въ искрившихся его глазахъ проявлялась проникающая, испытывающая сила: мы не могли смотрѣть на него прямо, когда передъ нимъ отвѣ-

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 11.

чали. Ни одного студента онъ не оставлялъ безъ возраженій, которыя сперва казались легкими, но потомъ изъ нихъ онъ развивалъ многіе вопросы, касавшіеся всѣхъ отдѣловъ науки. Если кто на всѣ его вопросы отвѣчалъ удовлетворительно, онъ обыкновенно ставилъ въ списокъ своемъ единицу, высшій баллъ въ то время, а за отличный отвѣтъ писалъ 1². На экзаменъ онъ всегда пріѣзжалъ ровно въ восемь часовъ утра и продолжалъ его до двухъ часовъ по полудни, успѣвая въ это время спросить человѣкъ пять или шесть. Испытаніе обыкновенно начиналось съ богословскихъ предметовъ; билеты по нимъ были смѣшаны; каждый студентъ бралъ по два билета. Когда кому изъ студентовъ выпадалъ билетъ изъ каноническаго права, Филаретъ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ часто заставляя отвѣчающаго повторять одно и то же, но видя, что студентъ отвѣчаетъ бойко и твердо, наконецъ, спрашивалъ: такъ у васъ написано въ лекціяхъ, что-ли? Студентъ отвѣчалъ, что такъ точно. Игнатій однажды не утерпѣлъ при этомъ, всталъ съ своего мѣста и сказалъ: „приведите, господинъ, свидѣтельство изъ Тертуліана“.—„Да развѣ въ канонахъ можно приводить свидѣтельство изъ Тертуліана, который не чистъ по Церкви?“ сказалъ Филаретъ и затѣмъ долго что-то говорилъ ректору Григорію, который молчалъ.

Замыселъ нашъ удался: Игнатій на слѣдующій учебный годъ въ академіи не былъ оставленъ, а посланъ ректоромъ въ Новгородъ. Когда устные экзамены кончились, Филаретъ сказалъ намъ: „Отвѣчали всѣ хорошо, посмотримъ каковы будутъ сочиненія?“ Онъ далъ двѣ темы, изъ которыхъ помню одну: „Что значитъ сердце по разуму священнаго писанія“. Сочиненіе мы писали въ его присутствіи въ то время, когда производилось испытаніе студентовъ низшаго отдѣленія, а когда испытаніе оканчивалось, сочиненія собирали и представляли Филарету, который, засунувъ ихъ за кожаный свой поясъ, уходилъ изъ зала: Однажды во время частныхъ нашихъ испытаній пріѣхалъ въ академію изъ Царскаго села самъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ, который прежде при такихъ испытаніяхъ никогда

не бывалъ у насъ, и, сѣвши на кресло, сказалъ намъ: „вотъ я, господа, отпросился у Государя Императора, чтобы имѣть удовольствіе послушать васъ“. Мы встали и поклонились ему. По окончаніи частныхъ испытаній былъ у насъ публичный экзаменъ или торжественный актъ, на которомъ присутствовали: министръ Голицынъ, всѣ члены св. синода, главнѣйшее столичное духовенство и многія знатныя особы другихъ вѣдомствъ, въ числѣ ихъ Сперанскій и уважаемый всѣми престарѣлый митрополитъ католическихъ церквей въ Россіи—Богутъ Сестреничъ въ пышномъ кардинальскомъ одѣяніи съ андреевской лентой на шеѣ. Выпускные студенты читали избранные трактаты по разнымъ предметамъ академическаго ученія. Болѣе всѣхъ при испытаніи говорилъ Филаретъ, котораго присутствующіе слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ бы своего наставника. Вмѣшивался и петербургскій митрополитъ Серафимъ при богословскихъ преніяхъ, сыпалъ текстами изъ священнаго писанія и, обращаясь къ сидѣвшему подлѣ него Филарету, спрашивалъ: „вѣдь такъ, преосвященный?“ Филаретъ давалъ свои объясненія, въ которыхъ бывалъ иногда другой смыслъ, а Серафимъ говорилъ: „вотъ такъ точно и я думалъ“. Сперанскій молча слушалъ собесѣдованія, только разъ потребовалъ себѣ еврейскую библію и показывалъ въ ней что-то Филарету. Сестреничъ тоже молчалъ, закрывъ глаза, какъ будто спалъ, но послѣ экзамена на закуску у ректора разсуждалъ о бывшихъ на экзаменѣ преніяхъ. По окончаніи акта ректоръ раздавалъ главнѣйшимъ лицамъ изъ присутствовавшихъ экземпляры опытовъ студенческихъ сочиненій. Актъ, начавшійся молитвою „Царю Небесный“, заключенъ былъ молитвою „Достойно есть“; пѣли студенты. Въ тотъ же день взяли отъ всѣхъ студентовъ по двѣ подписки: одну въ томъ, что они даютъ обѣщаніе не принадлежать ни къ какому тайному (кружку) обществу, а въ другой они должны были написать, въ какое званіе они намѣрены поступить по выходѣ изъ академіи. Разумѣется, всѣ студенты ропсались, что поступать въ духовное званіе, потому что въ противномъ случаѣ имъ не давали бы магистерскихъ и кандидатскихъ денежныхъ окладовъ. Одинъ только студентъ

Видякинъ изъявилъ желаніе поступить въ свѣтское званіе. Въ монашество изъ нашего курса пошло шесть человѣкъ. Изъ этого числа Арсеній Москвинъ былъ митрополитомъ кіевскимъ, двое архіепископами: Гедeonъ Вишневскій въ Полтавѣ, Теоодосій Озеровъ въ Симбирскѣ, и одинъ—викаріемъ московскимъ, Виталій Щепетевъ—одинъ изъ даровитѣйшихъ и успѣшнѣйшихъ въ нашемъ курсѣ, умеръ въ молодости. Вообще надо сказать, что самые даровитые изъ моихъ товарищей были недолговѣчны; долѣе всѣхъ жили и далѣе всѣхъ пошли по службѣ: митрополитъ Арсеній, поступившій въ академію съ большимъ запасомъ знаній и много въ ней трудившійся; и В. Б. Барановъ въ продолженіе курса не выдававшійся особенно изъ своихъ сотоварищей, которому безпримѣрно посчастливилось въ званіи царскаго духовника получить ордена св. Владиміра первой степени и Андрея Первозваннаго. На другой день послѣ акта собралась подѣ председательствомъ Филарета конференція для присужденія намъ, окончившимъ курсъ, магистерскихъ и кандидатскихъ степеней. Филаретъ вручилъ секретарю конференціи привезенныя имъ наши экзаменаціонныя сочиненія съ собственноручными на нихъ отмѣтками. Сочиненія эти онъ приказывалъ секретарю читать, когда возникали между членами конференціи разногласія, и, если отмѣтки показывали, что разсужденіе автора было удовлетворительно, онъ говорилъ: по моему мнѣнію такой-то магистръ, на что всѣ соглашались. Всѣхъ удостоенныхъ степени магистра въ нашемъ курсѣ было 25-ть, въ число ихъ включенъ былъ и я. Хотѣли было сдѣлать магистромъ одного іеромонаха, слушавшаго съ нами только половину курса, но Павскій, обыкновенно не противорѣчившій при назначеніи степеней, сказалъ: „слишкомъ дешево будутъ у насъ магистры, если будемъ давать эту степень лицамъ, не прослушавшимъ полного академическаго курса и не оказавшимъ достаточныхъ успѣховъ“. Возраженіе Павскаго имѣло рѣшающую силу. Товарищи мои, не получившіе степени магистра, вышли младшими кандидатами. Старшихъ кандидатовъ, съ правомъ полученія магистерской степени черезъ годъ на службѣ, въ нашемъ курсѣ не было; не было ни одного выпущеннаго изъ

академіи съ званіємъ студента, которое не считалось академической степенью. Вскорѣ послѣ конференціи комиссіи духовныхъ училищъ послѣдовало назначеніе намъ мѣстъ службы. Мнѣ съ товарищемъ моимъ Охотинимъ назначено служить профессорами черниговской семинаріи. Двумъ товарищамъ моимъ, Видякину и Соловскому, не дали мѣстъ по духовной службѣ; Видякину, какъ поступающему въ свѣтское званіе, а Соловскому, потому что онъ попалъ въ Ордонансъ-Гаусъ; онъ поставленъ былъ въ списокъ кандидатовъ послѣднимъ и поступилъ въ епархіальное вѣдомство.

И такъ, я благополучно окончилъ многотрудный для меня курсъ, который легче и успѣшнѣе я проходилъ бы, если бы имѣлъ терпѣніе прослушать богословскій курсъ въ Невской семинаріи. Благодарю Бога, что Онъ, въ лицѣ Державина и митрополита Михаила, послалъ мнѣ благодѣтелей, помѣстившихъ меня въ академію и тѣмъ отклонившихъ мое стремленіе къ вольной жизни. Въ академіи я находился въ средѣ избраннаго товарищества, въ ней я имѣлъ лучшихъ наставниковъ, ободрявшихъ меня своимъ вниманіемъ; въ ней я получилъ образованіе по моимъ силамъ; они вывели меня на дорогу къ честной службѣ и на прощаніи благословили меня напутствіемъ, послужившимъ мнѣ въ благо на всѣхъ путяхъ моей жизни и службы, Что было бы со мною, если бы я, безпріютный, въ раннемъ возрастѣ, по легкомыслію своему попалъ въ толпу жалкихъ канцеляристовъ того времени, въ эту юдоль нравственного мрака и пороковъ! Куда бы привела меня вольная воля, губящая юношей! Благословляю промыслъ Божій, спасшій меня отъ гибели.

Х.

Состояніе академіи во время шестаго выпуска.—Серафимъ, Григорій, Филаретъ

Прежде нежели стану описывать обстоятельства моей жизни на службѣ, я хочу поразсказать о томъ, что стало съ моею alma mater—петербургской духовной академіей по выbytіи моемъ изъ ея незабвеннаго для меня пріюта. Здѣсь я уже буду

описывать событія не какъ очевидецъ, а по разсказамъ людей, бывшихъ свидѣтелями тѣхъ событій. Окончаніемъ нашего курса заключился счастливый періодъ жизни петербургской духовной академіи. Студентамъ шестаго выпуска пришлось потерпѣть невзгоду, совсѣмъ ими незаслуженную. Всѣмъ извѣстно, какую безграничную власть въ старые годы имѣли епархіальные архіереи надъ состоявшими въ ихъ вѣдомствѣ семинаріями; бывали случаи, что они самовольно, отдавали учениковъ старшихъ классовъ въ солдаты. Когда въ 1809 году послѣдовало преобразованіе духовной учебной части, власть епархіальныхъ архіереевъ надъ училищами была значительно ограничена: учреждена была комиссія духовныхъ училищъ для поднятія духовно-учебной части въ Россіи. Въ томъ же году она открыла первый курсъ въ петербургской духовной академіи и впослѣдствіи по образцу ея въ Москвѣ, Кіевѣ и Казани.

Въ этихъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ приготовляемы были лучшіе наставники, получавшіе въ нихъ званіе магистровъ и кандидатовъ. Когда эти наставники заняли мѣста преподавателей въ семинаріяхъ, то послѣднія стали пользоваться нѣкоторымъ самоуправленіемъ подъ наблюденіемъ архіереевъ и подъ высшимъ надзоромъ комиссіи духовныхъ училищъ, которая распредѣляла и увольняла преподавателей, не сносаясь съ архіереями, а иногда и противъ ихъ воли. Такими новыми порядками по духовно-учебной части епархіальные архіереи, тогда еще не имѣвшіе ученыхъ степеней, были недовольны и непріязненно относились къ магистрамъ, кандидатамъ и къ самому академическому образованію. Но академіи были обезпечены въ своихъ правахъ, пока князь Голицинъ оставался министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и пока Филаретъ лично присутствовалъ въ св. Синодѣ и въ комиссіи духовныхъ училищъ, гдѣ онъ имѣлъ сильный и часто рѣшающій голосъ. Въ 1824 и 1825 годахъ обстоятельства перемѣнились. Министерствомъ народнаго просвѣщенія пропущена была изъ-за границы въ Россію какая то книга, противная христіанскому вѣроученію. Извѣстный архимандритъ Фотій, имѣв-

ший громадное вліяніе на Императора Александра Павловича, заставилъ митрополита Серафима отправиться прямо во дворець съ означенною книгою и умолять Его Величество о защитѣ вѣры и церкви. Государь, незадолго передъ тѣмъ повелѣвшій закрыть всѣ масонскія логи въ Петербургѣ и во всей Россіи, уволилъ князя Голицына отъ обоихъ министерствъ. Митрополитъ Серафимъ, нерасположенный къ новому образованію, сдѣлался тогда первоприсутствующимъ въ святѣйшемъ синодѣ, гдѣ съ нимъ засѣдали въ то время кievскій митрополитъ Евгений и ярославскій архіепископъ Авраамій, ненавистники академій. Филаретъ находился въ то время въ Москвѣ и терпѣлъ огорченія отъ своихъ завистниковъ, успѣвшихъ въ томъ, что повелѣно было приостановить печатаніе его катехизиса, за сочиненіе котораго Филаретъ получилъ высочайшую награду и грамоту отъ Синода. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ студенты шестаго выпуска оканчивали свое ученіе въ академіи. Въ Петербургѣ защитникомъ ихъ оставался одинъ только ректоръ Григорій, но онъ былъ тогда только викаріемъ, подвластнымъ митрополиту Серафиму, и ему то первому, а потомъ и студентамъ нанесенъ былъ ударъ отъ противниковъ новаго образованія. За нѣсколько времени до окончанія курса нужно было по положенію шить выпускнымъ студентамъ фраки. Когда Григорій доложилъ о томъ комиссіи духовныхъ училищъ, митрополитъ Серафимъ сказалъ, что при этомъ случаѣ нужно посудить о самой академіи, и, обратясь къ митрополиту Евгению, спросилъ его, какъ онъ о ней думаетъ. Евгений отвѣчалъ, что онъ недавно сдѣлался членомъ комиссіи и потому не можетъ сказать своего мнѣнія. „Я васъ уполномочиваю“, сказалъ Серафимъ. Тогда Евгений началъ спрашивать Григорія: „сколько въ прошедшемъ курсѣ выпущено магистровъ?“—„25-ть“, отвѣчалъ Григорій.—„Сколько напечатано было большихъ студенческихъ сочиненій?“—„Одно“.—„Почему не 25?“—„Потому что въ опытахъ печатались только немногія написанныя при экзаменахъ сочиненія, а на изданіе нѣсколькихъ томовъ студенческихъ сочиненій академія не имѣла средствъ“.—„Слѣдовало бы обратиться къ комиссіи, которая

не пожалѣла бы на то денегъ“. Далѣе Евгеній спрашивалъ: „по какому печатному руководству читалось догматическое богословіе?“ Григорій отвѣчалъ, что печатнаго удовлетворительнаго по этому предмету руководства не имѣется, и что онъ читалъ богословіе по своимъ запискамъ, изъ которыхъ напечаталъ два трактата въ христіанскомъ чтеніи.—„Почему же Вами до сихъ поръ не составлено и не напечатано полное руководство?“—„Потому что такой трудъ потребовалъ бы много досужаго времени, а я былъ занятъ многими другими должностями“.—„Вамъ бы слѣдовало отъ нихъ отказаться“.—„Я повиновался волѣ начальства, возлагавшаго на меня эти обязанности, и теперь готовъ исполнить, что ему касательно меня будетъ угодно.

Огорченный такими укоризненными притязаніями, Григорій возвратился въ академію и на другой день въ классѣ сказалъ студентамъ, оканчивающимъ курсъ: „Коммиссія духовныхъ училищъ на насъ нападаетъ, требуя, чтобы всѣ студенты представили къ экзамену свои большія разсужденія; объявляю вамъ, что кто изъ васъ не напишетъ такого сочиненія, не получитъ академической степени. Студенты сильно встревожились и начали усиленно работать надъ сочиненіями и въ то же время приготовляться къ самому строгому испытанію. Большія разсужденія ими были написаны и отпечатаны въ пяти большихъ томахъ.

Не извѣстно, былъ-ли кто назначенъ ревизоромъ при частныхъ испытаніяхъ. Когда насталъ день публичнаго экзамена, Григорій самъ во время испытанія по богословскимъ предметамъ стоялъ предъ посѣтителями около первой партіи студентовъ, приказавъ своимъ бакалаврамъ сидѣть на своихъ мѣстахъ. Экзаменъ длился при молчаніи первенствующихъ посѣтителей, молчалъ и Евгеній, отъ котораго студенты ожидали возраженій. Наконецъ, митрополитъ Серафимъ сдѣлалъ выходку, совсѣмъ ему не удавшуюся. Когда одинъ студентъ, произнося трактатъ изъ гомилетики, сказалъ, что изъ словъ Моисея и апостола Павла, въ которыхъ они молятъ Господа Бога изгладить ихъ изъ книги живота, только бы онъ пощадилъ вѣрующихъ, можно вывести для проповѣди такую тему, что христіане должны жер-

твовать общему благу своимъ частнымъ благополучіемъ, Серафимъ сказалъ, что такихъ словъ Моисея и апостола Павла нельзя брать въ основаніе проповѣди, потому что они сказали ихъ въ нѣкоторомъ изступленіи. Григорій, выслушавъ это возраженіе, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли первоприсутствующие, и, поклонившись митрополиту, твердымъ голосомъ сказалъ: „простите меня ваше высокопреосвященство, я привыкъ вѣровать и вѣрую, что боговдохновенные мужи всегда говорили по духу Божію и никогда ничего не говорили въ изступленіи разума“. Серафимъ замолчалъ—и испытаніе по богословію кончилось. Григорій сталъ подносить членамъ синода и другимъ важнѣйшимъ лицамъ экземпляры пятитомныхъ студенческихъ сочиненій, лежавшихъ передъ ними на столѣ. Когда посѣтители стали выходить изъ залы, Сперанскій подошелъ къ студентамъ, поздравилъ ихъ съ благополучнымъ окончаніемъ курса и сказалъ, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ ихъ испытаніе. Не смотря однакожъ на то, что затребованныя отъ студентовъ сочиненія были поданы, и на то, что успѣхи ихъ по испытанію оказались достаточными, комиссія духовныхъ училищъ опредѣлила никому изъ нихъ при выпускѣ изъ академіи не давать степени магистра и удостоивать ея только черезъ два года тѣхъ, которые при отличныхъ аттестаціяхъ академіи будутъ представлены епархіальными архіереями съ одобрительными отзывами объ ихъ службѣ.—Григорій оставилъ академію, будучи посланъ епископомъ въ Калугу.

Черезъ годъ послѣ выпуска шестаго курса Петербургской академіи, въ Москвѣ студенты оканчивали свой курсъ. Остававшемуся тамъ Филарету комиссія назначила быть ревизоромъ при испытаніи. Произведши это испытаніе самымъ строгимъ образомъ, Филаретъ въ представленіи своемъ комиссіи написалъ, что онъ признаетъ семь студентовъ вполне достойныхъ получить степени магистра при самомъ выпускѣ изъ академіи на основаніи положенія академическаго устава, утвержденного высочайшею властью. Послѣ такого представленія члены комиссіи не могли уже не утвердить его признанія. Впослѣдствіи, когда Филаретъ пріобрѣлъ особенное расположеніе государя,

стали по прежнему давать студентамъ магистерскую степень при самомъ ихъ выпускѣ. По кончинѣ Александра Благословеннаго всѣмъ стало извѣстно, что, кромѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны и князя Голицына, одному только Филарету покойный Государь благоволилъ открыть государственную тайну и повелѣлъ ему хранить ее въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ и обнаружилъ ее, когда наступило къ тому время. Вышедъ изъ алтаря и держа надъ своею головою ковчегъ, въ которомъ находился пакетъ съ этой тайной, Филаретъ сказалъ предстоявшимъ сановникамъ: „внимайте, Россіяне, въ семъ гробѣ скрывается послѣдняя воля Александра Благословеннаго; 25 лѣтъ вы исполняли ее и были счастливы, исполните ее въ послѣдній разъ... и прочее...; послѣ того поставилъ ковчегъ на приготовленномъ среди храма столѣ, отперъ его находившимся у него ключемъ, вынулъ пакетъ и, показавъ присутствующимъ нетронутую на пакетѣ печать и надпись покойнаго государя: „вскрыть послѣ моей смерти“, взломалъ печать; вынулъ изъ пакета вложенные въ него документы и далъ сенатскому прокурору, чтобъ онъ ихъ прочелъ. Въ числѣ документовъ находился и манифестъ, написанный по порученію государя Филаретомъ. По прочтеніи всѣхъ бумагъ началась въ соборѣ присяга Императору Николаю Павловичу, затѣмъ присягнула и вся Москва безъ всякаго волненія въ народѣ, который вѣрилъ, что владыка разрѣшилъ ему первую присягу и благословилъ на вторую. Когда впослѣдствіи времени спрашивали Филарета, правда-ли, что онъ предъ присягою сказалъ: „разрѣшаю и благословляю“— онъ отвѣчалъ, что такихъ словъ тогда онъ не говорилъ и не могъ говорить, а сказалъ только, что какъ первая присяга отвергнута тѣмъ самымъ лицомъ, которому она была сдѣлана, то мы должны присягнуть законно-унаслѣдовавшему Государю Императору Николаю Павловичу. О такомъ совершеніи присяги Филаретъ увѣдомилъ Государя въ письмѣ своемъ къ нему, на которое Его Величество отвѣчалъ рескриптомъ, изъяслявшимъ Филарету его особенное благоволеніе и при томъ прислалъ ему въ награду брилліантовый крестъ на клобукъ. Послѣ коронаціи, предъ которою Филаретъ встрѣтилъ Государя съ своею

многознаменательною рѣчью, онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита Московскаго. Восходя на высшую іерархическую ступень, Филаретъ не забылъ поднять оставшагося въ Калугѣ ученика своего Григорія, котораго забыли или, лучше сказать, не хотѣли включить въ санъ архіереевъ, предстоявшихъ при коронаціи. Рассказывали, что во время обѣда, которымъ Филаретъ угощалъ прибывшихъ въ Москву архіереевъ, прискакалъ отъ Государя курьеръ съ повелѣніемъ, чтобы Филаретъ явился къ Его Величеству въ петровскій дворецъ, поручивъ своему викарію вмѣсто себя быть хозяиномъ за столомъ. Государь спрашивалъ Филарета, сдѣлано-ли надлежащее распоряженіе относительно церковнаго церемоніала при коронаваніи? Филаретъ отвѣчалъ, что при составленіи церемоніала въ синодѣ онъ не присутствовалъ, и что по разсмотрѣнію такового онъ находитъ одну только несоотвѣтственность, заключающуюся въ томъ, что въ порядкѣ предстоянія архіереевъ противъ одного изъ нихъ будетъ стоять духовникъ Его Величества, а не архіерей. „Что-жъ, теперь уже нельзя поправить эту несоотвѣтственность?“ спросилъ Государь. Филаретъ отвѣчалъ, что если Его Величеству угодно будетъ, можно еще вызвать изъ Калуги епископа Григорія. „Это тотъ Григорій, который былъ ректоромъ петербургской духовной академіи?“—спросилъ Государь.—„Тотъ самый“—сказалъ Филаретъ. „Такъ поспѣшите его вызвать“, сказалъ Государь. Филаретъ, возвратившись на свое подворье, засталъ у себя гостей и объявилъ имъ, что Его Величеству угодно, чтобы Григорій присутствовалъ при коронаціи, что не по сердцу пришлось его недоброжелателямъ, да нечего уже было дѣлать.

Григорій послѣ коронаціи былъ награжденъ орденомъ Владимира второй степени.

Послѣ этого Григорій, отличенный вниманіемъ Государя, сталъ восходить на высшія іерархическія ступени и въ санѣ тверскаго архіепископа вмѣстѣ съ Филаретомъ засѣдалъ въ синодѣ, съ нимъ же вмѣстѣ священнодѣйствовалъ и при коронаваніи Императора Александра II, надъ которымъ Филаретъ, какъ первенствующій іерархъ, совершилъ священное миропомазаніе. Въ то-же время Григорій былъ возведенъ Государемъ

въ санъ Петербургскаго митрополита. Учитель семью годами пережилъ своего ученика, и оставаясь въ Москвѣ, не смотря на случавшіяся неблагопріятныя для него обстоятельства, сохранилъ за собою великое значеніе для церкви и отечества до самой кончины своей, послѣдовавшей на 86-мъ году его жизни.

XI.

Предсказанія обо мнѣ.—Оберъ-священникъ Державинъ.—Отъѣздъ мой въ Петербурга.—Пановъ.—Станція Долгова.—Г. Луга.—Г. Велижъ.—Станція Паноровка.—Священникъ Антоновъ.—Свиданіе съ матерью въ селѣ Колпникѣ. Село Лисконоги и свиданіе съ братомъ.—Протоіерей Ленковскій.—Прибытіе въ Черниговъ.

Приступая съ изложенію моихъ воспоминаній о служебной моей жизни, расскажу прежде, какъ, сверхъ моего чаянія и желанія, случайно исполнилось надо мною предсказаніе, которому не хотѣлось вѣрить. Передъ окончаніемъ академическаго курса, празднествъ Пасхи я проводилъ въ домѣ оберъ-священника Державина. Вечеромъ вся семья его уѣхала въ гости, и я остался въ домѣ только со старушкою ключницей. Напоивъ меня чаемъ, она стала раскладывать карты и спросила меня, не хочу-ли я, чтобы она обо мнѣ загадала. Я отвѣчалъ, что никакому гаданію не вѣрю. Она все-таки продолжала перекладывать карты и говорила мнѣ: 1-е, что я получу то, чего желаю и въ чемъ сомнѣваюсь, второе, что мнѣ предстоитъ далекое путешествіе; третье, что на пути моемъ въ чужомъ домѣ я увижу пожилую женщину, очень мнѣ близкую, можетъ быть, мать; четвертое, что въ своемъ домѣ я увижу молодого человѣка, также мнѣ близкаго, можетъ быть, брата; пятое, что эта пожилая женщина и этотъ молодой человѣкъ будутъ мнѣ рекомендовать одну дѣвицу, можетъ быть, въ невѣсты, но что я буду отъ нея отворачиваться; шестое, что не смотря на то, я на ней женюсь. Первые два пункта этого предсказанія, гадальщица могла сказать мнѣ, зная изъ моихъ разсказовъ что я желалъ и сомнѣвался получить степень магистра и что меня пошлютъ на службу въ какую нибудь другую губернію; но послѣдніе четыре пункта заключали въ себѣ такія обстоятельства, которыя ни мнѣ, ни ей ни по какому случаю не могли быть извѣстны.

Предъ окончаніемъ моего курса я просилъ Державина, что-бы въ комиссіи духовныхъ училищъ мнѣ не назначали слишкомъ отдаленнаго мѣста службы, и притомъ говорилъ ему, что я желалъ-бы получить мѣсто въ губерніяхъ Петербургскаго учебнаго округа, особенно Могилевской и Орловской, какъ ближайшихъ къ Чернигову, который принадлежалъ къ Кіевскому округу и въ которомъ потому я уже не надѣялся получить мѣсто въ семинаріи; но духовная комиссія сверхъ моего чаянія назначила меня и товарища моего Охотина профессорами въ Черниговскую семинарію.

Приближалось время моего отправленія на мѣсто службы. Я какъ-то медлил отъѣздомъ. Во 1-хъ, необходимо было окопироваться, а во 2-хъ, и главнымъ образомъ—потому, что мнѣ тяжело было разстаться съ Петербургомъ, съ которымъ за пятнадцать лѣтъ моего въ немъ пребыванія я сроднился, и въ которомъ долженъ былъ навсегда оставить людей привязавшихъ къ себѣ мое сердце.

Таковъ былъ, во-первыхъ, незабвенный мой благодѣтель оберъ-священникъ Иванъ Степановичъ Державинъ. Онъ по смерти родителя моего сталъ самымъ попечительнымъ отцомъ для нашего осиротѣлаго семейства; вытребовалъ изъ полка, въ которомъ отецъ мой былъ священникомъ, оставшуюся тамъ небольшую сумму денегъ отца моего и сохранилъ до совершеннолѣтія моего и брата Николая; для матери моей исходатайствовалъ положенную пенсію; для обученія меньшаго моего брата Николая въ Новгородъ—Сѣверскомъ духовномъ училищѣ и потомъ въ черниговской семинаріи высылалъ армейскую сумму; меня въ армейской семинаріи приблизилъ къ своему семейству, среди котораго я находилъ всегда себѣ отраду; безъ моей просьбы удержалъ меня въ Петербургѣ, дабы я получилъ академическое образованіе и имѣлъ право на лучшую участь по службѣ, и мѣсто для этой службы открылъ мнѣ на моей родинѣ; въ довершеніе всѣхъ своихъ благодѣяній при моемъ съ нимъ прощаніи указалъ мнѣ еще путь, по которому, слѣдуя къ мѣсту своего назначенія, я могъ скоро прибыть на мою родину и увидѣть родныхъ, которыхъ пятнадцать лѣтъ я не видѣлъ.

Державинъ сказалъ мнѣ, что когда-то онъ былъ командированъ синодомъ, вмѣстѣ съ черниговскимъ архіепископомъ Михайломъ, (впослѣдствіи митрополитомъ петербургскимъ), на слѣдствіе надъ Сѣвскимъ архіереемъ Досифеемъ, что во время этой командировки онъ проѣзжалъ черезъ родной мой городъ Новгородъ-Сѣверскъ и совѣтовалъ мнѣ со станціи Усвятъ повернуть на смоленскій трактъ, который чрезъ Стародубъ прямо приведетъ меня въ Новгородъ-Сѣверскъ, отъ котораго въ 12-ти верстахъ находится село Лисконоги, гдѣ жила моя мать и находился во время ваканцій братъ мой.

Могъ-ли бы самъ покойный отецъ мой такъ устроить судьбу мою? Не милость ли промысла Божія послала мнѣ въ лицѣ Державина такого многопопечительнаго благодѣтеля? Въ избыткѣ чувствъ моей къ нему благодарности и скорби о разлукѣ съ нимъ, при прощаніи, когда онъ благословлялъ меня, я могъ только пасть предъ нимъ на колѣни и одними слезами выразить мою къ нему признательность, навсегда запечатлѣвшуюся на моей памяти и сердцѣ—это замое утѣшительное изъ моихъ воспоминаній. Простившись съ Державинимъ, я долженъ былъ проститься съ семействомъ священника Петрова, въ которомъ я всегда былъ радушно принятъ. Здѣсь опять не обошлось безъ слезъ съ обѣихъ сторонъ. Въ академіи меня съ нетерпѣніемъ ожидалъ товарищъ мой Охотинъ; онъ побуждалъ меня скорѣе выѣзжать изъ Петербурга, такъ какъ всѣ почти сокурсники наши уже разѣхались. Мы вдвоемъ пошли проститься съ инспекторомъ академіи Іоанномъ, который сказалъ намъ, что онъ самъ былъ профессоромъ черниговской семинаріи, что сначала ему Черниговъ не понравился; но что потомъ онъ оставлялъ его съ сожалѣніемъ; думаю,—сказалъ онъ,—что и вамъ послѣ Петербурга Черниговъ покажется непригляднымъ и скучнымъ, но когда вамъ придется разставаться съ нимъ, вы будете также жалѣть о разлукѣ съ добрыми черниговцами, какъ нѣкогда жалѣлъ и я. Выѣзжая изъ Петербурга, я долженъ былъ перенести еще одну горестную разлуку съ лицомъ, о которомъ еще не говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Это былъ студентъ шестаго курса, кроткій, чувствительный и добросердечный Михаилъ

Ивановичъ Пановъ, землякъ пріятеля моего Козловскаго, который меня съ нимъ познакомилъ. Въ самомъ скоромъ времени мы такъ подружились, что насъ назвали братьями. Въ свободное время мы всегда почти сходились другъ съ другомъ и часто вмѣстѣ занимались своими предметами. Я по силамъ моимъ помогалъ Панову въ его учебныхъ занятіяхъ, а онъ дѣлился со мною тѣми лакомствами и пищею, которыя онъ покупалъ на деньги, присылаемыя ему родными. Расскажу здѣсь одинъ смѣшной съ нами случай. Передъ праздникомъ Рождества Христова въ Петербургѣ на конной площади собираются изъ разныхъ мѣстъ торговцы съ рѣзанною живностію. Пановъ повелъ меня на эту площадь, чтобы купить тамъ что-нибудь для нашей скромной пищи. Купивъ двѣ утки, мы увидѣли въ мѣшкѣ что-то похожее на большіе орѣхи или мерзлыя яблоки. Что это такое? спросилъ Пановъ. Куриные пупки—отвѣчалъ продавецъ. Купили мы и ихъ. Пришедши съ нашими покупками въ больничную кухню, мы сами стали стряпать; обмыли пупки налили въ кастрюлю воды и когда она закипѣла, положили въ нее пупки и насыпали рису. Пришелъ больничный сторожъ и, увидѣвъ наше поварское занятіе, спросилъ: что это вы, господа, варите?—Супъ съ куриными пупками.—А разрѣзывали-ли вы ихъ и очистили-ли ихъ внутренность?—Нѣтъ.—Такъ вылейте же вашъ супъ въ помой, посмотрите на его желтый цвѣтъ и понюхайте чѣмъ онъ пахнетъ. Дѣло кончилось нашимъ общимъ хохотомъ, и потомъ товарищи, узнавши о нашей стряпнѣ, долго смѣялись надъ нами.

Отъ смѣшнаго опять перехожу къ печальному. Пановъ провожалъ меня до первой станціи Софія, что близъ Царскаго села. Здѣсь мы должны были разстаться, долго мы съ нимъ обнимались и плакали, пока Охотинъ не заставилъ меня садиться въ повозку. Пановъ поѣхалъ со слезами; со слезами пошелъ и я по пустынному тракту, скорбя о томъ, что разстался съ Петербургомъ, Державиннымъ и Пановымъ. Охотинъ былъ молчаливъ, серьезенъ и, кажется, недоволенъ моею плаксивостію, но я былъ счастливъ что имѣлъ спутника; не говоря уже о печальномъ настроеніи моего духа, я къ тому же не имѣлъ ни-

какого понятія о почтовой ѣздѣ, и Охотинъ всёмъ распоряжался по своему усмотрѣнію, часто противъ моего желанія. Онъ могъ днемъ и ночью спать на тѣсной и тряской телѣгѣ, катившейся по вымощенной тогда бревнами дорогѣ, и потому приказывалъ ямщикамъ закладывать для насъ лошадей и ночью, что для меня было непріятно. Со станціи Домовка два обратные ямщика уговорили насъ сѣсть поодионочкѣ на ихъ телѣгахъ. Охотинъ тому и обрадовался, что могъ одинъ на просторѣ спать. Я, изнемогая отъ тряски, тоже задремалъ, но проснувшись ночью увидѣлъ, что повозка моя стоитъ на мѣстѣ и на ней не было ямщика; я сталъ кричать, но отвѣта не было; страхъ нашелъ на меня,—я опасался, что лошади отъ какого нибудь испуга могутъ понести меня или случится со мною какая нибудь напасть отъ человѣка или звѣря; и въ такомъ опасеніи пробылъ, пока не услышалъ звяканья колокольчика; оказалось, что ямщикъ мой ходилъ отыскивать своего сонливаго товарища и нашелъ ту телѣгу также стоящую на мѣстѣ, а сѣдока и возницу спящими.—Въ гор. Лугѣ намъ не дали лошадей, потому что всё были забраны подъ военный обозъ. Поневолѣ пришлось ночевать. Не вынося нашей поклажи, мы рѣшились спать въ телѣгѣ. Еще вечеромъ мы видѣли на станціонномъ дворѣ большаго привязаннаго къ колесу медвѣдя, съ которымъ забавлялись ямщики. Ночью Охотинъ за благоразсудилъ пойти спать въ станціонную комнату, а я вскорѣ увидѣлъ того медвѣдя, сорвавшагося съ веревки и бѣгающаго по двору; въ страшномъ испугѣ я прибѣжалъ въ комнату и, разбудивъ Охотина, укорялъ его за то, что онъ оставилъ меня одного, а онъ только посмѣялся надо мною. Когда медвѣдь былъ опять привязанъ, мы оба уже ночевали на телѣгѣ. Въ городѣ Велижѣ, на западной Двинѣ, намъ отказали въ лошадяхъ. Хозяйка гостинницы, жидовка, предложила намъ обѣдъ, и мы, забывши совѣтъ академическаго доктора—не ѣсть въ дорогѣ жидкой и жирной пищи, съ большимъ аппетитомъ пообѣдали, за что я заплатилъ въ дорогѣ сильною рѣзью въ животѣ и около получаса пролежалъ на землѣ. Охотинъ не испыталъ подобной болѣзни, потому что при обѣдѣ пилъ водку, которой

я еще не пробоваль, и которую послѣ, по его настоянію, сталъ понемногу употреблять. Со станціи Усвятъ, мы по совѣту Державина поворотили на смоленскій трактъ. Въ Смоленскѣ мы провели сутки у нашихъ товарищей Козловскаго и Глухарева, которые прибыли туда недѣли за двѣ до насъ; отдохнувши у нихъ, мы продолжали путь по ровной дорогѣ, проѣхали Стародубъ и прибыли на станцію Паноровку, отстоящую въ 50-ти верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска, въ который думали въ тотъ-же день отправиться, но тутъ представилось намъ неожиданное препятствіе. Станціонный смотритель объявилъ намъ, что какъ мы два раза измѣнили законный маршрутъ, по которому изъ станціи Усвятъ намъ должно было ѣхать на Могилевъ, а изъ Стародуба прямо на Черниговъ, то онъ считаетъ себя въ правѣ не давать намъ лошадей, пока мы не заплатимъ ему двойныхъ прогоновъ. Мы долго съ нимъ спорили, но онъ оставался непреклоненъ. Предполагая, что упрямецъ одумается, мы пошли прогуляться по берегу рѣки Ревны, протекающей чрезъ селеніе Паноровку, и видѣли на другой сторонѣ этой рѣки много каменныхъ строеній и между ними прекрасную церковь и большой домъ, на балконѣ котораго находилось много господъ обо-его пола и разнаго возраста. Въ этомъ домѣ черезъ двадцать лѣтъ я радушно былъ принимаемъ за гостя. Возвратившись на станцію и не видя въ смотрителѣ ни малѣйшей уступчивости въ его требованіи, ночевали тамъ, а поутру разсудили удовлетворить его корыстолюбіе и получили лошадей. Отъѣхавъ отъ Паноровки верстъ десять, я увидѣлъ съ моей стороны стоявшій близъ дороги хуторъ и выходившаго изъ него бѣлокуро-раго священника безъ шапки; онъ направлялся къ нашей повозкѣ и просилъ остановиться; подошедши къ ней, онъ спросилъ: „Откуда господа ѣдете?“—Изъ Петербурга—отвѣчалъ я.—Нѣтъ ли между вали Самчевскаго?—Я обозвался, и тогда онъ сказалъ, что мать давнымъ давно меня ожидаетъ и сильно беспокоится, что доселе я не прибылъ, что онъ тотъ самый бывшій въ селѣ Роговкѣ дьячекъ Аягонъ, который по порученію отца моего меня выскѣ розгою, что онъ гоститъ теперь у своего родственника въ этомъ ~~хуторѣ~~ и ~~предложилъ~~ намъ остановиться въ

немъ съ тѣмъ, что онъ съ своими родственниками проселочнымъ путемъ привезетъ насъ прямо въ село Лисконоги. Я обрадовался такому благопріятному предложенію; перенесли наши чемоданы въ хуторъ и отпустили лошадей. Насъ угостили завтракомъ, за которымъ я въ первый разъ увидѣлъ женщинъ, пьющихъ водку. Когда мы проѣзжали село Колпынку, отстоящую отъ Лисконогъ верстахъ въ пятнадцать, от. Антонъ, сидѣвшій со мной на одной повозкѣ, остановилъ лошадей у одного дома и сказалъ мнѣ: „Здѣсь живетъ вашъ родной по матери дядя отецъ Стефанъ Калиновскій, не угодно-ли вамъ зайти къ нему.“ Я рѣшительно отказывался, спѣша скорѣе увидѣть мать свою. „По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, я забѣгу въ домъ узнать—живъ-ли вашъ дядя, такъ какъ онъ былъ очень боленъ“. Минуть черезъ пять онъ возвратился и сказалъ: „Здѣсь ваша матушка!“ Эта неожиданная вѣсть такъ меня поразила, что я нѣсколько времени не могъ придти въ себя. Когда мы съ нимъ вошли въ дворъ, онъ указалъ мнѣ мою мать, отпиравшую тогда амбаръ. Съ волненіемъ я подошелъ къ ней и вскричалъ: „Матушка!“ Она съ изумленіемъ взглянула на меня и думая, что надъ нею шутятъ, сказала: „Я сына здѣсь не ожидаю.“—„Да вѣдь я сынъ вашъ Іосифъ, —сказалъ я!—“ „А покажи мнѣ свою лѣвую руку, —и съ этими словами она отвернула рукавъ моего сюртука и рубахи и, увидѣвъ шрамъ на рукѣ моей, со слезами бросилась обнимать меня.

Такимъ образомъ исполнился третій пунктъ моего петербургскаго гаданія. Я видѣлъ мать мою на пути моемъ въ чужомъ домѣ. Повидавшись съ больнымъ дядей, я на одной повозкѣ съ матушкой поѣхалъ въ Лисконоги; за нами вслѣдъ ѣхали другія двѣ повозки; на одной изъ нихъ былъ Охотинъ. Въ дорогѣ матушка моя, безпрестанно обнимая меня, говорила о своемъ житьѣ-бытьѣ во время пребыванія моего въ Петербургѣ, говорила, что меньшой братъ мой Левъ умеръ въ младенствѣ, что братъ мой Николай, бывшій въ риторическомъ классѣ семинаріи, вздумалъ отнажды съ однимъ своимъ товарищемъ передъ праздникомъ Рождества Христова изъ Чернигова пѣшкомъ отправиться въ Лисконоги, что на пути своемъ при сильномъ

морозѣ они слишкомъ озябли, сѣли отдохнуть въ лѣсу подѣ сосною и уже начали было засыпать, но спасены были отъ смерти проѣзжавшими людьми, которые взяли ихъ къ себѣ на сани и довели до ближайшаго села; что братъ Николай переведенъ теперь изъ риторическаго класса въ философскій и находится на вакаціяхъ въ нашемъ домѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая моего приѣзда и горя, что я до сихъ поръ еще не приѣхалъ. Мы подѣхали къ Лисконогамъ, и я съ восторгомъ увидѣлъ родныя, незабвенныя для меня мѣста. Вотъ тѣ вербы, подѣ которыми я гулялъ съ мальчишками; вотъ то озеро, въ которомъ я съ ними украдкой купался, и за что былъ наказываемъ матерью; а вотъ на горѣ и домъ нашъ, въ которомъ я провелъ мое дѣтство. Когда мы подѣхали къ воротамъ дома, мать сказала мнѣ, что хочетъ обмануть брата, будто къ нему приѣхалъ его товарищъ, и чтобы я подаль ему свою подорожную. Вошедши во дворъ, матушка закричала: Николаша! къ тебѣ приѣхалъ изъ Чернигова панычъ съ какимъ-то письмомъ.

Братъ, бывшій въ это время въ огородѣ, въ отвѣтъ на это закричалъ: „мнѣ теперь не до панычей и не до писемъ, когда Богъ знаетъ, живъ-ли братъ мой.“—Да иди-же скорѣе, говорила мать,—панычъ дожидается. Когда братъ сталъ подходить, я хотѣлъ было подать ему подорожную, но мать, не выдержавши, закричала: „это братъ твой Іосифъ!“ Мы обнялись въ слезахъ. Въ это время вышелъ изъ комнатъ другой дядя мой, отецъ Симеонъ Калиновскій, заступившій послѣ отца моего его мѣсто и жившій въ нашемъ домѣ. Мы вошли въ домъ, братъ занялся раскупоркою моего чемодана, а мать повела меня по комнатамъ, указывая мнѣ диванъ, на которомъ я родился, и ту кровать, на которой я заваленъ былъ шубами; въ саду она указала ту яблоню, подѣ которой отецъ меня выскѣ за похищеніе яблोकъ; указала мнѣ и тотъ конопляникъ, въ которомъ я заблудился, и прочее. Вотъ исполнился и четвертый пунктъ предсказанія—я видѣлъ брата въ собственномъ домѣ, и мы плакали.

На другой день послѣ моего приѣзда, во время нашего завтрака, приѣхалъ изъ Новгородъ-Сѣверска дьячекъ съ пись-

момъ къ дядѣ отъ соборнаго протоіерей Стефана Яковлевича Ленковскаго, который просилъ дядю познакомить съ нимъ прибывшихъ изъ Петербурга профессоровъ. Я отказывался отъ этой поѣздки, желая короткое время провести въ родномъ домѣ, но дядя, мать и братъ усиленно начали просить меня побывать у Ленковскаго, говоря, что онъ всегда имъ благодѣтельствовалъ, особенно, когда братъ мой учился въ новгородъ-сѣверскомъ духовномъ училищѣ подъ его начальствомъ, какъ смотрителя этого училища; что Ленковскаго во всемъ уѣздѣ всѣ уважаютъ и любятъ, какъ добраго человѣка и начальника духовнаго управленія. Нечего было дѣлать, нужно было согласиться, и я на другой день отправился въ Новгородъ-Сѣверскъ съ моимъ братомъ. Охотинъ не могъ намъ сопутствовать, потому что у него въ дорогѣ сдѣлалась на лицѣ сыпь. При отъѣздѣ нашемъ матушка говорила мнѣ, что я въ домѣ Ленковскаго увижу хорошенькую дочь его, на что я не обратилъ вниманія. По приѣздѣ въ Новгородъ-Сѣверскъ мы остановились сперва въ домѣ родной тетки моей, младшей сестры моей матери, по фамиліи Нюховой, гдѣ также мнѣ говорили о дочери Ленковскаго.

Когда мы пришли въ домъ послѣдняго, онъ чрезвычайно привѣтливо принялъ насъ и съ перваго взгляда мнѣ очень понравился своею сановитостью и добрымъ лицомъ. Вскорѣ появилась жена его, Евдокія Федоровна, а за нею и дочь ихъ, Варвара Степановна; мнѣ она нисколько не показалась хорошенькою или, лучше сказать, просто не понравилась. Въ небольшомъ домѣ Ленковскаго была необыкновенная чистота и порядокъ. Угощеніе за обѣдомъ было весьма обильное, пища вкусная, было и вино, котораго я пилъ немного, а водки совсѣмъ не употреблялъ, что, какъ я послѣ узналъ, хозяевамъ очень понравилось. При прощаніи моемъ съ отцемъ Ленковскимъ, онъ просилъ меня познакомить его съ моимъ товарищемъ Охотиннымъ и назначилъ день нашего приѣзда—30-е августа, день тезоименитства Императора. По возвращеніи домой матушка спрашивала меня, какъ мнѣ показалась дочь Ленковскаго. Я отвѣчалъ, что не нахожу въ ней ничего хорошаго и

что вообще не хочу думать ни о какихъ барышняхъ. И такъ, исполнился пятый пунктъ предсказанія—мнѣ дочь Ленковского не понравилась.

30-го августа я съ братомъ и съ Охотинымъ приѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ прямо въ соборъ, гдѣ тогда отецъ Ленковский съ духовенствомъ отправлялъ торжественное молебствіе. Здѣсь онъ мнѣ еще болѣе понравился, когда я увидѣлъ его въ облаченіи. По окончаніи молебствія, протоіерей Ленковский самъ повелъ насъ въ домъ свой, весьма близко отстоящій отъ собора; въ домѣ было уже довольно гостей и въ числѣ ихъ бывшій студентъ четвертаго выпуска петербургской духовной академіи—Лукашевичъ, учитель новгородъ-сѣверскаго духовнаго училища. Въ академіи я былъ съ нимъ мало знакомъ, зналъ только, что онъ выпущенъ послѣднимъ кандидатомъ, что ему за какую-то провинность въ поведеніи не дали учительскаго мѣста въ семинаріи, и назначили учителемъ новгородъ-сѣверскаго духовнаго уѣзднаго училища только потому, что онъ въ академіи далъ обѣтъ поступить въ монахи. Во время обѣда, когда вся компанія весело болтала, Лукашевичъ, непомѣрно угостившись водкой и виномъ, ни съ того, ни съ сего обратился ко мнѣ съ такими словами: „Помните-ли, Іосифъ Акимовичъ, какъ мы съ вами погуливали въ Петербургѣ?“ Озадаченный такимъ наглымъ обращеніемъ, я отвѣчалъ, что не знаю, гулялъ-ли онъ, бывши студентомъ академіи, а мнѣ было не до гулянья, что можетъ подтвердить мой товарищъ. Яковъ Ивановичъ Охотинъ, бывшій самъ навеселѣ, защищалъ меня, сильно кольнулъ Лукашевича, сказавъ, что если-бы мы погуливали въ академіи, то не кончили бы курса магистрами и профессорами семинаріи, а попали-бы развѣ только въ уѣздные учителя. Ленковский при этомъ сказалъ, что и онъ такъ думаетъ. По окончаніи обѣда, когда гости разошлись, Ленковский просилъ у насъ извиненія, что пьяный Лукашевичъ сдѣлалъ такую непріятную для него, для насъ и для всѣхъ присутствующихъ выходку; при этомъ онъ рассказалъ намъ о Лукашевичѣ слѣдующее. Когда въ черниговскомъ семинарскомъ правленіи было получено извѣстіе о назначеніи Лукашевича учителемъ и

исправляющимъ должность инспектора въ новгородъ-сѣверскомъ духовномъ училищѣ, то черниговскому архіерею въ то же время сообщено было объ общаніи Лукашевича поступить въ монашество и поручено наблюдать за его поведеніемъ. Лукашевичъ, поступивъ на службу, сталъ вести нетрезвую жизнь и при такомъ поведеніи вздумалъ сдѣлать предложеніе дочери Ленковскаго, но получивъ рѣшительный отказъ, женился на дочери другаго протоіерея, Васильковскаго, находившагося съ Ленковскимъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Вслѣдъ затѣмъ со стороны тестя и зятя начались интриги и потомъ отъ послѣдняго доносы на Ленковскаго въ семинарское правленіе, въ которыхъ Лукашевичъ между прочимъ писалъ, что будто Ленковский навязывалъ ему въ невѣсты дочь свою и теперь мститъ ему за то, что онъ не согласился взять ее по причинѣ ея болѣзненнаго состоянія и дурнаго характера. Отъ Ленковскаго семинарское правленіе требовало объясненія на такіе доносы. Изъ этихъ взаимныхъ пререканій составилось большое дѣло, которое впослѣдствіи я самъ читалъ въ семинарскомъ правленіи. Рѣшительному окончанію этого дѣла послужило представленное Ленковскимъ въ семинарское правленіе собственноручное письмо Лукашевича, въ которомъ онъ, сватаясь на дочери Ленковскаго, выхвалялъ ея качества и изъяснялъ къ ней свою любовь. Архіерей на протоколѣ семинарскаго правленія положилъ такую резолюцію: для возстановленія въ новгородъ-сѣверскомъ духовномъ училищѣ прежняго въ немъ порядка и тишины поручить инспекторскую въ немъ должность благонадежнѣйшему учителю, а Лукашевичу объявить, что если онъ не исправится въ своемъ поведеніи, то будетъ удаленъ и отъ учительской должности. Окончивъ весь этотъ рассказъ, Ленковский опять извинялся предъ нами въ томъ, что онъ пригласилъ на обѣдъ къ себѣ Лукашевича, какъ человѣка намъ знакомаго по Петербургу, желая тѣмъ доставить намъ удовольствіе. Когда мы прощались съ Ленковскимъ, онъ убѣдительно просилъ насъ не прерывать знакомства съ нимъ и не оставлять его нашими отвѣтными письмами, такъ какъ онъ по должности смотрителя духовнаго училища зависѣлъ отъ семинарскаго

правленія и нуждался въ нашей къ нему пріязни. Мы разстались съ нимъ какъ гости пріятные всему семейству; жена и дочь его выражали надежду на продолженіе нашего знакомства и давали на дорогу въ Черниговъ много разныхъ печеній, которыми сама дочь поручила брату моему угощать насъ во время путешествія. По возвращеніи въ домъ нашъ, матушка опять спрашивала меня, какъ мнѣ показалась дочь Ленковского. Я отвѣчалъ то же, что и прежде говорилъ о ней. Черезъ два дня мы выѣхали изъ Лисконогъ въ Черниговъ на двухъ сельскихъ подводахъ, изъ которыхъ на одной сидѣлъ я съ братомъ, а на другой Охотинъ со всѣмъ нашимъ багажемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

ХІІ.

Прибытіє въ Черниговъ. Видъ семинаріи. Архіерей Лаврентій и Владыміръ

Въ Черниговъ мы прибыли 4 сентября 1823 года. Въѣхавши на семинарскій дворъ, мы остановились противъ квартиры инспектора и въ дорожныхъ костюмахъ вошли къ нему. Это былъ игуменъ козелецкаго монастыря Филадельфъ Пузина, бывшій студентъ перваго выпуска петербургской духовной академіи. Онъ принялъ насъ весьма любезно. Вскорѣ пришелъ къ нему и учитель семинаріи Пахаревскій, тоже бывшій студентъ четвертаго выпуска академіи.

Затѣмъ явился въ инспекторскую квартиру экономъ семинаріи, священникъ Александръ Кирилловичъ Огіевскій, обучавшійся въ старой кievской академіи до ея преобразованія, бывшій потомъ префектомъ черниговской семинаріи и учителемъ словесности до назначенія Охотина на его мѣсто профессоромъ по этому предмету. Въ тотъ же день мы явились въ Елецкій монастырь къ ректору семинаріи архимандриту Іерониму, который тогда же представилъ насъ архіерею Лаврентію. Получивъ отъ послѣдняго архинастырское благословеніе, мы на другой день были введены въ классы, и началась наша служба.

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1893 г., № 12.

Прежде нежели я буду говорить о моей 13-ти лѣтней преподавательской службѣ и жизни въ Черниговѣ, я хочу изложить мои воспоминанія о томъ, въ какомъ состояніи въ этотъ періодъ времени представлялись мнѣ городъ Черниговъ и его семинарія; какія въ ней были тогда начальствующіи лица и преподаватели; какіе въ ней практиковались порядки и каково было ученіе семинаристовъ.

Когда мы подъѣзжали къ Чернигову, онъ издали показался намъ порядочнымъ городомъ; но когда мы въѣхали въ самый городъ, намъ представилось какое то углубленіе въ видѣ луга, по которому протекалъ ничтожный ручеекъ, называемый Стрыжень, и надъ этимъ Стрыжемъ возвышался плохой мостъ. За мостомъ начинается подъемъ, съ довольно широкими улицами, обставленными одноэтажными некрасивыми домами. Самая городская площадь не отличалась благоустройствомъ, а такъ называемый бульваръ былъ усыпанъ глубокимъ пескомъ и обсаженъ тощими, маленькими деревцами. Долго мы не могли привыкнуть къ непривлекательному Чернигову и часто, выходя за городъ, съ кургановъ тоскливо смотрѣли на петербургскій трактъ, по которому мнѣ сильно хогѣлось возвратиться въ незабвенный для меня Петербургъ, а Охотину въ свой родной Нижній-Новгородъ.

Мѣстность, на которой расположена семинарская усадьба, очень обширна. На первомъ планѣ, въ самой серединѣ ограды стоитъ каменное зданіе съ крестомъ на крышѣ,—это семинарская церковь, устроенная архіепископомъ черниговскимъ Михаиломъ, впоследствии митрополитомъ петербургскимъ, можетъ быть, въ честь его ангела черниговскаго князя Михаила. Церковь занимала не всю внутренность этого зданія. На верхнемъ этажѣ, простиравшемся тогда и надъ церковью, помѣщалась обширная семинарская библіотека, наиболѣе обогатившаяся, когда, по опредѣленію св. синода, сюда передана была богатая библіотека Варлаама, бывшаго могилевскаго архіепископа, лишеннаго этого сана и умершаго въ званіи простого монаха въ новгородъ-сѣверскомъ монастырѣ, откуда книги его присланы въ Черниговъ въ 27-ми большихъ сундукахъ. При въѣздѣ чрезъ каменный ворота на обширный семинарскій дворъ, направо, стояло

двухъ-этажное зданіе, половину котораго во всю его вышину занимала торжественная зала, а въ другой половинѣ въ верхнемъ этажѣ находилось семинарское правленіе и одна учительская квартира, въ нижнемъ же была квартира инспектора. Далѣе по той же линіи въ нѣкоторомъ разстояніи стояло трехъ-этажное зданіе, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщалось уѣздное духовное училище, въ среднемъ три класса семинаріи для высшаго, средняго и низшаго отдѣленій, а нижній этажъ занимали обширные погреба; говорили, что этотъ домъ принадлежалъ знаменитому Павлу Погобютку, только при немъ онъ былъ двухъ-этажный, а третій этажъ надстроенъ уже тогда, когда онъ сталъ собственностію семинаріи. Далѣе по той-же линіи въ нѣкоторомъ разстояніи стояло двухъ-этажное деревянное зданіе, въ которомъ помѣщалась бурса для казеннокоштныхъ учениковъ, и при ней ихъ столовая, кухни и служительская комната. За семинарскими зданіями находился большой садъ, а отъ коридора инспекторской квартиры проложена была дорожка черезъ особенный садикъ къ большому деревянному съ высокою крышею зданію. Этотъ садикъ мы называли Филадельфіею, по имени инспектора Филарета, который насадилъ его и украсилъ цвѣтниками. Садикъ велъ къ сказанному большому деревянному зданію, названному нами ковчегомъ, по причинѣ разныхъ въ немъ помѣщеній, въ которыхъ находились и наши квартиры.

Во время моего пребыванія въ Черниговѣ въ немъ были архіереи Лаврентій и Владиміръ.

Лаврентій обучался въ старой московской академіи и былъ учителемъ въ тамошней Троицкой семинаріи въ одно время съ знаменитымъ впослѣдствіи Филаретомъ, о необыкновенныхъ дарованіяхъ котораго онъ намъ много говорилъ. Однажды онъ спросилъ меня, читалъ ли я проповѣдь Филарета объ одеждѣ. Я отвѣчалъ, что не только читалъ, но и переписалъ, какъ помѣщенную въ образцовыхъ сочиненіяхъ. „А гдѣ она была говорена?“ спросилъ Лаврентій. Я отвѣчалъ, что объ этомъ не напечатано. Лаврентій сказалъ: „проповѣдь Филарета объ одеждѣ не изъ числа архіерейскихъ поученій, а сочинена и сказана имъ была въ Сергіевской Лаврѣ тогда, когда онъ былъ молодымъ

учителемъ, не будучи монахомъ, и что проповѣдь была изъ числа полтинниковыхъ, такъ какъ митрополитъ Платонъ за каждую сказанную Филаретомъ въ Лаврѣ проповѣдь велѣлъ лаврскому ризничему выданать ему по полтинѣ серебра. Впрочемъ, отдавая должное Филарету, Лаврентій, какъ воспитанникъ старой академіи, вполне раздѣлялъ нерасположеніе къ нему старообразованныхъ архіереевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и неблаговоленіе къ магистрамъ и кандидатамъ академіи, на которую Филаретъ имѣлъ огромное вліяніе. Это нерасположеніе свое онъ выказалъ въ притѣсненіи учителя Пахарева. Пахарева въ время обученія своего въ академіи и въ продолженіе службы своей въ семинаріи отличался весьма тихимъ характеромъ; онъ былъ бережливъ, воздержанъ, удалялся отъ шумныхъ обществъ и увеселеній, и тридцати лѣтъ по собственному желанію безъ всякихъ постороннихъ совѣтовъ поступилъ въ монахи.

Лаврентій, посвятивъ его въ іеродіакона, болѣе года держалъ его въ этомъ санѣ; въ продолженіе этого времени Пахарева долженъ былъ діаконствовать въ сослуженіи съ бывшими его учениками, которые, сдѣлавшись священниками, служили литургію въ семинарской церкви, чѣмъ онъ всегда оскорблялся. Однажды, когда я съ нимъ вмѣстѣ былъ у Лаврентія, послѣдній бранилъ его, называя медвѣдемъ, за уклоненіе его отъ общества, какъ будто это качество въ монахѣ заслуживало укоризны. Вслѣдствіе такихъ притѣсненій Пахарева сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, сталъ пить и пилъ даже по посвященіи его въ іеромонахи, отчего на должности инспектора въ Новгородѣ и умеръ. Кто тутъ виноватъ? Епархіальная администрація при Лаврентіи зависѣла отъ консисторіи, или, лучше сказать, отъ всесильнаго ея секретаря Васиневскаго, который нажилъ себѣ въ этой должности порядочное состояніе, пріобрѣлъ земли и крестьянъ. Говорили тогда, что онъ имѣлъ секретную лавку, въ которой продавались подарки и приношенія искателей его милости. Не мало также способствовалъ къ полученію священническихъ приходовъ и докладчикъ Лаврентія Могиланскій. Невѣроятнымъ покажется, но фактически вѣрно то, что келейнику архіерейскому, стоявшему въ роли лакея на заняткахъ его ка-

реты, не разъ предоставлялись лучшія священническія мѣста, которыя онъ продавалъ искавшимъ ихъ. Отсюда происходило то, что богатые дьячки получали лучшіе священническіе приходы, тогда какъ кончившіе семинарскій курсъ, долго ожидали приходовъ и получали худшіе изъ нихъ. Такіе безпорядки, явно совершаемые и извѣстные всей епархіи, не могли не доходить до св. синода, но они продолжались до тѣхъ поръ, пока Лаврентій, чувствуя слабость своихъ силъ и затрудняясь въ отправленіи богослуженія, не попросился на покой и удалился въ Переяславль-Залѣсскій.

На мѣсто Лаврентія переведенъ былъ изъ Курска архіепископъ Владиміръ, бывшій во время моего обученія въ академіи викаріемъ въ Петербургѣ послѣ Филарета. Говорили, что императоръ Николай Павловичъ сказалъ Владиміру на аудіенціи, что назначилъ его въ Черниговъ для исправленія тамошней епархіи—и онъ дѣйствительно ее исправилъ. Владиміръ прибылъ въ Черниговъ во время первой холеры. Въ 25-ти верстахъ отъ Чернигова въ селѣ Седневѣ онъ ночевалъ и оттуда прислалъ увѣдомленіе, что на другой день въ праздникъ Троицы прибудетъ прямо въ соборъ для совершенія литургіи. Рано утромъ множество народа собралось въ соборной оградѣ; духовенство съ хоругвями ожидало пріѣзда новаго архіерея. Когда карета его остановилась передъ воротами, и когда онъ вошелъ въ ограду, величественный и владычный видъ его показывалъ уже смогрѣвшимъ на него, что этотъ новый архипастырь подниметъ епархію. Ректоръ семинаріи Афанасій встрѣтилъ его рѣчью, въ которой прямо сказалъ, что духовные наставники и учащіеся устремляютъ къ нему свои надежды на его къ нимъ благоволеніе. Поцѣловавъ крестъ и облекшись въ мантию, онъ съ посохомъ въ рукахъ вошелъ въ соборъ и, приложившись къ намѣстнымъ иконамъ, обратился къ народу и съ амвона симпатичнымъ своимъ голосомъ произнесъ краткую, но прекрасную рѣчь, которая, какъ мнѣ помнится, начиналась такъ: „Миръ вамъ! Въ ту минуту, когда я привѣтствую васъ миромъ Христовымъ, сердце мое волнуется двумя противоположными чувствами: скорбію о разлукѣ съ любезною мнѣ курскою паствою

и радостію свиданія съ тобою новая паства моя, пастыреначальникомъ мнѣ указанная“! Литургію онъ совершилъ весьма торжественно. По окончаніи ея, благословивъ молившійся народъ, онъ отправился въ свою резиденцію въ Троицкій монастырь, куда вслѣдъ за нимъ прибыли и многія должностныя лица. Всѣ остались довольны новымъ владыкой. Первымъ дѣломъ административныхъ его распоряженій было увольненіе секретаря консисторіи Васиневскаго и всѣхъ близкихъ къ Лаврентію въ домѣ лицъ.

Всѣ служащіе при Владимірѣ вострепнулись и все пошло порядкомъ. Принявшись за дѣла по консисторіи, онъ всѣ дѣла ея самъ пересматривалъ, все рѣшалъ съ строгою правдивостію и безпристрастіемъ. Думали было, что жившій въ архіерейскомъ домѣ архимандритъ Петръ пользуется его довѣріемъ и снисходительностію, но это мнѣніе вскорѣ оказалось ошибочнымъ. Владиміръ не имѣлъ любимцевъ и ко всѣмъ относился съ одинаковою взыскательностію.

Я самъ былъ свидѣтелемъ, когда въ одинъ праздникъ, послѣ сказанной мною проповѣди въ Троицкомъ монастырѣ, я былъ приглашенъ къ архіерейскому столу, за которымъ тогда находились немногія изъ духовныхъ лицъ. Владиміръ въ присутствіи архимандрита Петра, бывшаго членомъ консисторіи, серьезно началъ говорить, что близкіе къ нему люди не исполняютъ въ точности своихъ обязанностей въ консисторіи и въ то-же время желаютъ быть представленными къ наградѣ, что онъ никогда этого не сдѣластъ, пока не удостовѣрится въ ихъ достоинствахъ. Архимандритъ Петръ понялъ этотъ горькій намекъ и заплакалъ. Обозрѣвая епархію, Владиміръ посѣтилъ такіе приходы, въ которыхъ предшественники его совсѣмъ не бывали. Возвратившись въ Черниговъ, онъ напечаталъ и разослалъ по епархіи циркуляръ, въ которомъ на одной сторонѣ листа сказано было, какъ до него въ епархіи что дѣлалось, а на другой, какъ должно дѣлаться.

Изъ рассказовъ его о посѣщеніи приходовъ, я помню между прочимъ, что священникъ села Блестовы кролевецкаго

уѣзда, никогда не выдавшій архіереевъ въ своемъ приходѣ, думалъ, что и Владиміръ туда не заѣдетъ, и потому не готовился къ его встрѣчѣ; вдругъ неожиданно для него подъѣхала архіерейская карета, и Владиміръ, выйдя изъ нея, направился къ церкви, приказавъ собрать причтъ въ храмъ. По осмотрѣ храма онъ потребовалъ метрическую книгу и, смотря въ нее, спросилъ дьячка—сколько въ послѣдніе мѣсяцы было рожденныхъ и крещенныхъ и кто ихъ родители. Когда дьячекъ пересчиталъ ему всѣхъ требуемыхъ лицъ, тогда Владиміръ, обратился къ священнику и спросилъ его: „почему же ты не вписалъ въ метрическую книгу этихъ лицъ?“ Оробѣвшій священникъ упалъ на колѣни и отвѣтилъ, что онъ забылъ вписать ихъ въ свое время, но непременно впишетъ послѣ: „а если бы ты вдругъ умеръ, то какое затрудненіе представилось бы въ полученіи метрическихъ свидѣтельствъ для тѣхъ, кому они понадобились-бы?“ Священникъ заплакалъ и сказалъ: „Владыко святой! я ще не хочу вмерты; въ мене е жонка и диты“. Владиміръ усмѣхнулся и сказалъ: „теперь я небрежность твою прощаю, а если ты и впредь такъ-же будешь забывать своевременно записывать новорожденныхъ и крещенныхъ въ метрическую книгу, то я запрячу тебя въ монастырь“. Однажды, въ день св. Георгія Побѣдоносца Владиміръ ѣхалъ въ предмѣстіе Бобровицу совершать въ тамошней церкви богослуженіе по случаю храмоваго тамъ праздника. На Красномъ мосту жандармъ верхомъ нагналъ архіерейскую карету и объявилъ Владиміру, что жандармскій генераль Руппертъ проситъ его пожаловать въ соборъ. Владиміръ, велѣлъ кучеру воротиться назадъ и, подъѣхавши къ соборной оградѣ, пошелъ къ церковнымъ дверямъ, гдѣ Руппертъ встрѣтилъ его такими словами: „сегодня высокаторжественный день, архіерей долженъ служить въ соборѣ“. Владиміръ отвѣчалъ: „я знаю, что сегодня высокаторжественный день, знаю и то, что долгъ мой велитъ мнѣ служить въ церкви, гдѣ сегодня храмовой праздникъ; тамъ я отправлю литургію и царскій молебенъ, а въ соборѣ осталось духовенство, которое совершить въ немъ то и другое“. Сказавъ это, Владиміръ сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Твердый въ своемъ образѣ мыслей, Владиміръ не измѣнилъ своихъ

отношеній къ князю Рѣппину, и послѣ того какъ тотъ подвергся опалѣ и былъ удаленъ отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора, въ которой онъ прослужилъ 18 лѣтъ.

Въ какой-то праздничный день, въ который Рѣппинъ уѣзжалъ изъ Чернигова, Владиміръ въ присутствіи его, отслуживъ въ соборѣ литургію и напутственный молебенъ, благословилъ его иконою и что-то тихо ему сказалъ. Рѣппинъ упалъ предъ иконою на колѣни и заплакалъ; Владиміръ также прослезился. Всѣ присутствовавшіе тогда въ соборѣ тронуты были этимъ умиленнымъ прощаніемъ. Въ тотъ-же день Владиміръ присутствовалъ и на обѣдѣ, данномъ оральному Рѣппину отъ черниговскаго дворянства, гдѣ опять всѣ присутствующіе трогательно прощались съ княземъ Рѣппинымъ, котораго всѣ любили. Исполняя въ точности свой архипастырскій долгъ, Владиміръ не былъ равнодушенъ, если въ постороннихъ вѣдомствахъ нарушалось что нибудь, относящееся къ его наблюденію.

Такъ, узнавъ, что вновь прибывшій инспекторъ черниговской гимназіи, нѣмецъ, внушаетъ ученикамъ ея мысли противныя православію, Владиміръ потребовалъ къ себѣ законоучителя гимназіи протоіерея Шишова и строго замѣтилъ ему, что онъ долженъ былъ протестовать ближайшему начальству о такихъ внушеніяхъ инспектора, и если-бы протестъ его былъ безуспѣшенъ, то онъ обязанъ былъ донести своему архипастырю, и что если и впредь онъ будетъ такъ небреженъ въ исполненіи своего долга, то будетъ отставленъ отъ должности законоучителя.

При Владимірѣ въ Черниговѣ приводился въ исполненіе строгій указъ императора Николая Павловича о томъ, чтобы въ наискорѣйшемъ времени были рѣшены дѣла о такихъ преступленіяхъ священно-и церковно-служителей, за которыя они должны быть исключены изъ духовнаго званія, и если такія лица окажутся несправимыми, то всѣхъ ихъ отдавать въ военную службу. Когда нѣкоторые лица въ присутствіи Владиміра порицали этотъ указъ, называя его чрезмѣрно строгимъ, то онъ въ оправданіе его указалъ на нѣсколько случаевъ такихъ преступленій духовныхъ лицъ въ курской епархіи, которыя возбу-

дили въ его слушателяхъ изумленіе. Въ томъ-же указѣ о преступленіяхъ духовныхъ лицъ повелѣвалось отдавать въ солдаты тѣхъ молодыхъ людей, которые, бывъ исключены изъ семинаріи, нигдѣ не служили. Въ это число попалъ одинъ молодой человѣкъ Володченко, который по моей рекомендаціи приглашенъ былъ въ домъ губернатора для обученія дѣтей его чистописанію. Въ одинъ воскресный день Володченко является ко мнѣ, падаетъ на колѣни и, заливаясь слезами, говоритъ, что на другой день онъ долженъ явиться въ губернское правленіе для зачисленія въ солдаты. Медлить было некогда. Я тотчасъ пошелъ къ губернатору, но къ несчастію онъ лежалъ тогда въ постели въ лихорадочномъ пароксизмѣ. Жена его передала ему мой рассказъ о Володченкѣ и принесла мнѣ отвѣтъ, что мужъ ея, когда окончится пароксизмъ, немедленно поѣдетъ къ архіерею, что онъ въ тотъ же день и исполнилъ. На ходатайство губернатора о Володченкѣ, Владиміръ отвѣчалъ, что освободить послѣдняго отъ солдатства значило-бы поступить противъ Высочайшаго повелѣнія, на что онъ никакъ не рѣшится. „Если такъ,—сказалъ губернаторъ,—то сдѣлайте по просьбѣ моей то, что я сдѣлалъ по вашей объ освобожденіи отъ военной повинности бывшаго вашего духовника, подвергшагося такому-же наказанію“. Владиміръ задумался и сказалъ: „ну, нечего дѣлать, приходится и мнѣ для васъ преступить законъ, какъ вы нарушили его для меня!“ Въ тотъ-же день Володченко вычеркнутъ былъ изъ роковаго для него списка. Впослѣдствіи времени онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію и вышелъ оттуда лѣкаремъ.

Владиміръ, хотя самъ обучался до преобразованія духовныхъ училищъ, но сочувствовалъ ихъ преобразованію и всегда къ намъ благоволилъ. Когда въ храмовой праздникъ Троицаго монастыря онъ давалъ парадный обѣдъ, то приглашалъ къ нему всѣхъ наставниковъ нашей семинаріи и всѣхъ учителей уѣзднаго духовнаго училища. Однажды въ такой день, когда за обѣдомъ его были: генераль-губернаторъ, губернаторъ и многіе другіе въ городѣ чиновники, были и мы всѣ. Во время обѣда прекрасный архіерейскій хоръ исполняли духовные концерты. Когда всѣ го-

сти разошлись, Владиміръ насъ не отпустилъ, а сказалъ: „я пойду немножко отдохнуть, а вы, господа, погуляйте въ моемъ саду, чтобы вмѣстѣ пить чай.—Онъ любезно бесѣдовалъ съ нами и отпустилъ уже поздно вечеромъ. Ну можно-ли было намъ не любить такого архіерея! Послѣ моего выбитія изъ семинаріи Владиміръ переведенъ былъ въ Казанскую епархію, считавшуюся тогда первою архіепископіею въ Россіи. Такое повышеніе и полученный имъ въ Казани орденъ Вадиміра 1-й степени и брилліантовый крестъ на клобукъ предвѣщали ему санъ митрополита, но Владиміръ попросился на покой въ свяжскій монастырь казанской губерніи, гдѣ и скончался. Говорили, что онъ былъ оскорбленъ строгимъ выговоромъ Императора Николая за то, что когда въ архіерейскомъ его подворьѣ былъ убитъ монахъ,—жандармскій полковникъ донесеніемъ своимъ о томъ предупредилъ Владиміра. Невѣроятно, чтобы Владиміръ, любившій свою епархію и дѣятельность, по этой только причинѣ оставилъ службу. Были, конечно, болѣе побудительныя причины, которыхъ вѣрнѣе искать въ отношеніяхъ его къ Нечаеву, или къ заступившему его мѣсто графу Протасову, бывшихъ тогда одинъ послѣ другаго синодальными оберъ-прокурорами.

XIII.

Семинарское Правленіе.

Главнымъ начальникомъ семинаріи былъ архіерей. Онъ наблюдалъ за сохраненіемъ въ ней должнаго порядка и за точнымъ исполненіемъ устава духовно-учебныхъ заведеній, присматривалъ и утверждалъ протоколы засѣданій правленія, часто получалъ доклады о состояніи семинаріи, аттестовалъ начальниковъ и всѣхъ преподавателей семинаріи въ ихъ послужныхъ спискахъ, но не имѣлъ права, какъ въ давнія времена, выгонять по своему произволу изъ семинаріи учителей, а семина-

ристовъ отдавать въ солдаты. Въ наше время черниговская семинарія управлялась существовавшимъ тогда семинарскимъ правленіемъ подъ наблюденіемъ архіерея. Членами этого правленія были: ректоръ, инспекторъ, эконокъ семинаріи и членъ по учебной части, избираемый изъ преподавателей; этимъ членомъ былъ я. При правленіи была канцелярія, состоявшая изъ секретаря, избираемаго также изъ преподавателей, и писца, назначаемаго изъ семинаристовъ; тотъ и другой получали жалованіе, которое членамъ правленія, кромѣ эконома, не давалось. Обязанностью семинарскаго правленія было наблюденіе за всею хозяйственною и нравственно-учебною частью; оно избирало изъ окончившихъ курсъ лучшихъ учениковъ для отправленія въ духовную академію; въ случаѣ если присылаемые ученики на приѣмномъ испытаніи въ академіи оказывались недостойными приѣма, то отсылались обратно на счетъ семинарскаго правленія, чего въ мое время никогда не случалось. Ректоръ семинаріи, какъ начальникъ ея, обращалъ свой надзоръ на всѣ части управленія, въ особенности на часть учебную, посѣщалъ классы, давалъ преподавателямъ совѣты, а иногда дѣлалъ имъ и замѣчанія, только не при ученикахъ. Инспекторъ завѣдывалъ нравственною частью. Онъ въ субботу вечеромъ каждой недѣли доносилъ архіерею о состояніи семинаріи. Семинарія состояла изъ трехъ отдѣленій: высшаго, средняго и низшаго, или изъ классовъ—богословскаго, философскаго и риторическаго. Въ каждомъ классѣ ученики находились по два года, по истеченіи которыхъ успѣшныя переводились въ слѣдующее отдѣленіе а неуспѣшныя оставались въ томъ-же отдѣленіи, совсѣмъ безуспѣшныя исключались изъ семинаріи. Преподававшіеся предметы въ семинаріи были: богословіе, философія, риторика или словесность, математика (алгебра, арифметика и геометрія), церковная исторія, гражданская всеобщая исторія и языки: еврейскій, греческій, нѣмецкій и французскій. Латинскій языкъ особо въ семинаріи не преподавался; онъ грамматически изучаемъ былъ въ духовномъ уѣздномъ училищѣ; ученики семинаріи писали уже на латинскомъ языкѣ задачи и сочиненія. Ректоръ преподавалъ только богословіе, а инспекторъ философію и за это преподава-

ніе они получали по 600 руб. ассигнаціями въ годъ; такое жалованіе выдавалось и всѣмъ прочимъ преподавателямъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли ученые академическія степени и дали обѣтъ поступить въ духовное званіе, ежегодно выдавался окладъ магистрамъ по 350 руб. ассигнаціями, а кандидатамъ по 250 руб. Первые назывались профессорами, а послѣдніе учителями. Всѣ учащіе въ семинаріи, кромѣ ректора и инспектора, обязаны были преподавать по два предмета за одно сказанное жалованье. Когда же по какому нибудь случаю имъ поручено было преподавать еще третій предметъ или давалось какое нибудь особое порученіе, то денежное вознагражденіе назначалось не отъ семинаріи, а отъ комиссіи духовныхъ училищъ, когда присылаемые изъ академіи въ семинарію ревизоры въ отчетахъ своихъ дѣлали похвальные отзывы объ успѣшныхъ ихъ занятіяхъ, заслуживающихъ награды.

Въ семинаріи экзамены производились частные и публичные; частные бывали два раза въ годъ: передъ праздникомъ Р. Хр. и предъ лѣтними каникулами подъ предсѣдательствомъ ректора и въ присутствіи преподавателей, которые имѣли право дѣлать свои оцѣнки и возраженія по разсмотрѣніи сочиненій. Публичные экзамены или торжественные акты бывали по окончаніи богословскаго курса подъ предсѣдательствомъ архіерея и въ присутствіи важнѣйшихъ въ городѣ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Актъ начинался пѣніемъ молитвы и послѣ нея семинарскій хоръ исполнялъ духовный концертъ на хорахъ залы, во время исполненія котораго посѣтителемъ раздавались программы акта, а ректоръ подносилъ архіерею, кромѣ программы, и списокъ учениковъ. На актѣ читались только *избранныя отдѣленія* изъ предметовъ ученія. Въ концѣ акта лучшій изъ учениковъ богословія читалъ на кафедрѣ свое большое сочиненіе. Актъ оканчивался пѣніемъ молитвы. Ученики семинаріи въ спискахъ раздѣлялись на три разряда: кончившіе богословскій курсъ въ первомъ разрядѣ получали названіе студентовъ съ правомъ на XIV классъ гражданской службы. Такъ какъ семинарія имѣла свою церковь, то всѣ безъ исключенія ученики ея

должны были приходить туда для слушанія богослуженія. Въ семинаріи былъ хоръ, который называли ректорскимъ, потому что этотъ хоръ ходилъ пѣть въ Елецкій монастырь, настоятелемъ котораго всегда былъ ректоръ. Семинарскій хоръ, въ которомъ и я, любя церковное пѣніе, участвовалъ, обижаемъ былъ регентомъ архіерейскаго хора, выбиравшимъ у насъ мальчиковъ съ лучшими голосами; выбранные оставались въ архіерейскомъ домѣ и содержались на счетъ этого дома; тамъ-же они обучаемы были для поступленія въ семинарію, куда принимали ихъ по экзамену, весьма снисходительному, и потому поступающіе изъ архіерейскаго хора ученики рѣдко оканчивали курсъ съ надлежащимъ успѣхомъ.

При семинаріи для казенно-кошныхъ учениковъ была баня и больница, которую посѣщалъ городской врачъ, и при которой находился въ видѣ фельдшера ученикъ высшаго или средняго отдѣленія и особый служитель. Въ мое время давались еще семинаристамъ, такъ называемыя, рекреаціи или свободные дни въ маѣ мѣсяцѣ. Въ эти дни обыкновенно семинаристы рано утромъ толпою шли въ Елецкій монастырь и подъ окнами ректора громко кричали: *rogatus!* Ректоръ медлилъ выходить къ нимъ, но послѣ этого продолжительнаго крика являлся и по предварительному соглашенію съ преподавателями разрѣшалъ рекреацію подъ условіемъ, чтобы они на другой день исправны были въ классахъ. Вся семинарія съ ректоромъ, инспекторомъ и преподавателями отправлялась за городъ въ находившійся внѣ города въ 4-хъ верстахъ лѣсокъ, называемый Еловищиною. Поздно вечеромъ, а иногда и ночью, вся эта компанія возвращалась въ Черниговъ съ пѣніемъ. Говорили, что въ старину пріѣзжалъ на рекреацію и самъ архіерей. Когда разгулявшіеся семинаристы кричали передъ нимъ: *rogatus*, онъ разрѣшалъ имъ рекреацію и на другой день. Черниговскіе жители относились къ семинаріи благопріятно. Такъ какъ гимназій тогда еще не были преобразованы, то многіе родители изъ свѣтскаго званія отдавали своихъ дѣтей въ семинарію, откуда послѣдніе поступали большею частію въ медицинскую академію. Черниговскіе чиновники приглашали семинаристовъ въ свои дома для обученія дѣ-

тей. Въ черниговской семинаріи успѣхи учениковъ, говоря вообще, были хороши, и поведеніе ихъ было похвально; послушаніе ихъ начальству было безусловное; преподавателей своихъ они уважали, особенно магистровъ академіи.

Семинарія эта въ сравненіи съ Невскою семинаріею мнѣ представлялась лучшею и по устройству зданія, и по содержанію относительно пищи и одежды. Изъ учениковъ черниговской семинаріи, въ мое время поступившихъ въ академію, вышли: Иванъ Рклицкій первый магистръ, оставленный бакалавромъ при академіи, Митяевичъ, бывшій впоследствии калужскимъ архіепископомъ. Поступившіе изъ семинаріи въ главный педагогическій институтъ, по окончаніи въ немъ курса, посланы были за границу и потомъ были профессорами: извѣстный Лешковъ въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету и Лукьяновичъ въ харьковскомъ университетѣ по латинской литературѣ. Въ медицинскую академію ученики черниговской семинаріи издавна поступали въ большемъ количествѣ; изъ нихъ были: профессоръ анатоміи Загорскій, написавшій первое руководство по анатоміи, и знаменитый въ свое время операторъ. Буяльскій. Въ мое время изъ учениковъ черниговской семинаріи были: профессоръ медико-хирургической академіи Шипулинскій, славившійся своею практикою въ Петербургѣ, и Леонтій Рклицкій, бывшій главнымъ докторомъ въ Варшавскомъ госпиталѣ.

XIV.

Ректоръ семинаріи Іеронимъ.—Братъ мой Николай.—Инспекторъ Филадельфъ.—Поѣдка въ Кіевъ.—Скворцовъ.—Смарагдъ.—Инспекторъ Ниль.—Вызовъ Іеронима въ Петербургъ.—Инспекторъ Релицкій.

Когда мы съ Охотиннымъ прибыли въ черниговскую семинарію, ректоромъ ея былъ архимандритъ Іеронимъ; во время его ректорства инспекторами были: игуменъ Филадельфъ и іеромо-

нахъ Нилъ. Іеронимъ, получившій образованіе въ старой Кіевской академіи, хорошо зналъ преподаваемыя въ семинаріи науки и особенно былъ свѣдущъ въ языкахъ. Богословіе и науку проповѣдничества онъ преподавалъ по старому методу. Но дѣйствительную пользу ученикамъ богословія онъ приносилъ своими практическими занятіями о томъ, какъ они должны поступать со своими прихожанами, когда сдѣлаются священниками, и ученики, ставшіе такими, были ему благодарны за такія наставленія. Будучи самолюбивъ, онъ бывалъ недоволенъ, когда мы на богословскихъ экзаменахъ дѣлали возраженія; ученикамъ богословія онъ у себя дома говорилъ, чтобы они его одного только слушали, давалъ имъ невыгодныя о насъ понятія и получалъ отъ нихъ на насъ разные доносы, что для насъ, конечно, было непріятно. Своею величавостію онъ прямо задѣвалъ наше самолюбіе. Однажды, когда я изъ домашнего отпуска возвратился тремя днями позже положеннаго срока и по обыкновенію явился къ нему въ его квартиру, онъ долго не выходилъ ко мнѣ изъ своего кабинета, а вышедши, съ суровымъ видомъ сказалъ: „извините, Іосифъ Акимовичъ, что я заставилъ долго ждать себя; вы сами заставили насъ ждать нашего возвращенія изъ отпуска“. Я извинялся тѣмъ, что семейныя обстоятельства заставили меня сдѣлать означенную отсрочку. Іеронимъ серьезно сказалъ мнѣ: „если обстоятельства ваши удерживаютъ васъ въ домѣ, то вы можете просить увольненія отъ семинарійской службы“. Я вспыхнулъ и смѣлымъ голосомъ проговорилъ: „Коммиссія духовныхъ училищъ назначила меня быть профессоромъ въ черниговской семинаріи и она только можетъ отъ нея меня уволить, а ваше высокопреподобіе не имѣете права говорить мнѣ объ увольненіи; если же вы мою просрочку находите достойною увольненія изъ семинаріи, то должны предложить о томъ на обсужденіе семинарскому правленію, которое, надѣюсь, въ рѣшеніи своемъ не будетъ ко мнѣ такъ гзыскательно“. Сказавши это, я, не взявъ отъ Іеронима благословенія, ушелъ изъ его квартиры. Іеронимъ одумался и послалъ келейника просить меня воротиться. Когда я пришелъ, онъ ласково сказалъ мнѣ, что онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить меня сво-

ими словами, попросту имъ сказанными, но такъ горячо мною принятыми. Мы примирились, и я тогда-же созналъ, что съ своей стороны я сдѣлалъ глупую выходку, которую и теперь въ моей старости не извиняю ради моей молодости.

При непостоянствѣ и измѣнчивости своего характера, Іеронимъ въ личныхъ къ намъ отношеніяхъ былъ добръ, часто приглашалъ насъ къ себѣ на обѣдъ или на вечеръ, усердно угощалъ насъ и въ этихъ случаяхъ всегда былъ веселъ, многорѣчивъ и казался искреннимъ. Въ такихъ нашихъ собесѣдованіяхъ съ нимъ мы узнали отъ него, почему онъ изъ Острогской семинаріи, гдѣ былъ ректоромъ, перемѣщенъ въ черниговскую семинарію. Въ городѣ Острогѣ находилась тогда семинарія и резиденція волинскаго архіерея, къ дому котораго приписано было довольно большое помѣстье съ крестьянами. Архіерей Стефанъ жилъ роскошно и открыто; въ домѣ его часто бывали гости, а начальники и преподаватели семинаріи почти ежедневно тамъ угощались, и для ихъ забавы въ томъ-же домѣ находился билліардъ. „Когда однажды я, говорилъ Іеронимъ, во время такого нашего пированія, сидя вдали съ кафедральнымъ протоіереемъ, сказалъ ему: какъ намъ хорошо и весело жить при архіерей Стефанѣ, протоіерей отвѣчалъ: да, намъ слишкомъ весело, но это не передъ добромъ“. И дѣйствительно, такъ и случилось. Присланный изъ Петербургской академіи старшій кандидатъ 4-го выпуска Корабиновъ, человѣкъ безпокойнаго характера, завелъ между своими сослуживцами разныя интриги и ссоры, осуждалъ ихъ поведеніе и неприличную жизнь архіерея; отсюда пошли взаимные доносы, началось слѣдствіе и кончилось тѣмъ, что архіерей и всѣ члены семинарскаго правленія изъ Острога были переведены въ другія мѣста на службу; по этому случаю Іеронимъ переведенъ въ черниговскую семинарію.

Послѣ моей глупой выходки Іеронимъ не оказывалъ мнѣ враждебнаго расположенія. Онъ весьма благоволилъ къ моему меньшему брату Николаю, который воспитывался въ черниговской семинаріи на счетъ суммы, отпускаемой оберъ-священникомъ для содержанія дѣтей армейскаго духовенства, кончилъ въ ней ученіе съ званіемъ студента и поступилъ священникомъ

въ полкъ. Черезъ два года службы въ полку братъ мой былъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ за то, что во время сраженія при Кулевчи, когда одно укрѣпленіе упорно не сдавалось, онъ, по приказанію корпуснаго генерала князя Щербатова, верхомъ на конѣ, съ крестомъ въ рукахъ, сказавъ солдатамъ нѣсколько ободрительныхъ словъ, впереди полка, бросился подъ пушечными выстрѣлами къ означенному укрѣпленію, которое взято было приступомъ. Впослѣдствіи братъ мой Николай служилъ въ разныхъ гвардейскихъ полкахъ и за службу свою получилъ ордена св. Анны II-й степени съ короной и Владиміра III-ей степени.

Инспекторъ, игуменъ Филадельфъ, былъ кандидатъ перваго выпуска Петербургской духовной академіи. Кромѣ своей должности по семинаріи, онъ исполнялъ еще и должность смотрителя находившагося при ней духовнаго училища. Будучи притомъ настоятелемъ Козелецкаго монастыря, онъ жилъ хорошо и былъ вообще гостепріименъ. Филадельфъ доставилъ мнѣ и Охотину удовольствіе, пригласивъ совершить съ нимъ въ монастырскомъ спокойномъ экипажѣ, безъ всякой отъ насъ платы, путешествіе въ Кіевъ, который намъ очень желательно было видѣть. Когда мы проѣхали Броварской лѣсъ, намъ вдругъ открылся весь Кіевъ. Дивный видъ! Предъ нами широкій, быстроводный Днѣпръ. За нимъ на высокихъ горахъ возвышаются въ разныхъ мѣстахъ древніе Кіевскіе храмы; золотыя глазы Лавры, Софійскаго собора и Михайловскаго монастыря, какъ горячіе свѣчи въ воздушномъ пространствѣ, блестятъ и сверкаютъ, отражая лучи солнца; далѣе, вправо на отдѣльномъ обрывѣ виднѣется съ серебристыми своими верхами стройная церковь Андрея Первозваннаго. Внизу обрыва въ туманѣ зрится будто эскадра стоящихъ вдоль Днѣпра кораблей съ мачтами—это Подоль съ его многочисленными церквами. Вдали отъ города видна еще высокая гора, гдѣ былъ нѣкогда Вышгородъ, городъ св. Ольги, Бориса и Глѣба. Влѣво за городомъ въ концѣ горнаго ущелья притаился и смотрится въ Днѣпръ стародавній Выдубецкій монастырь; великанъ колокольна въ золотой шпигѣ, стоя на вершинѣ горы, высится къ небу, словно сторожить многовѣковой

Кіевъ и его далекую окрестность. Долго стояли мы, не отводя глазъ отъ этой картины, потомъ въ Никольской слободѣ сѣли въ лодку и по Днѣпру приплыли къ Подолу; съ берега мы отправились прямо въ Братскій монастырь и явились къ ректору академіи архимандриту [Мелетію. Обнявъ Филадельфа и благословивъ меня и Охотина, онъ всѣхъ насъ пригласилъ квартировать въ его домъ во все время пребыванія нашего въ Кіевѣ, но мы пользовались этимъ пріютомъ только ночью, а днемъ все осматривали городъ. Великолѣпный съ виду Кіевъ показался намъ внутри его не лучше Чернигова, исключая главнѣйшихъ храмовъ и Подола; мостовой въ немъ тогда не было, только Александровская гора вымощена была поперечными бревнами; нынѣшній Крещатикъ былъ ни что иное, какъ изрытый ровъ, по которому ночью опасно было проѣзжать; между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ находились бѣдныя домишки, похожія на хижины. Софійскій соборъ былъ въ какомъ то запущеніи. Благоустройствомъ своимъ Кіевъ обязанъ Императору Николаю, который почти ежегодно пріѣзжалъ осматривать воздвигаемую тогда крѣпость; при немъ построены: университетъ, кадетскій корпусъ, институтъ благородныхъ дѣвицъ сдѣланъ удобнѣйшій съ горы къ Днѣпру спускъ, построены великолѣпный цѣпной черезъ Днѣпръ мостъ, по которому съ тѣхъ поръ для всей Малороссіи открыто постоянное сообщеніе съ Кіевомъ; прежде же въ весеннее половодье экипажи и обозы по нѣскольکو сутокъ должны были ожидать перевоза. Осматривая городъ, мы посѣщали въ немъ нашихъ знакомыхъ; прежде всего мы были у родственника Охотина Скворцова, котораго я видѣлъ еще будучи мальчикомъ на торжественномъ актѣ въ Петербургской духовной академіи, когда онъ передъ посѣтителями читалъ свое разсужденіе о тройственномъ составѣ челоуѣка. Онъ кончилъ курсъ первымъ магистромъ и посланъ былъ въ Кіевъ передъ открытіемъ тамъ академіи. Здѣсь онъ преподавалъ философію, былъ послѣ докторомъ богословія, законоучителемъ въ университетѣ, протоіереемъ въ Софійскомъ соборѣ и награжденъ былъ митрою. Посѣтили мы и бывшаго нашего въ петербургской академіи бакалавра іеромонаха Смарагда, въ это время исправ-

лявшого должность инспектора академіи. Мы его нашли въ какомъ то мрачномъ настроеніи духа; онъ совѣтовалъ намъ не поступать въ монахи, такъ какъ самъ былъ тогда въ опалѣ за то, что, ревизуя волынскую семинарію, неуважительно обращался съ мѣстнымъ архіереемъ, по жалобѣ котораго предписано было Кіевскому митрополиту паблюдать за Смарагдомъ и довести: можетъ ли онъ оставаться при академіи. Замѣчательно, что отставленный Смарагдомъ отъ должности эконома протоіерей Антоній Рафальскій былъ впослѣдствіи петербургскимъ митрополитомъ. Смарагдъ не только остался при академіи инспекторомъ, но былъ въ ней ректоромъ, потомъ ректоромъ же потербургской академіи. Онъ былъ въ ученомъ отношеніи человѣкомъ умнымъ, но имѣлъ какой-то угловатый характеръ, иногда дѣлалъ выходки неприличныя архіерейскому сану, за что и переводили его изъ одной епархіи въ другую. Много о немъ рассказываютъ странныхъ анекдотовъ; говорятъ, что онъ любилъ брать взятки и оставилъ значительный капиталъ; говорятъ также, что онъ собственно-ручно расправлялся съ провинившимися священниками; не смотря однакожь на все это, духовенство Орловской епархіи сожалѣло о его выбытіи, потому что онъ послѣ своей расправы не удалялъ священниковъ отъ ихъ приходовъ, чтобы семейство ихъ не вводитъ въ нужду. Въ лицѣ Смарагда видѣнъ былъ типъ еврейскаго происхожденія, и онъ самъ говорилъ: дѣдъ мой былъ еврей, отецъ іерей, а я архіерей. Пробывъ въ Кіевѣ около недѣли, мы пустились въ обратный путь. На переправѣ черезъ Днѣпръ мы подверглись было великой опасности: мы переправлялись въ такъ называемомъ дубѣ, похожемъ на барку, въ которомъ помѣщались три повозки, нѣсколько лошадей и человѣкъ двадцать народу. Дубъ не подходилъ къ самому берегу, съ котораго нужно было сходить въ дубъ по доскамъ. Двѣ лошади брата Филадельфа, прибывшаго изъ Полтавы для свиданія съ нимъ, не привыкшія къ большой водѣ, долго упирались на берегу и только удары перевозчиковъ заставили вскочить ихъ въ дубъ.

Мы сначала подымались вверхъ по рѣкѣ, чтобы по теченію ея опуститься внизъ и плыть къ противоположному бе-

регу. Когда дубъ отплылъ довольно далеко отъ берега, одна изъ лошадей стала биться и задними ногами перескочила въ воду а передними повисла на борту судна, отстоявшемъ отъ воды не болѣе полъ-аршина; дубъ сталъ наклоняться на бокъ, но къ счастью перевозчикъ весломъ ударилъ по ногамъ лошадь и она свалилась въ воду и поплыла назадъ; послѣ этого мы благополучно доплыли до противоположнаго берега. Долго мы ожидали, пока другой дубъ доставилъ намъ оставшуюся лошадь. Плывшіе на немъ люди намъ сказывали, что полтавская лошадь учинила имъ такую-же продѣлку на самой серединѣ Днѣпра, отчего они были въ страшномъ испугѣ. Далѣе мы благополучно свершили нашъ путь. Въ Черниговѣ мы прибыли къ началу ученія. Такимъ образомъ, благодаря Филадельфу, мы всѣ вакаціи провели весело и пріятно и мы же, легкомысленные, подтрунивали надъ нашимъ менторомъ, что онъ, бывши въ Кіевѣ, не былъ въ пещерахъ, бесѣдуя съ своимъ товарищемъ Мелегіемъ. Но не даромъ Филадельфъ былъ въ Кіевѣ, не даромъ долго бесѣдовалъ съ Мелегіемъ, который, какъ ректоръ академіи, былъ его начальникомъ по зависимости семинаріи отъ академіи и, какъ первенствующій членъ академическаго правленія, могъ ходатайствовать о повышеніи его въ службѣ, въ которой Филадельфъ отсталъ отъ своихъ сокурсниковъ, бывшихъ уже ректорами и архимандритами. И дѣйствительно, Филадельфъ вскорѣ былъ сдѣланъ архимандритомъ и ректоромъ семинаріи въ Кишиневѣ, гдѣ знакомъ былъ съ поэтомъ Пушкинымъ, находившимся тогда въ изгнаніи и пользовавшимся его гостепріимствомъ. На мѣсто Филадельфа инспекторомъ къ намъ присланъ былъ изъ Петербурга, окончившій академію съ шестымъ выпускомъ, Нилъ Исаковичъ. При отличныхъ способностяхъ своихъ, онъ отлично зналъ всѣ предметы академическаго ученія и въ семинаріи очень хорошо преподавалъ философію и инспекторскую должность исполнялъ съ достоинствомъ. Черезъ годъ по прибытіи своемъ онъ возведенъ былъ на степень магистра богословія, чего не удостоенъ ни одинъ студентъ шестаго курса при выпускѣ, по вапризу тогдашнихъ членовъ комиссіи духовныхъ училищъ, непріязненно относившихся къ новому об-

разованію. Вмѣстѣ съ дипломомъ онъ получилъ и магистерскій крестъ въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто терноваго вѣнца на перекрестіи приставленъ ликъ нерукотвореннаго образа. Ректоръ Іеронимъ, не могшій не сознать достоинствъ Нила, въ интимныхъ разговорахъ своихъ съ учениками богословія позволялъ себѣ называть его латинскимъ именемъ Nil; но этотъ Nil еще при жизни Іеронима быстро сталъ подыматься по степенямъ духовной іерархіи. Черезъ два года инспекторства своего въ семинаріи, онъ переведенъ былъ на должность инспектора въ кievскую академію, гдѣ и при ректорѣ знаменитомъ Инокентіи Борисовѣ имѣлъ свое значеніе. Впослѣдствіи Ниль былъ архіепископомъ въ Иркутскѣ, гдѣ открылъ цѣлебный источникъ и на немъ построилъ монастырь; тамъ же онъ изучилъ Бурятскій языкъ, на который перевелъ нѣкоторыя священно-служебныя книги. Изъ Иркутска Ниль переведенъ былъ въ Ярославль, гдѣ награжденъ былъ брилліантовымъ крестомъ на клобукъ. Передъ смертію онъ завѣщаль московскому университету богатую свою коллекцію минераловъ, собранную имъ въ Сибири. Ни съ кѣмъ изъ инспекторовъ семинаріи я не былъ такъ друженъ какъ съ Ниломъ; почти до конца жизни его мы были въ пріятельской перепискѣ. Изъ Иркутска онъ присылалъ мнѣ въ подарокъ превосходный чай, за который я благодарилъ его французскими сахарными сушеными грушами изъ моего сада, которыми онъ, какъ писалъ мнѣ, угощалъ иркутскаго генералъ-губернатора. Живя близъ инспекторской квартиры, я часто посѣщаль его, и онъ также часто бываль у меня. Случилось мнѣ дня три съ нимъ не видѣться; приходитъ ко мнѣ его келейникъ и говоритъ, что инспекторъ заперся въ своемъ кабинетѣ и третій день оттуда не выходитъ. Я поспѣшилъ въ квартиру Нила, долго стучался въ дверь его кабинета и кричалъ, что если онъ не отопретъ дверь, то я буду ее ломать; наконецъ онъ отозвался болѣзненнымъ голосомъ и, подошедши къ двери, отперъ ее; я увидѣлъ его съ раскраснѣвшимъ лицомъ и едва стоящимъ на ногахъ.

Догадываясь, что онъ въ горячкѣ, я послалъ за докторомъ, а между тѣмъ приказалъ поставить самоваръ и долго поилъ

больнаго потогонными травами, пока не показался обильный потъ; перемѣнивъ ему бѣлье, мы уложили его въ постель; онъ крѣпко заснулъ и проспалъ всю ночь. На другой день болѣзнь его перешла въ лихорадку, отъ которой онъ скоро оправился. По выздоровленіи своемъ Нилъ говорилъ, что никогда не забудетъ моего къ нему участія. Въ то-же время онъ мнѣ говорилъ, что никогда такъ не чувствовалъ тяжести монашескаго положенія, какъ во время этой своей болѣзни. Нилъ рассказывалъ, что наканунѣ своего постриженія онъ пошелъ къ духовнику-схимнику на исповѣдь, и тотъ обозвалъ его діаволомъ за то, что онъ вошелъ въ келію, не прочитавъ передъ дверью положенной молитвы; затѣмъ, когда Нилъ сталъ креститься и вмѣстѣ кланяться, схимникъ вповъ назвалъ его діаволомъ и сказалъ: и зачѣмъ ломаешь крестъ Христовъ? ты долженъ сначала положить на себя крестъ, а потомъ уже сдѣлать поклонъ.

Иеронимъ продолжалъ ректорствовать, съ нетерпѣніемъ ожидая себѣ производства въ архіерен; наконецъ, онъ былъ обрадованъ вызовомъ на чреду служенія въ Петербургъ. На время годоваго служенія на чредѣ Иеронима, начальство поручило эконому семинаріи протоіерею Огіевскому исполнять должность ректора, а мнѣ преподавать богословіе. Ректорскую должность Огіевскій исполнялъ, какъ человѣкъ опытный въ семинарскомъ управленіи; при немъ въ семинарію дѣла шли должнымъ порядкомъ, но случилось въ ней неожиданное, непріятное происшествіе. Въ то время прибылъ въ семинарію новый инспекторъ. Мы ожидали, что на эту должность пришлютъ къ намъ монаха, а между тѣмъ явился во фракѣ Василій Релицкій, учившійся прежде въ черниговской семинаріи. Бывшіе соученики его говорили, что онъ учился посредственно, оказывая успѣхи только въ русской словесности; что при окончаніи курса на ревизорскомъ экзаменѣ онъ написалъ русское сочиненіе лучше всѣхъ своихъ соучениковъ, и потомъ ревизоръ поставилъ его первымъ въ списокъ и назначилъ въ академію; что Релицкій самъ, сознавая свою неподготовленность къ академіи, просилъ семинарское начальство туда его не посылать, но оно не могло уважить его просьбы; что въ академіи онъ умѣлъ хорошо прислужиться

къ профессорамъ и при окончаніи курса получить степень старшаго кандидата и назначеніе учителемъ въ харьковскую семинарію. Отецъ его, бывшій по образованію соученикомъ придворнаго духовника, просилъ сего послѣдняго доставить его сыну инспекторское мѣсто въ черниговской семинаріи. Рклицкій въ должности инспектора обязанъ былъ преподавать философію на латинскомъ языкѣ, котораго онъ не зналъ. Неизвѣстно, какъ онъ читалъ философскія лекціи, но извѣстно было, что латинскихъ ученическихъ сочиненій онъ самъ не исправлялъ, что будто-бы нѣкоторые изъ нихъ поправлялъ меньшій братъ его, бывшій ученикомъ въ философскомъ классѣ. По этой ли причинѣ, или по какому нибудь другому побужденію, въ классѣ на философской лекціи ученики освистали Рклицкаго. Оскорбленный такимъ дерзкимъ поступкомъ учениковъ, Рклицкій подалъ формальный о томъ рапортъ въ семинарское правленіе. Мы не знали, какъ рѣшить это важное, небывалое въ семинаріи дѣло. Огіевскій сказалъ, что въ прежнее время зачинщиковъ наказали бы розгами, но какъ въ настоящее время ученики философіи такому наказанію не подвергаются, то онъ доложить объ этомъ дѣлѣ архіерею на его рѣшеніе. Лаврентій рѣшилъ, что жаль исключать изъ семинаріи всѣхъ виновниковъ такого поступка, изъ которыхъ нѣкоторые отличались своими успѣхами въ наукахъ, и что лучше подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію, если они только сами на то согласятся. Ученики согласились и приняли наказаніе; въ послѣдствіи они были даже довольны, что имъ такъ дешево обошлась ихъ дерзкая выходка. Затѣмъ дѣла въ семинаріи пошли своимъ порядкомъ. Инспекторскую должность Рклицкій исполнялъ очень хорошо. Черезъ годъ Іеронимъ возвратился въ Черниговъ и вступилъ въ должность ректора; но онъ возвращенъ былъ только для того, чтобы сдать семинарію, послѣ чего отправился въ городъ Свѣяжскъ на должность настоятеля тамошняго монастыря. По отъѣздѣ его Огіевскій и я продолжали исполнять возложенныя на насъ должности еще четыре мѣсяца, пока не прибылъ въ Черниговъ, переведенный изъ Харькова ректоръ архимандритъ

Афанасій, магистръ, товарищъ Нила по шестому выпуску петербургской академіи, а потому и мнѣ знакомый.

XV.

Ректоръ семинаріи Афанасій — Агапѣ и Іустинъ.

Афанасій во все время управленія черниговской семинаріей проявлялъ необыкновенную и весьма полезную для нея дѣятельность, какъ въ учебномъ, такъ и въ административномъ отношеніи. Въ первые утренніе часы онъ обыкновенно читалъ богословскую лекцію, послѣ которой приходилъ въ семинарское правленіе, гдѣ занимался текущими дѣлами, послѣ чего спѣшилъ въ классы семинаріи и, какъ отличный знатокъ всѣхъ предметовъ, въ ней преподаваемыхъ, не исключая и математики, посѣщалъ лекціи, вникалъ въ ихъ преподаваніе, задавалъ вопросы ученикамъ и, замѣтя малоуспѣшныхъ, побуждалъ ихъ лучше заниматься предметами. Онъ пріѣзжалъ въ семинарію въ послѣобѣденное время, не только въ будни, но иногда и въ праздникъ, въ неопредѣленное время, когда ему вздумается. Случалось, что онъ являлся въ семинарію и ночью, приходилъ въ бурсу и, если находилъ учениковъ занимающимися, садился съ ними и толковалъ имъ о предметахъ ихъ занятій. Если случалось, что онъ нѣсколько дней не пріѣзжалъ въ семинарію въ послѣобѣденные часы, то это значило, что онъ въ это время получилъ съ почты выписываемыя изъ заграницы на разныхъ языкахъ книги, на выписку которыхъ онъ издерживалъ почти все свое жалованіе. Въ такіе дни Афанасій, прочитавъ свою лекцію, уѣзжалъ къ себѣ въ свой Елецкій монастырь и тамъ днемъ и ночью перечитывалъ присланныя книги. Послѣ такихъ домашнихъ своихъ чтеній онъ опять по прежнему являлся въ семинарію послѣ обѣда.

Афанасій обращалъ свое особенное вниманіе на сочиненія учениковъ и потому побуждалъ преподавателей философіи и словесности чаще съ ними заниматься сочиненіями и исправлять письменныя ихъ работы какъ можно тщательнѣе, а по исправ-

леніи представлять ему на просмотръ. Въ этомъ случаѣ онъ особенно насѣдалъ на инспектора Рклицкаго, не изъ личной къ нему неприязни, которой онъ ни къ кому изъ насъ не питалъ, но потому, что Рклицкій на его требованія отдѣливался только общаніями. Ревизоромъ въ это время у насъ былъ ректоръ кievской академіи архимандритъ Смарагдъ. Афанасій держалъ себя предъ нимъ самостоятельно и съ самоувѣренностію. На богословскомъ экзаменѣ ученики въ отвѣтахъ своихъ съ точностію передавали преподанныя имъ лекціи. Когда Смарагдъ дѣлалъ возраженія, Афанасій съ такою силою опровергалъ ихъ и съ такою убѣдительностію доказывалъ истинность своихъ лекцій, основываясь на свидѣтельствѣ древнихъ и новыхъ, русскихъ и иностранныхъ богослововъ, что Смарагдъ совершенно съ нимъ соглашался и во всеуслышаніе при насъ и при ученикахъ сказалъ: „вашъ ректоръ обладаетъ обширною ученостію“. Безпре- станно слѣдя за успѣхами семинаристовъ, Афанасій постоянно обращалъ вниманіе на ихъ поведеніе и для исправленія ихъ употреблялъ иногда крутыя мѣры. Такъ, напри- мѣръ, ученика философіи Илью Тимошевскаго, многократно подвергавшагося обыкновеннымъ взысканіямъ и не подававшего надежды на исправленіе, онъ приказалъ запереть въ особую при больницѣ комнату, не давать ему ни книгъ, ни бумаги, ни чернилъ, никого къ нему не пускать и подавать ему только хлѣбъ да воду, не говоря съ нимъ ни слова. День просидѣлъ такъ Тимошевскій въ затворѣ и на другой день со слезами умолялъ служителя доложить ректору, что желаетъ его видѣть. Отвѣта не было. На третій день служитель приходитъ въ мою квартиру, гдѣ тогда находился Афанасій, и говоритъ, что Тимошевскій рыдаетъ и говоритъ, что болѣе не можетъ выдержать своего заключенія. Тогда только Афанасій приказываетъ привести къ себѣ заключеннаго. Явившись въ комнату, Тимошевскій падаетъ на колѣни и, проливая слезы, говоритъ: „прикажете меня высѣчь розгами, но болѣе такъ не мучьте“. Афанасій, сдѣлавъ ему самыя сильныя внушенія, сказалъ что это для него было послѣднее наказаніе, и что если онъ исправится, то будетъ исключенъ изъ семинаріи. Тимошевскій исправился и кончилъ курсъ. Въ домашнемъ своемъ быту Афа-

насій жилъ просто, не заботясь ни о квартирной обстановкѣ, ни объ одеждѣ, ни о пищѣ, довольствуясь тѣмъ, что ему подавалъ монастырскій поваръ; иногда захлопотавшись по семинаріи, онъ забывалъ объ обѣдѣ и довольствовался однимъ чаемъ. Въ гостяхъ у городскихъ жителей онъ почти не бывалъ; при постороннихъ людяхъ былъ молчаливъ, скучая по семинаріи, куда его всегда тянуло. Въ обращеніи со всѣми онъ былъ на словахъ простъ и прямъ, никогда не хитрилъ и хитрыхъ не любилъ. Въ обращеніи съ учениками всегда былъ серьезенъ, не входилъ въ ихъ нужды и чѣмъ могъ помогать имъ.

Ученики его боялись, но вмѣстѣ и любили, сознавая его благонамѣренность. Это свое сознаніе и любовь они вполне выразили тогда, когда Афанасій навсегда оставлялъ черниговскую семинарію. Передъ своимъ выѣздомъ изъ Чернигова онъ самъ отслужилъ напутственный молебенъ въ семинарской церкви, собралъ всѣхъ учениковъ въ залъ, гдѣ и мы всѣ присутствовали, и произнесъ сильную, прочувствованную прощальную рѣчь, которая всѣхъ насъ до слезъ тронула; плакалъ и самъ Афанасій. Когда онъ выѣзжалъ, его вся семинарія проводила за рѣку Десну; самъ онъ сидѣлъ въ бричкѣ, а на особой тройкѣ везена была его библіотека, составлявшая все его богатство.

Впослѣдствіи времени Афанасій былъ архіепископомъ въ Томскѣ, гдѣ всѣхъ удивлялъ своею неутомимою дѣятельностью по епархіи. Генералъ Зедлеръ рассказывалъ своему знакомому, что Афанасій изумлялъ его своею многостороннею ученостью, и что въ зимнее время, по глубокимъ сибирскимъ снѣгамъ, онъ объѣзжалъ свою обширную епархію въ экипажѣ, похожемъ на простой продолговатый ящикъ, запряженный собаками. Однажды собаки, чего-то испугавшись, понесли, и ящикъ опрокинулся на бокъ; такъ лежа въ опрокинутомъ ящикѣ онъ и доѣхалъ до слѣдующей станціи. Въ газетахъ писали, что когда онъ выѣзжалъ изъ Томска въ Казань, то духовенство, ученики и множество жителей провожали его съ великимъ сожалѣніемъ. Не знаю, сколько времени Афанасій пробылъ въ Казани, и какова была тамъ его дѣятельность, но, по словамъ писателя Андрея Муравьева, Афанасій въ Казани утратилъ всю свою энергію и

впавъ въ апатію. Было-ли это слѣдствіемъ прежняго чрезмѣрнаго напряженія умственныхъ его силъ, или такая перемѣна произошла въ немъ, быть можетъ, отъ сильныхъ огорченій, которыя синодальные оберъ-прокуроры часто причиняли епархіальнымъ архіереямъ,—неизвѣстно.

По выбытіи Афанасія, долго не пріѣзжалъ къ намъ новый ректоръ и, когда пріѣхалъ, все болѣлъ, вслѣдствіе чего я долженъ былъ продолжать занятія по богословскому классу. Во время ректорства Агапита мы всѣ сожалѣли о выбытіи Афанасія, на котораго онъ далеко не походилъ ни по уму, ни по дѣятельности, ни по характеру. Къ счастью семинаріи, Агапитъ черезъ два года посланъ былъ архіереемъ въ Томскъ.

На мѣсто Агапита къ намъ переведенъ былъ ректоръ кievской семинаріи архимандритъ Іустинъ, по курсу товарищъ Иннокентія Борисова, человѣкъ умный и добросердечный. При немъ окончилась моя 13-ти лѣтняя служба въ черниговской семинаріи.

XVI.

Моя женитьба. Поѣздка въ Новгородъ-Сѣвскъ. Умыселъ Лукашевича. Пріятель Ленковского Шитовъ. Свадьба и моя свадьба.

Вспомнивъ о бывшихъ при мнѣ начальникахъ черниговской семинаріи, я предполагалъ говорить о моей преподавательской въ ней дѣятельности; но здѣсь просится у меня на бумагу еще воспоминаніе о томъ, почему я, стремясь въ Петербургъ, остался въ Черниговѣ. А остался я въ немъ потому, что черезъ два года моей службы въ черниговской семинаріи я женился и женился тогда, когда уклонялся отъ женитьбы, чтобы тѣмъ не связать себя и не остаться въ Черниговѣ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

При свиданіи съ моею матерью на пути изъ Петербурга въ Черниговъ, въ августѣ 1823 года, я не предполагалъ пріѣзжать къ ней на Рождественскій праздникъ того года; но представился случай, дававшій мнѣ возможность покойно и безъ особенныхъ издержекъ проѣхать въ крытомъ, тепломъ экипажѣ, принадлежавшемъ помѣщику нашего села, находившемуся въ Чер-

ниговъ, куда онъ выслалъ въ то время людей и лошадей забрать этотъ экипажъ и доставить въ Лисконоги. Мать моя просила меня прїѣхать къ ней въ этотъ экипажъ, и я съ братомъ моимъ отправился въ Лисконоги. Здѣсь въ самый день моего прїѣзда родные мои объявили мнѣ, что Ленковскій присылалъ къ нимъ нарочнаго просить меня во время праздника посѣтить его, и они убѣждали меня исполнить его просьбу, интересуя меня тѣмъ, что я лучше познакомлюсь съ ихъ дочерью, которая можетъ быть моею невѣстою. Я отвѣчалъ имъ, что, вступивъ только что въ службу, я не долженъ, не могу и не хочу думать ни о какихъ невѣстахъ. Черезъ нѣсколько дней я съ братомъ прїѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Ленковскіе приняли меня уже какъ знакомаго съ обычнымъ своимъ радушіемъ. Святочные вечера мы весело проводили въ ихъ гостепріимномъ домѣ. Дочь ихъ порядочно играла на гитарѣ (о фортепьянахъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ тогда еще не имѣли понятія) и пѣла малороссійскія пѣсни, которыя мнѣ очень понравились, да и сама пѣвица показалась мнѣ тогда лучшею, чѣмъ прежде. Но веселость наша скоро смѣнилась непріятностію для всѣхъ насъ. Когда я, ночуя у Ленковского, поутру оставался еще въ постели, мнѣ принесли письмо на мое имя, поднятое у воротъ ихъ дома. Это былъ пасквиль на все семейство Ленковскихъ. Пасквиль этотъ несомнѣнно былъ дѣломъ Лукашевича, который злобствовалъ на Ленковскихъ за отказъ ему въ рукѣ ихъ дочери. Всѣ были чрезвычайно огорчены этимъ подметнымъ письмомъ. Мнѣ жаль было дѣвицы, невинно страдавшей отъ преслѣдованія Лукашевича. Желая успокоить ея и ея родителей, я говорилъ имъ, что на злоумышленіе его они должны отвѣчать однимъ презрѣніемъ, что этотъ пустой человѣкъ хотѣлъ и меня очернить въ ихъ глазахъ, когда во время перваго моего у нихъ пребыванія говорилъ, будто я погуливалъ съ нимъ въ Петербургѣ, и что тогда-же онъ былъ обличенъ въ безсовѣстной клеветѣ. Чтобы еще болѣе успокоить ихъ, я, съ позволенія родителей, съ дочерью ихъ катался въ тотъ-же день въ открытыхъ саняхъ, и мы порочно нѣсколько разъ проѣхали мимо квартиры Лукашевича, который смотрѣлъ на насъ и долженъ былъ уразумѣть, что злой

умисель его совсѣмъ не удался. Послѣ этого всѣ успокоились, и намъ по прежнему было весело. При прощаніи Ленковскіе просили меня не забывать ихъ и писать къ нимъ изъ Чернигова, что я искренно обѣщалъ имъ и исполнилъ. Между прочимъ Ленковскій рекомендовалъ мнѣ въ знакомство пріятеля своего черниговскаго, священника Шитова, говоря, что уже писалъ ему обо мнѣ. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Черниговъ, Шитовъ письмомъ своимъ просилъ меня къ нему на обѣдъ. Послѣ обѣда онъ, прогуливаясь со мной на городскомъ бульварѣ, спрашивалъ меня, не думаю-ли я свататься на дочери Ленковскаго, и, остановившись противъ одного порядочнаго дома, сказалъ мнѣ, что это другой собственный его домъ, назначенный имъ въ приданое своей дочери дѣвицѣ, и что онъ желалъ-бы имѣть меня своимъ зятемъ, если я того пожелаю. Каковъ пріятель Ленковскаго! Въ одномъ изъ писемъ своихъ ко мнѣ Ленковскій извѣщалъ меня, что за дочь его сватается уѣздный лекаръ и просилъ меня откровенно высказать мое мнѣніе о представляющейся дочери его партіи. Я отвѣчалъ ему, что по моему разумѣнію такую партію я нахожу довольно выгодною. Когда товарищъ мой Охотинъ говорилъ, что если я не женюсь на дочери Ленковскаго, то онъ на ней женится, я хладнокровно и откровенно ему отвѣчалъ, что охотно уступаю ему эту невѣсту, ибо я тогда все мечталъ о Петербургѣ. Съ наступленіемъ лѣтней вакаціи, я отправилъ брата моего къ матери, а самъ съ Охотинимъ и съ инспекторомъ семинаріи поѣхалъ въ Кіевъ. По возвращеніи нашемъ въ Черниговъ, братъ говорилъ мнѣ, что матушка была весьма недовольна моею отлучкою въ Кіевъ на все время вакаціи; что Ленковскіе выражали ему свое сердечное сожалѣніе о томъ, что я лѣтомъ не посѣтилъ ихъ; что сама дочь Ленковскихъ говорила ему объ отказѣ сватавшемуся на ней лекарю и что она не выйдетъ замужъ ни за кого, кромѣ меня. Я слушалъ этотъ разсказъ безъ особеннаго сочувствія. Въ Рождественскій праздникъ я долженъ былъ прибыть въ нашъ домъ, куда требовала меня моя мать. Когда я пріѣхалъ въ Лисконоги, она и всѣ мои родные начали меня убѣждать жениться на дочери Ленковскихъ. Въ отвѣтъ имъ я говорилъ, что полу-

чаемое мною по службѣ жалованье достаточно только для меня одного, а при женѣ оно будетъ весьма недостаточно. Родные, выхваляя все семейство Ленковскихъ, увѣряли меня, что они богаты и не пожалѣютъ приданого. Въ заключеніе своего настойчиваго увѣщанія мать моя и родной братъ ея, свлщенникъ Симеонъ Калиновскій сказали, что дѣло это теперь-же надо кончить такъ или иначе. Слѣдствіемъ этого консилиума было то, что я отправился къ Ленковскимъ съ своимъ дядей, который взялъ на себя роль свата.

Ленковскіе приняли насъ по прежнему весьма любезно. Когда дѣло дошло до сватовства, я молчалъ. Дядя мой, пересказавъ Ленковскому и женѣ его то, что я говорилъ о недостаточности моего жалованья для семейной жизни, спросилъ, какое приданое Ленковскій можетъ обѣщать за своею дочерью. Ленковскій отвѣчалъ, что онъ, какъ честный человѣкъ, не хочетъ обманывать ложными обѣщаніями, денегъ онъ не имѣетъ, да и имѣть ихъ не могъ по причинѣ своего небольшого жалованья и извѣстной всѣмъ бѣдности соборнаго его прихода; но что для дочери своей, которая у него есть единственное дитя, онъ ничего не пожалѣетъ; что, наконецъ, если я въ послѣдствіи пожелаю занять въ Новгородъ-Сѣверскій должности соборнаго протоіерея, смотрителя духовнаго уѣзднаго училища и законоучителя гимназіи, то онъ готовъ мнѣ уступить всѣ эти мѣста, а самъ пойдетъ на другой приходъ. Вотъ все, сказалъ Ленковскій, что я могу обѣщать и дать. Послѣ этого мы всѣ въ смущеніи и нерѣшительности разошлись по своимъ мѣстамъ на ночлегъ. Долго я толковалъ съ дядей; онъ соглашался со мной, что безъ приданого жениться мнѣ неудобно, что еще могутъ найтись другія невѣсты, за которыми я получу пужное обезпеченіе. Послѣ такихъ толковъ я много думалъ самъ съ собою. Затѣмъ, принявъ въ соображеніе, что мнѣ не представляется вѣрныхъ шансовъ для перевода въ Петербургъ, къ которому и стремленіе мое къ тому же начало уже охлаждѣвать, что жениться мнѣ все-таки придется, а невѣсты, которая была бы ко мнѣ такъ расположена, какъ дочь Ленковскихъ, я. можетъ быть, и не найду, что, наконецъ, я вступлю въ кругъ почтеннаго и добраго семейства, которое всегда благодарило ма-

тери моей и моему брату, и которое я самъ душевно полюбилъ, и, сообразивъ все это, я рѣшился, но рѣшенія моего не открылъ дядѣ. Поутру, когда лошади для нашего отъѣзда были готовы, я сталъ прощаться съ Ленковскимъ, и, когда онъ сталъ благословлять меня, я сказалъ: отецъ Протоіерей! благословите меня не какъ отъѣзжающаго гостя вашего, а какъ чловѣка, который просить у васъ и супруги вашей руки вашей дочери, если дочь ваша охотно отдастъ мнѣ свою руку. Ленковскіе стали обнимать меня. Я пошелъ къ находившейся при этомъ въ другой комнатѣ дочери ихъ, Варварѣ Степановнѣ, просилъ ея руки и, получивъ ее, спросилъ: будетъ-ли она довольна тѣмъ положеніемъ, въ какое она вступаетъ, сдѣлавшись моей женой, при моемъ небогатомъ жалованьи, и не будетъ ли она раскаяваться, когда увидитъ себя въ бѣдной обстановкѣ. Она твердо объявила, что готова раздѣлять судьбу мою, какова-бы она ни была, и что родители ея никогда не оставятъ насъ своимъ пособіемъ. Въ тотъ-же день я отправился въ Лисконоги испросить у матери моей благословенія. По возвращеніи моемъ, Ленковскій, для большаго скрѣпленія нашего согласія, формально совершилъ надо мной и дочерью его обрядъ обрученія, и я поѣхалъ въ Черниговъ уже женихомъ съ кольцомъ на рукѣ.

Съ наступленіемъ каникулъ я вмѣстѣ съ братомъ и товарищемъ моимъ Охотинымъ въ присланномъ Ленковскимъ экипажѣ прибылъ прямо въ домъ моей невѣсты, а 22-го Іюля, въ день Маріи Магдалины, я былъ съ нею обвѣнчанъ въ Соборной церкви дядею моимъ Симеономъ Калиновскимъ; Охотинъ былъ моимъ шаферомъ. Итакъ, исполнилась и послѣдняя часть сдѣланнаго мнѣ въ Петербургѣ предсказанія. Благодарю Господа Бога, что онъ такъ устроилъ судьбу мою: 30 лѣтъ я прожилъ съ женой моей въ мирѣ, любви и согласіи, имѣлъ отъ нея дѣтей, изъ которыхъ два сына, получивъ высшее образованіе, состояли на службѣ. Что касается до родителей ея, то скажу чистосердечно, что они любили меня, какъ роднаго своего сына, и помогали мнѣ съ женой моею всѣмъ, чѣмъ могли, даже и тогда, когда мы не нуждались въ ихъ помощи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

XVII.

Проѣздъ Императора Александра I и Императрицы Елизаветы Алексѣевны черезъ Новгородъ-Сѣверскъ.—Возвращеніе мое въ Черниговъ.—Вѣсть о кончинѣ Александра I.—Присяга.

Въ томъ-же 1825 году, во 2-й половинѣ августа, проѣзжалъ черезъ Новгородъ-Сѣверскъ Императоръ Александръ I-й, а вслѣдъ за нимъ супруга его Императрица Елизавета Алексѣевна по пути ихъ въ Таганрогъ. По этому случаю городъ чистили, поправляли улицы и самыя строенія; квартира для Высочайшихъ путешественниковъ назначена была въ домъ помѣщика Судіенка. Ко времени приѣзда Государя прибыли въ Новгородъ-Сѣверскъ: главнокомандующій Сакенъ, корпусный генералъ князь Щербатовъ и малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Рѣпинъ. Государь обѣдалъ въ селѣ Поворовкѣ у бывшаго сенатора Михаила Павловича Миклашевскаго. Вошедши въ залъ дома его, государь взглянулъ на росписанный въ ней потолокъ и спросилъ: это работа Гваренги? Такъ точно, Ваше Величество, отвѣчалъ хозяинъ. Изъ Паноровки Императоръ прибылъ въ городъ часовъ въ 7 вечера. Онъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ съ фуражкой на головѣ, держа руку подъ козырекъ; подлѣ него въ коляскѣ сидѣлъ генералъ Дибичъ. Народъ наполнялъ улицы, по

¹⁾ См. Киев. Ст. 1894 г. № 1.

которымъ слѣдоваль царскій экипажъ, и особенно толпился передъ домомъ его квартиры, привѣтствуя Императора крикомъ: ура!.. За экипажемъ государя слѣдовало множество другихъ экипажей съ царскимъ багажемъ. Лишь только весь этотъ поѣздъ въѣхалъ въ обширный дворъ Судіенкова дома, ворота его заперли, и народа внутрь двора не пускали. Здѣсь случилось слѣдующее происшествіе: жена городскаго головы Лейковского, много хлопотавшаго по случаю приѣзда государя, увидѣвъ, что по входѣ мужа ея во дворъ, ворота заперли, испугалась и полумертвая упала съ дрожекъ; ее отвезли домой. Когда о томъ доложено было государю, онъ тотчасъ же послалъ сопровождавшаго его лейбъ-медика Виле, но помощь оказалась уже излишней: смерть несчастной послѣдовала мгновенно при паденіи съ дрожекъ. По временамъ изъ воротъ выходили на улицу представлявшіеся государю лица и говорили о томъ, что узнавали внутри двора. Уѣздный предводитель, или, какъ тогда онъ назывался, маршалъ дворянства, Лашкевичъ сказывалъ намъ, что государь видѣлъ жену его на станціи Чайкинъ хуторъ, поцѣловалъ у ней руку, и сказалъ, что она кланяется ему, Лашкевичу; что государь, выйдя на крыльцо Судіенкова дома, встрѣтилъ жену умершаго Новгородъ-Сѣверскаго казначей съ прошеніемъ въ рукѣ и также поцѣловалъ ея руку, говоря смутившейся просительницѣ, что онъ, какъ кавалеръ, обязанъ это сдѣлать. Въ тотъ же вечеръ получена на прошеніи означенной дамы Высочайшая резолюція, по которой выдано просительницѣ изъ уѣзднаго казначейства единовременно 300 руб. ассигнаціями. На другой день, рано утромъ, толпа народа опять собралась у квартиры государя и впущена была внутрь двора. Мы видѣли, какъ суетились около дома генералы и ихъ адъютанты, видѣли, что придворный камеръ-лакей черезъ дворъ несъ въ домъ на блюдѣ ледъ, которымъ государь имѣлъ обыкновеніе, вставши съ постели, вытирать свое тѣло.

Запряженный шестерикомъ экипажъ государя подъѣхалъ къ крыльцу, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его выхода. Новгородъ-сѣверскій городничій Александръ, верхомъ на лошади, стоялъ предъ коляской, что-бы ѣхать впереди ея. Выйдя изъ

дома и сѣвъ въ коляску, государь приказалъ Александру провожать его въ квартиру главнокомандующаго. По отъѣздѣ государя, народъ бросился въ квартиру его и, увидѣвъ на полу залы разостланную солому, на которой государь изволилъ почивать, расхваталъ эту солому на память о немъ. Въ ожиданіи, что государь отъ квартиры главнокомандующаго будетъ выѣзжать изъ города мимо Спасо-Преображенскаго монастыря, народъ столпился у святыхъ воротъ его, гдѣ духовенство въ облаченіи стояло для встрѣчи Его Величества. Вскорѣ показался царскій экипажъ; государь, увидѣвъ духовенство, велѣлъ кучеру повернуть лошадей къ монастырю, сошелъ съ экипажа (Дибичъ оставался въ немъ), приложился ко кресту и по окропленіи святой водой послѣдовалъ за архимандритомъ Геннадіемъ въ главный монастырскій соборъ; выслушавъ тамъ краткій молебенъ, онъ вышелъ на паперть и нѣсколько времени на ней ожидалъ, пока изъ алтаря поднесутъ ему предложенную архимандритомъ въ напутствіе икону. Въ этомъ ожиданіи государь спросилъ: нѣтъ-ли въ монастырѣ какихъ либо мощей, и не погребены-ли въ немъ особенно замѣчательныя лица? Архимандритъ отвѣчалъ, что мощей въ монастырѣ нѣтъ и что погребенъ въ немъ лишенный архіерейскаго сана, бывшій могилевскій архіепископъ Варлаамъ Шишацкій. А! помню, сказалъ государь. Я съ женою моею стоялъ у самыхъ перилъ монастырскаго мостика, по которому проходилъ императоръ, и видѣлъ, что онъ въ это время немного прихрамывалъ. Когда царскій экипажъ переправляли на паромахъ черезъ рѣку Десну и ея притокъ Вить, Императоръ, смотря на городъ, сказалъ: это въ миниатюрѣ Кіевъ, и въ это время карандашемъ что-то чертилъ въ своемъ портфелѣ. Говорили, что въ найденныхъ по смерти его въ Таганрогѣ бумагахъ, онъ намѣревался сдѣлать Новгородъ-Сѣверскъ военнымъ городомъ.

Дней черезъ пять послѣ Императора прибыла въ Новгородъ-Сѣверскъ съ особеннымъ, также многочисленнымъ поѣздомъ супруга его Елизавета Алексѣевна, тоже вечеромъ. Она въ ея каретѣ были завѣшены сторами; никто изъ городскихъ жителей не видалъ ее, потому что она была нездорова.

Во время ея прибытія, была гроза съ проливнымъ дождемъ, какъ-бы предвѣщавшая, что Императрица, какъ и Вѣнценосный супругъ ея, уже не возвратится въ столицу. Императрицу сопровождалъ князь Волконскій. За квартированіе Государя и Государыни въ домѣ Судіенка, управляющій имѣніемъ послѣдняго получилъ отъ нихъ по золотой табакеркѣ.

Проживъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ сверхъ вакаціоннаго времени до половины сентября того-же 1825 года, я долженъ былъ съ женою моею отправиться на мѣсто моей службы въ Черниговъ. Много было слезъ при нашемъ прощаніи: родители и дочь ихъ разставались въ первый разъ въ жизни своей. Я опасался, что въ Черниговѣ, во время служебныхъ отлучекъ моихъ изъ моей квартиры, жена моя, оставаясь одна, будетъ грустить въ разлукѣ съ своими родителями; но къ счастью она на первыхъ же порахъ познакомилась съ женою семинарскаго эконома, протоіерея Огіевского, которая полюбила ее и часто приглашала къ себѣ. Мы жили въ Черниговѣ спокойно и весело, какъ вдругъ разнеслась по городу печальная вѣсть, поразившая всю Россію, вѣсть о кончинѣ Императора Александра въ Таганрогѣ 19-го ноября. Вѣсть эта получена въ Черниговѣ въ началѣ декабря. Всѣ жители города присягнули новому Императору Константину Павловичу. Въ день этой присяги мнѣ случилось быть на именинахъ у одного городского священника. Одинъ изъ гостей рассказывалъ, что онъ видѣлъ во снѣ гробъ Императора Александра, предъ которымъ стоялъ Великій князь Константинъ Павловичъ безъ короны, а за нимъ послѣднимъ находился Великій князь Николай Павловичъ въ коронѣ. Въ то время никто въ Черниговѣ не могъ еще знать о возшествіи на престолъ Николая Павловича. 20-го декабря въ семинаріи производился полугодовой экзаменъ. Ректоръ семинаріи, войдя въ классъ, вынулъ изъ кармана бумаги, подаль ихъ мнѣ и велѣлъ читать: это были документы объ отреченіи Константина Павловича отъ престола и о вступленіи на престолъ Николая Павловича, которому всѣ мы и учинили присягу. На праздникъ Рождества Христова я съ женою моею пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Въ первый день праздника я былъ съ

тестемъ моимъ у Новгородъ-Сѣверскаго архимандрита, у котораго собралось много гостей, и при нихъ я рассказывалъ о принесенной въ городъ Черниговъ второй присягѣ.

Находившійся въ числѣ гостей уѣздный стряпчій подошелъ къ тестю моему и внушительно сказалъ ему: „зять вашъ сдѣлалъ противузаконный поступокъ: объявилъ здѣсь о какой-то новой присягѣ, о которой здѣсь не получено офіціального извѣстія“. Можетъ быть, этотъ строгій стражъ закона причинилъ-бы мнѣ непріятность; но въ тотъ-же день въ городъ полученъ былъ указъ о новой присягѣ; въ тотъ-же день одна знакомая дама получила изъ Петербурга и намъ передала извѣстіе о бывшемъ въ Петербургѣ 14-го декабря бунтѣ.

XVIII.

Охотинъ, его способности, познанія и характеръ.

Послѣ упомянутыхъ Рождественскихъ праздниковъ я возвратился въ Черниговъ, но, къ сожалѣнію моему, уже не засталъ въ немъ товарища моего Якова Ивановича Охотина, уѣхавшаго на свою родину; въ немъ черниговская семинарія лишилась отличнаго преподавателя, а я искренняго друга, какового уже не имѣлъ въ средѣ моихъ черниговскихъ сослуживцевъ.

Въ предъидущихъ моихъ воспоминаніяхъ я мимоходомъ упомянулъ о немъ, теперь скажу о немъ болѣе, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ. Обучаясь съ нимъ въ С.-Петербургской духовной академіи, я жилъ не въ одномъ съ нимъ номерѣ и мало зналъ его, кромѣ того, что онъ, какъ знатокъ церковнаго пѣнія, заправлялъ хоромъ студентовъ и писалъ для этого хора наизусть ноты для церковныхъ пѣснопѣній, какія онъ запомнилъ, обучаясь въ нижегородской семинаріи; зналъ еще то, что когда намъ отъ профессоровъ нашихъ давались для сочиненій проблематическія темы, Охотинъ ходилъ по номерамъ, прислушивался къ толкамъ и преніямъ студентовъ объ этихъ темахъ, скоро писалъ на нихъ свои сочиненія и прежде всѣхъ насъ подавалъ ихъ профессорамъ, получая за нихъ одобреніе.

Въ Черниговской семинаріи, преподавая русскую словесность въ продолженіе двухъ лѣтъ, Охотинъ показалъ, что онъ былъ мастеръ своего дѣла. Самъ онъ очень хорошо писалъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ и весьма успѣшно училъ тому-же своихъ учениковъ. Въ то время еще не было хорошаго руководства для преподаванія русской словесности: Охотинъ самъ составилъ такое руководство въ краткихъ, ясныхъ и вразумительныхъ своихъ запискахъ, по которымъ преподавалъ свой предметъ. Подобно бывшему въ Армейской семинаріи учителю словесности Мансветову, Охотинъ болѣе всего обращалъ вниманіе на практическія упражненія учениковъ въ сочиненіяхъ; онъ часто заставлялъ ихъ подъ своимъ руководствомъ въ классѣ писать краткіе отвѣты на задаваемые имъ темы, а въ квартирахъ составлять на нихъ цѣлыя сочиненія. По числу учениковъ риторическаго класса (до 150) у него набиралось множество такихъ упражненій, и онъ неутомимо занимался ихъ исправленіемъ, просиживая надъ этимъ дни, а часто и цѣлыя ночи; въ классѣ онъ разбиралъ исправленные имъ сочиненія и заставлялъ учениковъ передѣлывать ихъ. Желая доставить ученикамъ возможность улучшить слогъ ихъ сочиненій, посредствомъ чтенія лучшихъ новѣйшихъ произведеній русской словесности, какихъ тогда не имѣлось въ семинарской библіотекѣ, онъ предложилъ своимъ ученикамъ сдѣлать складчину, кто сколько можетъ, и на собранныя такимъ образомъ деньги выписывалъ книги. Такъ составила небольшая ученическая библіотека, которою распоряжался самъ Охотинъ, выдавая ученикамъ изъ нея книги, назначая каждому статьи для прочтенія, требуя въ чтеніи отчета, объясняя притомъ въ прочтенныхъ статьяхъ развитіе мыслей, ихъ планъ и изложеніе.

Результатомъ такого метода преподаванія было то, что черезъ два года на переводномъ экзаменѣ ученики Охотина показали такіе успѣхи въ словесности, какихъ до него въ черниговской семинаріи ученики риторики не оказывали. Впослѣдствіи сдѣлавшись священниками, или поступивши въ Академію, ученики Охотина всегда благодарили его за свое развитіе, которымъ въ значительной степени были обязаны ему. Долгое

время, бывшіе послѣ. Охотина преподаватели словесности въ черниговской семинаріи, пользовались его записками, но не имѣли его искусства примѣнять ихъ къ дѣлу, не умѣли подобно ему учить. Охотинъ былъ рѣдкій преподаватель словесности; подобнаго ему я зналъ только въ лицѣ Чалаго, учителя словесности въ немировской гимназій, обучавшагося прежде въ новгородъ-сѣверской гимназій. Непонятнымъ казалось-бы, почему Охотинъ, съ такимъ успѣхомъ преподававшій въ черниговской семинаріи любимый имъ предметъ, не захотѣлъ далѣе служить въ ней; но нужно знать, что Яковъ Ивановичъ былъ истый русакъ, страстно любившій свою нижегородскую губернію; онъ всегда съ восторгомъ говорилъ о несравненной Волгѣ и о ея необозримыхъ, привольныхъ лугахъ, говорилъ, что свою родимую сторонущу онъ никогда не промѣняетъ на Малороссію, которую называлъ хохландіей, хотя послѣ, будучи на родинѣ, отзывался о ней съ признательностью. Охотинъ весьма желалъ быть преподавателемъ въ нижегородской семинаріи и просилъ земляка своего инспектора петербургской духовной академіи посодѣйствовать исполненію этого желанія. Когда-же землякъ его отвѣчалъ, что его сдѣлаютъ инспекторомъ въ означенной семинаріи, если онъ пожелаетъ поступить въ монашество, тогда Охотинъ, видя въ этомъ отвѣтѣ отказъ, подалъ просьбу объ увольненіи его изъ духовно-учебнаго вѣдомства для поступленія въ епархіальное нижегородское и, получивъ такое увольненіе, немедленно отправился въ свой родной Арзамасъ. Изъ Арзамаса онъ писалъ мнѣ, что онъ въ скоромъ времени женился тамъ, какъ и я, на дочери протоіерея, именовавшейся, какъ и моя жена, Варварою; что на полученное имъ приданое онъ построилъ себѣ хорошій каменный домъ по своему плану; что сдѣлавшись священникомъ выгоднаго прихода, онъ предался проповѣдничеству, сказывая на каждый праздникъ поученіе въ своей церкви, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе епархіальнаго архіерея; что арзамасскіе батюшки, зная о томъ и видя на немъ магистерскій крестъ, сперва относились къ нему недружелюбно, опасаясь, что онъ перебѣтъ имъ дорогу по службѣ, но когда узнали, что онъ, по словамъ

его, чуждъ скуфейнаго честолюбія и никому не мѣшаетъ, то недружелюбіе ихъ исчезло. Имѣя достаточныя средства въ жизни, Охотинъ спокойно священнодѣйствовалъ въ Арзамасѣ, но жизнь его тамъ была недолговѣчна, какъ недолговѣчны были всѣ почти особенно даровитые мои товарищи, въ числу которыхъ онъ принадлежалъ безспорно. Охотинъ, кромѣ словесности, еще въ Академіи хорошо зналъ философію и математику, по которой частными уроками своими много помогалъ брату моему Николаю, обучавшемуся при немъ въ семинаріи. Будучи знаткомъ церковнаго пѣнія, онъ хорошо игралъ на скрипкѣ и при помощи ея обучалъ семинарскій хоръ, въ которомъ и я, по страсти моей къ пѣнію, участвовалъ и при немъ, и по отъѣздѣ его, во все продолженіе пребыванія моего въ Черниговѣ.

По характеру своему Охотинъ былъ добръ и общителенъ, при досугѣ отъ своихъ занятій онъ радушно принималъ у себя знакомыхъ и самъ любилъ бывать въ ихъ обществахъ, въ которомъ бывалъ веселъ и шутливъ. Долго у меня сохранялось мастерски имъ написанное юмористическое стихотвореніе на мою свадьбу, въ которомъ онъ картинно изобразилъ оригинальные Новгородъ-Сѣверскіе типы, гдѣ въ смѣшномъ видѣ представилъ и самого себя.

XIX.

Мое преподаваніе языковъ греческаго и французскаго.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ, когда Охотинъ находился въ черниговской семинаріи, я преподавалъ въ ней языки греческій и французскій. Греческій языкъ изучался тогда во всѣхъ 3-хъ отдѣленіяхъ семинаріи; въ первыхъ двухъ высшихъ отдѣленіяхъ я преподавалъ этотъ языкъ самъ, а въ низшемъ, т. е. риторическомъ, занимался съ учениками лекторъ подъ моимъ наблюденіемъ. Ученики семинаріи не изучали греческой грамматики, такъ какъ она преподавалась имъ еще въ уѣздномъ духовномъ училищѣ и только повторялась въ низшемъ отдѣленіи; а въ 2-хъ высшихъ отдѣленіяхъ они занимались одними переводами, при чемъ обращалось особенное вниманіе на корни словъ и на пра-

вила слогуударенія. По многочисленности учениковъ 2-хъ высшихъ отдѣленій, собиравшихся въ одинъ классъ на мою лекцію, я не могъ часто всѣхъ ихъ спрашивать во время урока, отчего тѣ изъ нихъ, которые поступали изъ низшаго отдѣленія съ неудовлетворительнымъ знаніемъ греческой грамматики, не старались изучать её въ моихъ отдѣленіяхъ; но въ этомъ случаѣ мнѣ много помогъ ректоръ Афанасій, заставившій такихъ учениковъ во время лѣтней вакаціи вытвердить греческую грамматику.

Французскій языкъ семинаристы изучали въ низшемъ, или риторическомъ отдѣленіи. Въ немъ я начиналъ учить ихъ съ французской азбуки. Камнемъ претканія для нихъ было правильное французское чтеніе и прононсъ. Хотя я въ академіи учился французскому языку у профессора Сербржинскаго, имѣвшаго правильное произношеніе, но, не довѣряя себѣ въ надлежащемъ успѣхѣ этого рода, я обратился къ знакомому мнѣ въ Черниговѣ французу и, воспользовавшись его уроками, училъ учениковъ моихъ. Грамматическіе уроки и потомъ переводы съ французскаго они при мнѣ всегда писали на доскѣ, а нѣкоторыя статьи произносили сперва наизусть, а затѣмъ только писали на доскѣ. Могу похвалиться, что ученики мои полюбили французскій языкъ и черезъ два года переводили порядочно.

XX.

Мое преподаваніе исторіи въ черниговской семинаріи; успѣхи учениковъ и полученная мною награда.

Я завидовалъ товарищу моему Охотину, что ему удалось преподавать въ черниговской семинаріи любимый имъ предметъ—русскую словесность, и жалѣлъ, что мнѣ не пришлось въ ней читать исторію, которою я съ особенной ревностью занимался, обучаясь въ семиріи и академіи.

Выбытіе Охотина изъ черниговской семинаріи открыло мнѣ возможность получить желаемое. На мѣсто его опредѣленъ учителемъ словесности Мерцаловъ, преподававшій исторію, а я подалъ просьбу о назначеніи меня преподавателемъ послѣдней и

получилъ на то утвержденіе Академическаго правленія. Съ новою ревностью я принялся за мое дѣло. Употреблявшееся тогда въ семинаріяхъ руководство Всеобщей Исторіи Шрекка было скудно по содержанію и сухо по изложенію. Преподавателю надлежало дополнять это руководство, по разнымъ его отдѣламъ, устными разсказами въ классѣ, гдѣ ученики для памяти своей должны были записывать преподаваемое на бумагѣ, при чемъ у нихъ могли быть недописки, пропуски и ошибки. Считая это неудобнымъ, я счелъ за лучшее по важнѣйшимъ отдѣламъ исторіи сокращать бывшія у меня Академическія по исторіи лекціи, писать ихъ на бумагѣ и мои записки давать ученикамъ для списыванія. При этомъ переписываніи ученикамъ не представлялось никакого затрудненія, потому что въ день прочтенной лекціи они послѣ обѣда собирались въ классъ и въ диктовку списывали мои листы, во время же этой работы повторяли то, что слышали отъ меня на лекціи и писали въ своихъ тетрадяхъ. Ученикамъ нравились мои записки болѣе, нежели руководство Шрекка, и по нимъ они легче заучивали преподаданные мною уроки. Чтобы еще болѣе побудить ихъ къ исполненію моихъ уроковъ, я велѣлъ, чтобы каждый изъ нихъ, приходя къ столу моему для отвѣта, приносилъ съ собою листъ бумаги, на которомъ я по выслушаніи урока тутъ же собственноручно записывалъ, когда, что и какъ отвѣчалъ подходившій. Листы эти ученики мои, какъ сами мнѣ говорили, сохраняли у себя и по выходѣ изъ семинаріи, какъ аттестаты объ ихъ успѣхахъ по исторіи. Дабы ученики мои совершенно были увѣрены въ томъ, что я справедливо оцѣниваю ихъ успѣхи, я передъ экзаменомъ составлялъ разрядные имъ списки въ классѣ, гласно, въ ихъ присутствіи и при ихъ участіи, желая знать ихъ мнѣнія объ ихъ товарищахъ, вносимыхъ мною въ разряды; мнѣнія свои они выражали молча, поднятіемъ рукъ, по числу-которыхъ я заключалъ о большинствѣ или меньшинствѣ одобряющихъ баллотированное лицо; въ случаѣ разногласія или недоразумѣнія, указывалось на собственноручныя мои отмѣтки, какія я своевременно дѣлалъ на вышеуказанныхъ листахъ, которые ученики въ это время приносили съ собою въ классъ. Изучая

такимъ образомъ преподаваемую мною исторію, всѣ почти мои слушатели оказывали удовлетворительные успѣхи, и немногихъ только изъ нихъ приходилось мнѣ записывать въ третій разрядъ. Ректоръ Афанасій, посѣщавшій мой классъ во время повтореній, видѣлъ такіе успѣхи, и когда прибылъ въ черниговскую семинарію ревизоръ, ректоръ кіевской академіи Смарагдъ, то назначилъ въ первый-же день послѣ обѣда экзаменъ по исторіи.

Въ присутствіи ревизора всѣ спрошенныя имъ ученики отвѣчали хорошо, и когда онъ хотѣлъ прекратить испытаніе, я просилъ вызвать еще охотниковъ изъ неспрошенныхъ учениковъ; онъ согласился, и всѣ почти неспрошенные встали для отвѣтовъ. Смарагдъ самъ вызывалъ ихъ по фамиліямъ, самъ задавалъ имъ вопросы изъ исторіи и остался доволенъ отвѣтами вызванныхъ; окончивъ экзаменъ, онъ благодарилъ меня за оказанные учениками на экзаменѣ успѣхи. Въ донесеніи своемъ въ комиссію духовныхъ училищъ о сдѣланной имъ ревизіи въ черниговской семинаріи онъ представилъ меня къ денежной наградѣ, и я получилъ её, какъ за преподаваніе исторіи, такъ и за то, что я, по порученію начальства, преподавалъ въ то же время ученикамъ высшаго отдѣленія богословіе, не получая за то особаго вознагражденія.

XXI.

Мое преподаваніе богословія въ черниговской семинаріи; исправленіе ученическихъ проповѣдей.

Въ предъидущихъ статьяхъ моихъ воспоминаній я въ своихъ мѣстахъ говорилъ о томъ, что мнѣ неоднократно отъ начальства поручаемо было преподаваніе богословія ученикамъ высшаго отдѣленія, когда ректоры выбывали изъ семинаріи. Въ классѣ я читалъ богословіе по существовавшему тогда въ семинаріяхъ руководству на латинскомъ языкѣ, дополняя его или замѣняя нѣкоторыя статьи академическими лекціями, которыя въ сокращенномъ видѣ я давалъ моимъ ученикамъ. Но главный и не легкій трудъ мой состоялъ въ исправленіи ученическихъ проповѣдей.

Въ этомъ моемъ занятіи я руководствовался наставленіями, которыя слушалъ въ академіи; не забылъ я этихъ наставленій, потому что всѣ преподаватели семинаріи, а въ числѣ ихъ и я, обязаны были въ высокаторжественные дни говорить проповѣди въ черниговскомъ соборѣ, но назначенію консисторіи. Въ первыя же четыре великопостныя пятницы, въ такъ называемыя пассіи, они исключительно должны были говорить свои поученія въ томъ-же соборѣ. На каждую недѣлю по четыре ученика богословія назначаемы были поочередно сочинять и говорить въ церквахъ проповѣди. Такіе очередные проповѣдники приходили въ мою квартиру и подъ моимъ наблюденіемъ избирали изъ дневныхъ чтеній Евангелія, или Апостола, для своихъ проповѣдей тексты, извлекали изъ нихъ соотвѣтственные смыслу текстовъ темы, разсуждали о томъ, какія можно развивать изъ избранной темы мысли и въ какомъ порядкѣ должны быть расположены эти мысли; потомъ ученики въ квартирахъ своихъ обдумывали предметы своихъ сочиненій, составляли имъ планы, приносили ко мнѣ эти планы для исправленія, иногда, по моему указанію, вновь ихъ передѣлывали и, послѣ окончательнаго ихъ исправленія, писали уже проповѣди, которыя также приносили ко мнѣ для поправки, а потомъ представляли ихъ на просмотръ исправлявшему должность ректора, назначавшаго имъ церкви, въ которыхъ они должны были произносить свои поученія.

Наканунѣ произнесенія проповѣдей всѣ ученики выпасаго отдѣленія собирались въ классъ, гдѣ при мнѣ очередные проповѣдники съ кафедръ произносили свои проповѣди, при чемъ дѣлались имъ отъ меня нужныя замѣчанія и наставленія.

XXII.

Ученикъ Александръ Рославскій-Петровскій, его успѣхи у меня, въ Нѣжинскомъ лицѣѣ, въ Харьковскомъ Унивѣрситетѣ и служба въ немъ.

Занимаясь преподаваніемъ разныхъ предметовъ въ семинаріи, я въ свободное время отъ классныхъ моихъ занятій давалъ частныя уроки дѣтямъ черниговскихъ жителей. Первый

опытъ такихъ моихъ уроковъ былъ для меня весьма удаченъ, потому что на этотъ разъ я имѣлъ ученика съ счастливыми способностями, чрезвычайно прилежнаго и любознательнаго. Это былъ сынъ одной дворянки, вдовы, Александръ Рославскій-Петровскій. Умная и попечительная мать его въ домашнемъ воспитаніи умѣла дать ему хорошее направленіе. Не опредѣляя сына въ семинарію, она поручила мнѣ его съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ въ моей квартирѣ и находился подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ, обучаясь у меня Закону Божію, Русскому языку и Словесности, Исторіи и Латинскому языку. Симпатичный мальчикъ скоро привыкъ ко мнѣ и къ моей женѣ, и мы, еще не имѣя тогда своихъ дѣтей, полюбили его, какъ родного сына.

Во время уроковъ Рославскій слушалъ мое преподаваніе съ полнымъ вниманіемъ, исполнялъ все скоро и въ точности, и, когда у него оставалось свободное время, онъ просматривалъ въ книгахъ то, что будетъ преподаваться въ слѣдующій разъ, или читалъ историческія статьи, которыя особенно любилъ. Въ русской словесности Рославскій оказалъ такіе успѣхи, что писалъ уже небольшія сочиненія и для лѣннихъ семинаристовъ сочинялъ заданныя имъ учителями задачи, которыя они выдавали за свои и получали одобреніе. Я не только не имѣлъ надобности побуждать его къ учебнымъ занятіямъ, но заставлялъ его гулять съ семинаристами. Нравственное его поведеніе было безупречно. Отъ меня Рославскій поступилъ въ Нѣжинскій лицей, гдѣ учился съ отличнымъ успѣхомъ и откуда присылалъ мнѣ свои сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ, читанныя имъ на публичныхъ экзаменахъ въ присутствіи попечителя. Въ сборникѣ Нѣжинскаго лицея напечатана статья о бывшемъ въ немъ студентѣ Александрѣ Рославскомъ-Петровскомъ, въ которой упомянуто и о нахожденіи его подъ моимъ руководствомъ. Не знаю, кончилъ-ли Рославскій курсъ въ Нѣжинскомъ лицей. Онъ пожелалъ получить дальнѣйшее образованіе въ университетѣ. Для поступленія въ университетъ ему нужно было имѣть свидѣтельство о принадлежности его къ извѣстному сословію. Мать его вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала ко мнѣ въ Черниговъ, гдѣ я тогда жилъ въ домѣ губернатора, и просила моего совѣта и содѣй-

ствія касательно полученіи такого свидѣтельства для ея сына. Я представилъ Рославскаго губернатору, который сразу полюбилъ умнаго юношу, потребовалъ къ себѣ городского голову и приказалъ ему въ тотъ же день составить формальное свидѣтельство о зачисленіи Рославскаго въ купеческое сословіе. Съ этимъ свидѣтельствомъ онъ отправился въ Харьковъ и по экзамену былъ принятъ въ число студентовъ тамошняго Университета. Въ университетѣ Рославскій также оказывалъ отличные успѣхи и кончилъ курсъ со степенью кандидата; за тѣмъ въ непродолжительномъ времени онъ получилъ степени магистра и доктора и былъ оставленъ при университетѣ адъюнктъ-профессоромъ по исторіи; затѣмъ былъ ординарнымъ профессоромъ по тому же предмету, избранъ былъ въ должность декана и нѣкоторое время исполнялъ должность ректора. Извѣстнымъ его сочиненіемъ въ университетѣ была написаная имъ Статистика съ новыми взглядами и выводами, бывшая въ то время учебнымъ руководствомъ въ гимназіяхъ, гдѣ тогда преподавалась эта наука. Находясь въ Харьковѣ, Рославскій постоянно велъ со мною дружескую переписку и высылалъ мнѣ свои магистерскую и докторскую диссертациі. Всѣ мои порученія и просьбы онъ исполнялъ съ усердіемъ и въ точности, даже и въ такихъ случаяхъ, когда ихъ было трудно исполнить. Просьбы мои большею частію были ходатайства объ ученикахъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи (въ которой я тогда былъ учителемъ), которые, желая поступить въ Харьковскій Университетъ и зная мою дружбу съ Рославскимъ, просили меня писать къ нему о снисхожденіи къ нимъ на пріемномъ экзаменѣ. Одинъ изъ такихъ учениковъ, не обучавшійся латинскому языку въ гимназіи, гдѣ тогда преподавалось правовѣдѣніе, просилъ моего ходатайства у Рославскаго, и я исполнилъ его просьбу, не надѣясь на успѣхъ; ученикъ этотъ поступилъ въ университетъ и кончилъ курсъ. Въ университетѣ сослуживцы Рославскаго и студенты любили и уважали его за умъ и добродушіе. Мать, постоянно жившая при немъ въ Харьковѣ, утѣшалась своимъ сыномъ, роптала только, какъ говорили, на его излишнюю тароватость. Со времени поступленія Рославскаго въ Нѣжинскій лицей я никогда его не

видалъ. Будучи въ Кіевѣ. онъ навѣстилъ моего сына Ивана, бывшаго тогда инспекторомъ 2-ой Кіевской гимназіи, говорилъ ему о всегдашней своей ко мнѣ признательности и изъявлялъ свое сожалѣніе о томъ, что я не послалъ этого сына моего, по окончаніи курса гимназіи, въ Харьковскій Университетъ, гдѣ онъ находился-бы подъ его покровительствомъ и могъ быть его адтьюнктомъ. Таковъ былъ Александръ Петровичъ Рославскій-Петровскій, первый ученикъ мой по моимъ частнымъ урокамъ!

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

XXIII.

Мои уроки дѣтямъ генерала Капцевича.

Въ Черниговѣ, въ домѣ княгини Прозоровской нѣсколько времени проживалъ зять, ея, генералъ отъ артиллеріи, бывшій генералъ-губернаторомъ въ Сибири, П. М. Капцевичъ, котораго дѣти, по смерти ихъ матери, воспитывались у своей бабушки. Капцевичъ, желая пригласить учителя для дѣтей изъ преподавателей семинаріи, обратился для этого къ ректору ея Архимандриту Іерониму, который и порекомендовалъ ему меня. Сперва я училъ сына Капцевича русскому языку и исторіи; мальчакъ при хорошихъ способностяхъ оказывалъ хорошіе успѣхи, только бывалъ разсѣянъ. Отецъ его, желая представиться Императору Николаю I, находившемуся тогда при дѣйствующей арміи въ Турціи, передъ отъѣздомъ своимъ просилъ меня во время его отсутствія жить при его сынѣ и наблюдать за его поведеніемъ, которое я ежедневно отмѣчалъ въ учебномъ журналѣ. По возвращеніи въ Черниговъ Капцевичъ получилъ отъ начальника штаба Дибича увѣдомленіе, что Государь предлагаетъ ему должность начальника корпуса внутренней стражи. Капцевичъ съ благодарностью принялъ это назначеніе и долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, куда взялъ съ собою и моего ученика. Онъ пред-

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 2.

лагалъ мнѣ принять на себя обязанность воспитателя сына его и ѣхать съ нимъ въ столицу съ тѣмъ, что-бы я по окончаніи воспитаніи отправился вмѣстѣ съ сыномъ за границу; при этомъ предложеніи онъ назначалъ мнѣ значительное вознагражденіе, но я, будучи женатъ, не принялъ этого предложенія; вмѣсто меня принялъ на себя эту обязанность бывшій профессоръ Московской духовной академіи Филипповъ Капцевичъ, находясь въ Петербургѣ, чрезъ нѣсколько времени, измѣнилъ свое желаніе готовить сына на дипломатическую службу, и опредѣлилъ его въ артиллерійское училище, что было съ его стороны важною ошибкою: сынъ его плохо учился математикѣ и вышелъ изъ училища съ чиномъ XIV класса.

Когда Капцевичъ увезъ сына въ Петербургъ, я сталъ заниматься съ его дочерью, которая, при хорошихъ способностяхъ, не охотно занималась слушаніемъ моихъ уроковъ по Русской Словесности. Мнѣ стоило большаго труда, чтобы заставить ее старательнѣе заниматься составленіемъ писемъ и другихъ мелкихъ сочиненій, а чтобы она въ точности это исполняла, я заставлялъ ее писать при мнѣ. Замѣтивъ, что она часто поглядываетъ на часы въ ожиданіи, что я скоро уйду по окончаніи назначеннаго времени, я сказалъ ей, что не уйду до тѣхъ поръ, пока она не напишетъ заданнаго сочиненія, на что согласилась и сидѣвшая при нашихъ урокахъ ея гувернантка, послѣ чего она стала лучше заниматься. Впослѣдствіи времени дочь Капцевича была Фрейлиною и вышла замужъ за генерала Эссена.

XXIV.

Княгиня Прозоровская, ея утраты въ жизни и благотворительность.

Когда Капцевичъ бралъ дочь свою изъ Чернигова, то просилъ меня по прежнему часто посѣщать его тещу, княгиню Прозоровскую, которая благоволила ко мнѣ и сама просила меня о томъ-же. Здѣсь въ воспоминаніяхъ моихъ я хочу сказать объ этой достопочтенной особѣ то, что знаю о ней изъ ея рассказовъ и какъ самовидецъ. Княгиня Прозоровская была

изъ богатаго рода фамиліи Скоропадскихъ. Оставшись въ дѣтствѣ сиротою, она воспитывалась въ домѣ дяди своего, который былъ совѣтникомъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, бывшемъ тогда главнымъ городомъ намѣстничества; здѣсь она вышла замужъ за князя Прозоровскаго, роднаго брата фельдмаршала князя Прозоровскаго. Отъ мужа своего она имѣла 5-хъ дѣтей и въ молодыхъ годахъ овдовѣла. Пропливая слезы о потерѣ мужа, она едва отъ того не ослѣпла и потомъ во всю жизнь свою носила надъ глазами зонтикъ. Но, оплакивая смерть мужа, она доолжна была въ жизни своей потерпѣть еще три тяжкія для нея утраты; первую утрату понесла она въ смерти старшей дочери, бывшей замужемъ за генераломъ Капцевичемъ.

Княгиня мнѣ говорила, что для излеченія глазъ своихъ она долго проживала въ деревнѣ доктора Трофимовскаго; что, не видя отъ леченія его никакой пользы для своихъ глазъ, она, въ день чтенія покаяннаго канона Андрея Критскаго, когда всѣ слуги ея ушли въ церковь, оставшись одна въ домѣ, молила этого святого открыть ей, вылѣчить-ли Трофимовскій ея глаза, и что при этомъ своемъ моленіи она явственно услышала произнесенныя хриплымъ старческимъ голосомъ слова: „онъ тебя не вылѣчитъ“. Вставши съ своего мѣста, она осмотрѣла всѣ комнаты ея квартиры и никого въ ней не нашла; получивши такое откровеніе, княгиня въ тотъ-же день уѣхала изъ деревни Трофимовскаго.

Два сына княгини обучались въ Петербургѣ у іезуитовъ, въ ихъ учебномъ заведеніи, въ которое тогдашніе русскіе аристократы отдавали дѣтей своихъ для образованія. Старшій сынъ въ послѣдствіи заболѣлъ, долго лѣчился въ Парижѣ и тамъ же вналъ въ умопомѣшательство. Меньшій сынъ, князь Иванъ, въ чинѣ полковника, состоялъ по особымъ порученіямъ при Мало-россійскомъ генераль-губернаторѣ князѣ Рѣпинѣ; когда началась турецкая война 1828—1829 годовъ, онъ пожелалъ служить въ дѣйствующей арміи и во время сраженій отличился своею храбростію, за что въ томъ-же году получилъ генеральскій чинъ. Въ зимнее время, когда военныя дѣйствія въ Турціи пріостанавливались, онъ попросился въ домовый отпускъ и

приїхавъ къ своей матери, которая неизъяснимо обрадовалась, увидѣвъ генеральскіе эполеты на молодомъ своемъ сынѣ—героѣ.

Домъ княгини тогда оживился: въ немъ молодой князь давалъ балы, на которые собиралась высшая Черниговская публика. Княгиня ликовала, мечтая, что сынъ ея въ генеральскомъ чинѣ своемъ скоро можетъ жениться, и отъ него продолжится родъ князей Прозоровскихъ. Желая предохранить сына отъ опасностей войны, она просила Императора Николая Павловича продлить ему безсрочно отпускъ для того, чтобы онъ поѣхалъ въ Парижъ и тамъ имѣлъ присмотръ за своимъ больнымъ братомъ и, если болѣзнь его окажется неизлечимою, привезъ бы его съ собою въ Россію. Государь не соизволилъ на это прошеніе и положилъ на немъ резолюцію, что храбрые генералы нужны въ дѣйствующей арміи.

Когда кончался срокъ домового отпуска, князь немедленно собрался въ дорогу и, прощаясь съ матерью, былъ необыкновенно печаленъ; сѣвши въ коляску, онъ выскочилъ изъ нея и прибѣжавъ къ матери, сталъ предъ нею на колѣни, прося ее вторично благословить его на путь, какъ-бы предчувствуя, что онъ болѣе ее не увидитъ.

Въ скоромъ времени по прибытіи своемъ въ армію, онъ, во время одной вылазки Турокъ изъ крѣпости Силистріи, увидѣвъ, что одинъ русскій полковникъ, пораженъ ядромъ, кинулся подъ стѣны крѣпости спасать раненаго и въ ту минуту, какъ онъ взялъ его къ себѣ на плечи, другое крѣпостное ядро попало князю въ животъ, онъ успѣлъ только перекреститься и палъ на мѣстѣ.

Ужасную вѣсть о смерти князя получилъ управляющій домомъ княгини. Надлежало скрывать отъ нея эту роковую вѣсть, и въ домѣ всѣмъ запрещено было говорить о смерти ея сына. Вскорѣ по отъѣздѣ князя въ армію, княгиня послала дочь свою дѣвицу въ Парижъ привезти больнаго ея брата, и затѣмъ осталась одна въ своемъ домѣ. При такомъ своемъ одиночествѣ она просила меня чаще бывать у нея и почти каждый день присылала за мной экипажъ. Тяжело было мнѣ смотрѣть на несчастную княгиню, когда она, не получая отъ сына писемъ, ни

отвѣтовъ на свои письма, сначала сильно грустила, беспокоясь за жизнь сына, а потомъ начала уже приходить въ отчаяніе. Нужно было наконецъ объявить ей ужасную вѣсть, для чего вызванъ былъ изъ Петербурга зять ея Капцевичъ. Лишь только онъ вошелъ въ ея гостинную, она ужаснулась, когда же онъ сталъ предъ нею на колѣни, она затряслась и упала съ кресель. Думали, что съ нею случился ударъ, но кризисъ прошелъ благополучно. Когда княгиня оправилась и могла заниматься своими дѣлами, ей представилась новая горестная забота о перевезеніи праха ея сына въ Россію; началась по этому предмету переписка, которую она поручила мнѣ, по перевозъ тѣла не былъ разрѣшенъ по причинѣ чумы, свирѣпствовавшей въ томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ былъ покойный князь, а именно въ мѣстечкѣ Каларашѣ на берегу Дуная. Оставалось одно—устроить на мѣстѣ погребенія памятникъ, и онъ сдѣланъ былъ изъ мраморной плиты, на которой изваяна княжеская мантия, поверженная на камень.

Черезъ нѣсколько времени дочь княгини возвратилась изъ Парижа и привезла съ собою своего брата, но не на радость тоскующей матери, которая увидѣла сына живаго тѣломъ, но умершаго умомъ—это была 3-я горькая утрата, понесенная княгинею послѣ смерти мужа.

Подъ тяжестью такихъ утратъ и безпрестанной грусти княгиня стала видимо изнемогать и ее постоянно удручала мысль, что по смерти ея, дочь, дѣвица, останется одна, безъ опоры и утѣшенія. Къ счастью не за долго до смерти княгини съ нею познакомилась добросердечная жена вновь прибывшаго въ Черниговъ губернатора Жукова, которая часто навѣщала ее, а въ послѣдніе дни передъ смертью княгини почти жила въ ея домѣ, и когда княгиня скончалась, сама закрыла ей глаза и безутѣшную дочь ея отвезла въ свою квартиру; послѣ погребенія усопшей, все семейство губернатора поселилось въ домѣ Прозоровскихъ и старалось утѣшать осиротѣлую княжну.

Погребеніе княгини отличалось тою особенностью, что нищія со всего города собрались и со слезами провожали тѣло покойницы до ея могилы. При жизни княгини часто можно было

видѣть толпы этихъ нищихъ на парадномъ крыльцѣ ея дома. Всему Чернигову извѣстна была благотворительность княгини Прозоровской. Она содержала у себя двухъ воспитанницъ, изъ которыхъ одну успѣла выдать замужъ за окончившаго въ семинаріи курсъ ученика, поступившаго священникомъ въ полкъ, и дала за ней приличное приданое. Въ домѣ ея проживалъ одинъ престарѣлый безприходный священникъ Давидъ Вишня, которому она постоянно оказывала помощь при жизни, а по смерти помогала его дѣлать.

Покойная княгиня сказывала мнѣ, что дочь генераль-фельдмаршала Прозоровскаго вышла замужъ за князя Голицына съ приданымъ 19,000 душъ, что князь Голицынъ повелъ чрезвычайно роскошную жизнь и въ нѣсколько лѣтъ прожилъ почти все приданое жены и умирая говорилъ плакавшей надъ нимъ женѣ, что оставляетъ ее почти безъ средствъ; изъ прожитаго состоянія вдовѣ Голицыной осталось небольшое имѣніе въ 600 душъ, она воспитывала дѣтей своихъ сама, въ своемъ домѣ при помощи гувернера и гувернантки. Одному изъ сыновей ея, для продолженія фамиліи князей Прозоровскихъ, присвоена эта фамилія, онъ назывался: князь Голицынъ-Прозоровскій.

XXV.

Генеральша Свѣчина, мои уроки ея дочерямъ.

Въ домѣ княгини Прозоровской я часто видѣлъ генеральшу Свѣчину, даму высшаго тона, всегда разряженную по послѣдней модѣ и принадлежавшую къ числу модныхъ и самыхъ легкомысленныхъ женщинъ.

Княгиня говорила мнѣ, что Свѣчина отъ перваго брака своего съ генераломъ Гундіусомъ имѣла двухъ малолѣтнихъ дочерей, изъ которыхъ младшую чрезмѣрно любила и баловала, прощая ей всѣ проступки, а къ старшей была слишкомъ строга и взыскательна, ставила ее часто на колѣни, забывала о томъ, и бѣдное дитя оставалось на полу цѣлую ночь. Сказавъ

это, княгиня прибавила, что изъ состраданія своего къ этой бѣдной дѣвочкѣ, она просить меня не отказаться давать уроки дочерямъ Свѣчиной, когда послѣдняя сама будетъ просить меня о томъ. Княгиня надѣялась, что я, обучая дѣтей Свѣчиной, въ старшей дочери найду лучшія качества, и, можетъ быть, моими отзывами въ пользу ея смягчу сколько нибудь суровое съ нею обращеніе ея матери. Вскорѣ послѣ этого Свѣчина, конечно по рекомендаціи княгини, попросила меня давать уроки ея дѣтямъ. При урокахъ моихъ я тотчасъ же замѣтилъ несправедливость матери: любимая дочь Свѣчиной была лѣнива и невнимательна во время моего преподаванія, а старшая всегда слушала меня со вниманіемъ и исправно исполняла уроки. Когда, однажды, и старшая дочь оказалась неисправной, я хотѣлъ было записать въ журналъ невыгодную отмѣтку, но жалкая дѣвочка остановила меня словами: „маменька за это меня накажетъ“, и я, пожалѣвъ ее, не сдѣлалъ такой отмѣтки. Свѣчина готовила дочерей своихъ къ поступленію въ Екатерининскій институтъ и собралась ѣхать въ Петербургъ. Давши послѣдній урокъ дочерямъ ея, я распрощался съ ними, и когда вышелъ въ переднюю, старшая дочь выбѣжала туда ко мнѣ и со слезами благодарила за мое съ нею обхожденіе. Свѣчина, возвратившись изъ Петербурга, говорила княгинѣ, что при прощаніи ея съ дочерьми, любимая дочь ея была довольно равнодушна, а нелюбимая, заливаясь горькими слезами, кинулась къ ней на шею и сказала: „хотя вы, маменька, не любите меня, но мнѣ жаль съ вами разстаться“. Каковъ урокъ матери, данный дочерью!

Что-же послѣ вышло изъ дочерей Свѣчиной. Младшая, любимая матерью, осталась навсегда въ дѣвицахъ, а старшая вышла замужъ за помѣщика Ханенко, и въ ея домѣ жила послѣ мать ея, сдѣлавшись на старости богомолкой, что часто бываетъ съ модными женщинами, когда онѣ приходятъ въ сознаніе, что легкомысленно проводили жизнь свою въ молодости.

XXVI.

Губернаторъ Жуковъ, мое житє въ домѣ его и уроки дѣтямъ Фейгена.

Новоприбывшій губернаторъ Жуковъ, познакомившись съ книгиней Прозоровской, по рекомендаціи ея, пригласилъ меня давать его дѣтямъ уроки, которые я продолжалъ въ этомъ домѣ до самаго выбытія моего изъ Чернигова. Когда жена моя, по болѣзненному ея состоянію, находилась у своихъ родителей въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Жуковы просили меня жить въ ихъ домѣ. И долго не соглашался, зная, какъ иные родители ставятъ проживающихъ у нихъ домашнихъ учителей наравнѣ съ домашней челядью. Жуковы увѣрили меня, что приглашаютъ меня въ домъ свой, какъ друга, которому ввѣряютъ воспитаніе своего сына. Я наконецъ рѣшился перейти въ домъ ихъ, и не только никогда не раскаивался въ этомъ, но всегда былъ совершенно доволенъ моимъ у нихъ житємъ, и теперь съ живою признательностью вспоминаю объ этомъ счастливомъ для меня времени. Ни въ одномъ домѣ въ Черниговѣ дѣти не были такъ ко мнѣ привязаны и не учились у меня такъ успѣшно, какъ въ домѣ Жуковыхъ. Жуковы, кромѣ значительнаго, по тогдашнему времени, вознагражденія за труды мои (по 1000 руб. ассигн. въ годъ), часто давали мнѣ и семейству моему не маловажные подарки; они принимали самыя искреннія заботы и попеченіе, когда я бывалъ боленъ; они предоставляли мнѣ всѣ возможныя удобства не только для моей жизни, но и для моихъ удовольствій и развлеченій: для меня всегда готовъ былъ экипажъ, на которомъ я ѣздилъ въ семинарію, катался съ дѣтьми по городу и за городъ; они даже предлагали отъ себя угощеніе посѣщавшимъ меня лицамъ, которыхъ однакожъ я рѣдко могъ принимать у себя по причинѣ непрерывныхъ моихъ учебныхъ занятій, и при всемъ этомъ, изъ вниманія ко мнѣ, семейство Жуковыхъ часто благотворило бѣднымъ семинаристамъ, являвшимся ко мнѣ по своимъ нуждамъ. Такъ напр., когда одинъ бѣдный ученикъ пришелъ ко мнѣ съ жалобою, что хозяинъ дома, въ которомъ онъ квартировалъ, не выпускаетъ его со двора для отѣзда къ его родителямъ, пока послѣдніе не уплатятъ

ему должныя за квартиру и содержаніе деньги,—дѣти Жуковы. услышавъ такую жалобу бѣднаго ученика, тотчасъ побѣжали къ своимъ родителямъ и принесли столько денегъ, что ихъ не только стало на уплату квартиросодержателю, но еще осгалось на собственныя надобности ученика.

Словомъ сказать, я жилъ у Жуковыхъ, какъ у родныхъ; и когда у меня родился сынъ, губернаторъ самъ вызвался быть воспріемникомъ при крещеніи моего сына.

Сперва я давалъ уроки 12-ти лѣтней дочери и 11-лѣтнему сыну губернатора порознь, такъ какъ они не одинаково къ нимъ были подготовлены. Дочь, одаренная замѣчательными способностями, училась у меня спачала русской грамматикѣ, а потомъ и словесности съ отличнымъ успѣхомъ. Она много и весьма охотно читала подъ моимъ руководствомъ и писала довольно удачно сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ. Братъ ея, также весьма способный мальчикъ, скоро понималъ и охотно исполнялъ задаваемые ему уроки, и когда могъ уже учиться вмѣстѣ съ сестрою, я обоимъ имъ преподавалъ Законъ Божій, Исторію и Географію. Послѣ двухлѣтняго обученія у меня дѣтей Жуковыхъ родители пожелали, чтобъ этимъ дѣтямъ былъ произведенъ въ домѣ ихъ экзаменъ, на который приглашены были постороннія лица изъ высшаго круга ихъ знакомыхъ, въ числѣ ихъ директоръ гимназіи и архіерей Владиміръ.

Экзаменъ былъ произведенъ по формѣ испытаній въ различныхъ училищахъ: сестра и братъ со стола брали закрытые билеты и на вопросы, въ нихъ написанные, стоя отвѣчали предъ посѣтителями, стоялъ и я, какъ отвѣтственный преподаватель. Отвѣты испытуемыхъ были по всѣмъ предметамъ удовлетворительны; нѣкоторые изъ присутствовавшихъ предлагали имъ свои вопросы, а болѣе всѣхъ спрашивалъ преосвященный Владиміръ по закону Божію и въ особенности по Богослуженію, и остался очень доволенъ отвѣтами экзаменуемыхъ, много хвалилъ ихъ и благодарилъ меня. Отецъ и мать вполнѣ были довольны успѣхами своихъ дѣтей и послѣ экзамена подарили мнѣ прекрасный чайный фарфоровый сервизъ.

Дочь Жуковыхъ на 15-тилѣтнемъ возрастѣ своемъ отправлена была родителями, съ семействомъ родной ея тетки, во Францію, гдѣ изучала французскую литературу и откуда часто присылала родителямъ на французскомъ языкѣ, а иногда и на русскомъ, пространныя и хорошо изложенныя описанія видѣнныхъ ею мѣстностей и образа жизни туземныхъ обитателей.

По отъѣздѣ дочери губернатора, я занимался съ его сыномъ русскою словесностью и исторіею, въ которой онъ оказывалъ особенно хорошіе успѣхи, и въ день именинъ своего отца поднесъ ему составленную имъ и мною исправленную исторію города Чернигова. Такъ какъ отецъ желалъ, чтобы сынъ его поступилъ въ университетъ, то надлежало учить его латинскому языку, для чего, кстати, знакомый Жукову извѣстный историкъ М. П. Погодинъ выслалъ намъ изъ Москвы только что вышедшую тогда изъ печати латинскую грамматику Цумпта, которая послѣ пригодилась и мнѣ, во время моего преподаванія латинскаго языка въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Но не одинъ только сынъ Жукова слушалъ мои уроки; для компаніи ему жилъ въ домѣ губернатора сынъ знакомой губернатору помѣщицы Миклашевской и учился у меня тѣмъ-же предметамъ, какіе я преподавалъ сыну Жукова; для такой-же компаніи къ слушанію моихъ уроковъ, съ соизволенія губернатора, пріѣзжали къ намъ изъ города сынъ помѣщика Глѣбова и племянникъ вице-губернатора Волховскій; всѣ эти посторонніе слушатели платили мнѣ за мои уроки по 400 руб. въ годъ каждый; изъ нихъ Волховскій учился потомъ въ артиллерійскомъ училищѣ и былъ на службѣ артиллерійскимъ полковникомъ.

Въ то время, какъ я давалъ уроки дѣтямъ черниговскаго губернатора, мнѣ случилось обучать и еврейскихъ дѣтей. Въ домѣ губернатора по временамъ бывалъ богатый откупщикъ еврей Фейгенъ, пріѣзжавшій изъ Петербурга, котораго семейство жило въ Черниговѣ. Однажды при мнѣ губернаторъ сказалъ ему: „не пора-ли тебѣ, Фейгенъ, оставить твои откупа, а то вѣдь не ровенъ часъ можешь оборваться!“ „Нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ послѣдній,—или я откупами наживу еще милліоны, или опять сяду въ пивную лавочку, изъ

которой пошелъ на мой промыселъ; если-же я оборвусь, то вмѣстѣ со мною упадутъ и многія изъ высокопоставленныхъ административныхъ лицъ, участвующія въ моихъ откупахъ“.

Вотъ этотъ-то Фейгенъ пожелалъ, чтобы я училъ его дѣтей; я отказался, но архіерей Владиміръ, узнавъ отъ губернатора о моемъ отказѣ, убѣдилъ меня исполнить желаніе Фейгена, говоря, что можетъ быть вслѣдствіе моихъ наставленій дѣти Фейгена сдѣлаются христіанами. Двумъ малолѣтнимъ дочерямъ Фейгена и его племяннику я преподавалъ только русскій языкъ, который они весьма охотно и успѣшно изучали въ чтеніи, писаніи и изустномъ произношеніи назначаемыхъ мною статей, отчего еврейскій ихъ выговоръ значительно измѣнился на русскій. Уроки мои дѣтямъ Фейгена скоро прекратились за отъѣздомъ всего семейства Фейгеновъ въ Петербургъ, гдѣ черезъ нѣсколько времени онъ объявилъ себя несостоятельнымъ и уѣхалъ за границу; тамъ онъ вмѣстѣ съ семействомъ принялъ христіанство по лютеранскому исповѣданію, какъ говорили, не по убѣжденію, а по житейскимъ видамъ и расчетамъ.

XXVII.

Постройка дома.—Виды моего тестя и мои предположенія.—Мое увольненіе изъ духовнаго званія.—И учитель Новгородъ-Сѣверской гимназіи.—Поѣздка въ Москву.

Преподавая долгое время въ Черниговѣ дѣтямъ разныхъ лицъ частные уроки, я пріобрѣлъ за нихъ порядочную сумму денегъ, на которыя тестъ мой, съ моего согласія, построилъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ новый просторный домъ, для того, чтобы я съ семействомъ моимъ имѣлъ въ немъ помѣщеніе, когда буду послѣ него протоіереемъ въ этомъ городѣ. Съ того времени, какъ я сдѣлался его зятемъ, онъ постоянно желалъ, чтобы я со временемъ занялъ послѣ него въ Новгородъ-Сѣверскѣ должности соборнаго протоіерея, смотрителя духовнаго училища и законоучителя гимназіи. Для вѣрнѣйшаго исполненія такого его желанія, онъ впослѣдствіи совѣтовалъ мнѣ, чтобы я, продолжая служить въ должности профессора семинаріи, посвятился во священника, дабы, проходя двойную службу—духовную и учебную,

приобрѣлъ чрезъ то неоспоримое право на занятіе означенныхъ 3-хъ должностей въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Я охотно готовъ былъ послѣдовать этому совѣту, хотя, признаюсь, изъ тщеславнаго моего желанія, облектись въ рясу и носить на ней магистерскій крестъ, который магистры получаютъ немедленно по принятіи священническаго званія. Когда въ черниговскомъ соборѣ открылась вакансія, я просилъ архіерея Лаврентія дать мнѣ это мѣсто и нисколько не сомнѣвался въ успѣхѣ, но Лаврентій, не расположенный къ лицамъ, получившимъ высшее образованіе въ академіи, отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ подъ тѣмъ предлогомъ что онъ долженъ дать мѣсто въ соборѣ такому священнику, который могъ-бы быть членомъ консисторіи, какъ будто я, сдѣлавшись священникомъ, не могъ изучить консисторской премудрости. Отказъ его сильно огорчилъ меня, огорчились имъ и мои сослуживцы, видѣвшіе изъ моего примѣра, что имъ нельзя ожидать благоволенія отъ неблаговолившаго къ намъ владыки. Не подумалъ я въ то время, что при слабомъ моемъ здоровьи и при маломъ моемъ ростѣ я и не въ силахъ былъ-бы выносить тѣ труды, какіе выносилъ при полномъ своемъ здоровьи тестъ мой, служившій зимою въ холодномъ соборѣ и исправлявшій духовныя требы въ домахъ, расположенныхъ на гористой мѣстности бѣднаго его прихода, на которомъ служа онъ самъ и всѣ его преемники были недолговѣчны. Послѣ, когда отъ усиленныхъ трудовъ моихъ, я сталъ чувствовать болѣзненные припадки, я одумался и началъ помышлять объ увольненіи моемъ изъ духовнаго званія, и теперь благодарю Лаврентія за его отказъ, отклонившій меня отъ пути, на которомъ я не вынесъ-бы непосильныхъ мнѣ трудовъ и преждевременно сошелъ-бы въ могилу. Познакомившись съ домомъ княгини Прозоровской, живя въ домѣ губернатора Жукова, я рѣшился уволниться изъ духовнаго званія, имѣя въ виду получить въ свѣтскомъ званіи выгодную для меня должность. Въ это время въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи открылось мѣсто инспектора. Возможность получить эту должность могла осуществиться для меня при ходатайствѣ княгини Прозоровской, которая писала объ этомъ къ знакомому ей малороссійскому генералъ-губернатору Рѣпинну, а

сей послѣдній передалъ ходатайство княгини свояку своему, бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія графу Уварову, который отвѣчалъ своею запискою, *и до меня дошедшею*, въ которой значилось, что министръ предписалъ попечителю кіевскаго учебнаго округа дать мнѣ просимое мною мѣсто. Повидимому, дѣло мое было, какъ говорится, въ шляпѣ, но не тутъ-то было. Прежде полученія инспекторскаго мѣста въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, я долженъ былъ получить увольненіе изъ духовнаго званія, при чемъ я долженъ былъ возвратить магистерскій окладъ за все время полученія его на должности профессора семинаріи, такъ какъ я при окончаніи курса въ академіи далъ подпръску о желаніи моемъ поступить въ духовенство. Освободиться отъ возврата магистерскаго оклада я могъ только по причинѣ болѣзненнаго состоянія, о которомъ мнѣ надлежало представить удостовѣреніе врачебной управы, откуда, по вліянію губернатора Жукова, оно выдано было мнѣ въ смыслѣ моей неспособности къ прохожденію духовнаго званія. Это удостовѣреніе, вмѣстѣ съ своимъ обо мнѣ ходатайствомъ, семинарское правленіе препроводило въ академическое правленіе, гдѣ дѣло мое долго залежалось и представлено было въ комиссію духовныхъ училищъ, откуда наконецъ послѣдовало благопріятное для меня рѣшеніе, по которому я увольнялся изъ духовнаго званія безъ изысканія съ меня магистерскаго оклада, вмѣненнаго мнѣ въ награду за продолжительную службу мою въ черниговской семинаріи за безвозмездное исполненіе дѣлаемыхъ мнѣ въ ней порученій; въ то-же время я произведенъ былъ въ чинъ коллежскаго асессора со старшинствомъ. Все это удалось мнѣ какъ нельзя лучше, но инспекторское мѣсто отъ меня ушло, оно во время медленнаго хода дѣла моего по увольненію меня изъ духовнаго званія дано было другому лицу; при томъ я уже не могъ оставаться на службѣ въ черниговской семинаріи, такъ какъ былъ уволенъ изъ духовнаго званія по разстройству здоровья. Изъ канцеляріи попечителя кіевскаго учебнаго округа я получилъ увѣдомленіе, что въ этомъ округѣ инспекторской вакансіи не имѣется, и что попечитель сирашиваетъ меня, не пожелаю-ли я пока занять мѣсто старшаго учи-

теля въ гимназіи, и чтобы, если того пожелаю, подалъ ему о томъ прошеніе, каковое я и послалъ къ нему, прося предоставить мнѣ бывшее тогда незанятымъ мѣсто учителя латинскаго языка въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, что и было попечителемъ утверждено. На этой должности я состоялъ до самаго окончанія срока 25-ти лѣтней моей службы,—тогда только сдѣлали меня инспекторомъ. *Sic fata volebant!* Получивъ назначеніе на учительское мѣсто въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, я долженъ былъ выѣхать изъ Чернигова въ Новгородъ-Сѣверскъ. Губернаторъ Жуковъ въ это время просилъ меня, чтобы я отвезъ обучавшагося у меня сына его въ Москву и передалъ его тамъ на руки профессору университета Морошкину для приготовленія къ поступленію въ университетъ. Могъ-ли я не оказать послѣдней услуги Жукову послѣ всего того, что онъ дѣлалъ для меня. Для отъѣзда въ Москву я долженъ былъ взять отпускъ у новаго моего начальства; но какъ попечитель затруднился дать его мнѣ, то я рѣшился быть полтора мѣсяца въ отставкѣ, чтобы только исполнить порученіе Жукова. Въ Москвѣ Морошкинъ жилъ въ домѣ Сухово-Кобылиной, родной тетки сына Жукова, который у ней остался на квартирѣ. Пока Морошкинъ экзаменовалъ моего ученика, я познакомился съ сыномъ Сухово-Кобылиной, кончившимъ тогда курсъ въ университетѣ, бывшимъ послѣ авторомъ извѣстной комедіи „свадьба Кречинскаго“. Присмотрѣвшись къ кругу веселой молодежи, собиравшейся у молодого Сухово-Кобылина, я вынесъ заключеніе, что юный, неопытный ученикъ мой врядъ-ли пройдетъ университетскій курсъ, что и сбылось: онъ на половинѣ курса поступилъ на службу въ конно-гвардейскій полкъ. Возвратившись въ Черниговъ и отдавши Жукову отчетъ въ исполненіи его порученія, я стѣшилъ пріѣхать изъ Чернигова въ Новгородъ-Сѣверскъ. Жаль мнѣ было разстаться съ незабвеннымъ для меня семействомъ Жуковыхъ, жаль было оставлять и Черниговъ, въ которомъ 13-тилѣтнее пребываніе мое во всѣхъ отношеніяхъ было мнѣ благопріятно. Это былъ счастливѣйшій періодъ моей службы и жизни, никогда уже для меня не повторявшійся; съ перемѣщеніемъ меня въ Новгородъ-Сѣверскъ

насталъ для меня періодъ нужды, разныхъ испытаній и новыхъ трудовъ.

XXVIII.

Мое прибытіе въ Новгородъ-Сѣверскъ. Смерть моего тестя; домашніе невзгоды. Мое преподаваніе Латинскаго языка въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

Въ домѣ моемъ родные съ нетерпѣніемъ ожидали моего прибытія, замедлившагося поѣздкою въ Москву. Родители моей жены радовались, что они навсегда уже будутъ неразлучны съ нами и съ внуками своими, на которыхъ они обратили всю свою любовь и заботы; переставалъ и я сожалѣть, что оставилъ Черниговъ, разсчитывалъ, что съ моимъ учительскимъ жалованіемъ, при помощи тестя моего, занимавшаго три должности, я буду съ семействомъ моимъ жить въ Новгородъ-Сѣверскѣ безъ нужды, но надежда эта вскорѣ меня обманула: черезъ 4 мѣсяца послѣ моего водворенія въ Новгородъ-Сѣверскѣ тесть мой внезапно заболѣлъ и на 4-й день скончался.

Смерть его поразила меня какъ громомъ; всѣ хозяйственные хлопоты пали на мою голову. Напрасно нѣкоторые думали, что тесть оставилъ намъ большое наслѣдство: мы наслѣдовали послѣ него долги, на покрытіе которыхъ пошли всѣ оставшіеся у меня еще деньги и деньги, присланныя мнѣ въ помощь отъ генерала Капцевича и княжны Прозоровской. Для содержанія себя съ семействомъ моимъ я долженъ былъ держать въ своемъ домѣ постояльцевъ изъ учениковъ гимназіи, что сопряжено было съ тяжелыми трудами для моей тещи и жены, и не приносило мнѣ такихъ выгодъ, какія въ другихъ городахъ получаютъ учителя гимназіи; въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи обучаются дѣти небогатыхъ родителей, старающихся нанимать для своихъ дѣтей квартиры подешевле. Содержа у себя такихъ квартирантовъ я, при скромномъ образѣ жизни, всегда оставался къ концу учебнаго года въ долгахъ по лавкамъ. Вскорѣ по смерти моего тестя послѣдовали въ семействѣ моемъ невзгоды: жена моя начала страдать отъ несчастныхъ родовъ, три сына

мои въ одно время пораженъ были скарлатиною и меншій изъ нихъ, по имени Стефанъ, крестникъ губернатора Жукова, умеръ.

Когда я пришелъ въ гимназію, то увидѣлъ тотчасъ же, что нахожусь въ другой сферѣ, уже не въ Черниговской семинаріи, гдѣ всѣ сослуживцы мои были одинаковаго со мной происхожденія, воспитанія и направленія; новые мои товарищи сначала какъ-то чуждались меня, смотрѣли на меня, какъ на незнакомаго имъ пришельца изъ другаго учебнаго лагеря; одинъ только директоръ Тимковскій, при первомъ моемъ къ нему представленіи, оказалъ мнѣ благоволеніе, потому что любилъ моего тестя, и отъ него имѣлъ благопріятныя для меня свѣдѣнія. Когда я находился еще въ Черниговѣ, онъ черезъ тестя моего желалъ узнать отъ меня, въ какихъ классахъ гимназіи я хочу преподавать латинскій языкъ, въ низшихъ, или въ высшихъ; я отвѣчалъ, что назначеніе мнѣ классовъ я предоставляю волѣ начальства и постараюсь оправдать то назначеніе, какое будетъ ему угодно. Тимковскому очень понравился мой отвѣтъ, и онъ тогда-же опредѣлилъ мнѣ преподавать въ высшихъ классахъ.

Предъ вступленіемъ моимъ въ должность, Тимковскій, знатокъ и любитель латинскаго языка, сказалъ мнѣ, что къ его сожалѣнію, этотъ языкъ, по причинѣ упущеній долго служившаго моего предмѣстника, находится въ высшихъ классахъ въ упадкѣ, и что онъ проситъ меня постараться его поднять. Съ первыхъ уроковъ моихъ я узналъ, что ученики высшаго класса (7-го) большею частью плохо знаютъ грамматику и переводятъ съ латинскаго языка какъ-то по верхамъ, угадывая смыслъ подлинника по значенію знакомыхъ имъ словъ. Я сталъ повторять съ ними грамматику, разъясняя по Цумпту логически изложенныя правила объ употребленіи временъ и наклоненій, и въ то-же время занимался съ учениками переводами съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій. Ученики, видя во мнѣ новаго учителя и новыя для нихъ требованія, при содѣйствіи директора, прилежно занимались моимъ предметомъ и черезъ годъ на экзаменѣ оказали если не совсѣмъ достаточныя, то значительныя успѣхи.

Тимковскій, просмотрѣвъ поданные ему ученическіе, сдѣланные во время испытанія, переводы съ русскаго языка на латинскій, отдалъ мнѣ эти переводы, сказавъ: „дарю вамъ ихъ на память о трудахъ вашихъ и вашихъ учениковъ, надѣюсь что мы съ вами скоро возьмемъ Трою“. По окончаніи годовыхъ экзаменовъ на торжественномъ актѣ я, по принятому въ гимназіи обычаю, какъ вновь опредѣленный преподаватель, читалъ сочиненную мною на латинскомъ языкѣ и просмотрѣнную въ совѣтѣ Кіевского университета, диссертацию: „de societatibus litterariis“. На другой годъ сынъ директора, хорошо приготовленный, поступилъ прямо въ 6-й классъ и своимъ знаніемъ латинскаго языка возбудилъ въ сотоварищахъ такое соревнованіе, что они старались съ нимъ сравниться, а одинъ изъ нихъ, даровитый Сердюковъ, даже превзошелъ его. Затѣмъ латыжь моя въ высшихъ классахъ пошла должнымъ порядкомъ, тѣмъ успѣшнѣе, что учитель низшихъ классовъ старался болѣе заниматься съ своими учениками латинской грамматикой. Тимковскій былъ доволенъ мною и моими учениками. Онъ находилъ употреблявшуюся тогда въ гимназіяхъ хрестоматію недостаточною, и, желая, чтобы ученики знакомились съ лучшими латинскими авторами, выписывалъ чрезъ петербургскаго корреспондента изъ заграницы дешевыя стереотипныя изданія латинскихъ классиковъ, прозаиковъ и поэтовъ, которыя ученики покупали изъ гимназическаго книжнаго магазина, которымъ я тогда завѣдывалъ. Изъ всѣхъ этихъ классиковъ ученики мои переводили по нѣскольку главъ, и такимъ образомъ знакомились съ особенностями каждаго изъ нихъ и легко могли каждаго переводить.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

XXIX.

Гимназическій пѣвческій хоръ, его образованіе и успѣхи.—Мое разсужденіе о церковномъ хорѣ.

Когда я, служа еще въ Черниговѣ, прїѣзжалъ на капикулы въ Новгородъ-Сѣверскъ и проживалъ здѣсь до сентября, ученики гимназїи, знавшіе отъ тестя моего, что я въ Черниговѣ занимался въ семинаріи пѣвческимъ хоромъ, приходили ко мнѣ учиться церковному пѣнію, но за короткое время мало успѣвали, а по отъѣздѣ моемъ забывали выученное; когда же я сдѣлался учителемъ гимназїи, то началъ составлять изъ учениковъ хоръ, для котораго привезъ изъ Чернигова много нотъ; этотъ трудъ былъ для меня тѣмъ легче, что многіе ученики играли на музыкальныхъ инструментахъ. Ученики взялись за дѣло съ особливою ревностью. сами составляли нотныя книги и изъ моихъ партитуръ выписывали въ нихъ голоса. Мы начали науку нотнаго пѣнія съ самой ея азбуки; когда пѣвчіе стали разбирать ноты, мы начали на общихъ спѣвкахъ готовить нотныя богослужебныя пѣсни.

Къ началу великаго поста хоръ нашъ сформировался настолько, что могъ правильно исполнять покаянный канонъ во время говѣнія учениковъ въ гимназїи и всю обѣдню въ церкви;

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 4.

въ день причащенія гимназистовъ и на всенощной въ домѣ гимназіи хоръ всю эту службу порядочно исполнилъ, по композиціи Ведела. Тимковскій радъ былъ, что гимназія имѣетъ хоръ и много благодарилъ меня за его образованіе. Гимназическій хоръ подъ моимъ управленіемъ постоянно пѣлъ въ праздничные и высокаторжественные дни въ городскомъ соборѣ лѣтомъ и зимою. Когда въ ненастные дни ученики не были приводимы въ церковь, пѣвчіе сами, безъ моего приглашенія, собирались въ мой домъ, разставляли столы и просили меня приготовить съ ними новыя пьесы для будущаго времени; поэтому мы пѣли въ церкви всегда что-нибудь новое. Торжественные акты, сжегодно бывавшіе въ гимназіи передъ лѣтними канікулами, всегда начинались и оканчивались концертами. Такимъ образомъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи образовался настоящий церковный хоръ безъ особенныхъ заботъ со стороны начальства и безъ пособія казны. По окончаніи учебнаго года, когда выбывали изъ гимназіи ученики, состоявшіе въ хорѣ, онъ нѣсколько ослабѣвалъ; тогда нѣкоторые альты и дисканты поступали въ басы и тенора, уже съ знаніемъ нотной науки, а для замѣщенія ихъ набирались новые голоса изъ гимназистовъ; возбужденіе въ нихъ охоты къ пѣнію было такъ велико, что непринимаемые въ хоръ по негодности ихъ голосовъ плакали и просили дозволенія хотя книги носить въ церковь, чтобы казаться своимъ сотоварищамъ пѣвчими. Впослѣдствіи отъ гимназіи отпускалось жалованье для пайма учителей пѣнія, каковыми въ разное время были Щегловитовъ и послѣ него надзиратель гимназіи Киселевичъ, при которыхъ я по прежнему продолжалъ участвовать въ гимназическомъ хорѣ до выbytія моего изъ гимназіи.

Старожилы Новгородъ-Сѣверскіе и теперь еще помнятъ, какъ мы въ былое время пѣли въ соборѣ и сожальютъ, что теперь они въ немъ не слышатъ такого пѣнія. Въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, гдѣ теперь устроена прекрасная церковь, существуетъ хоръ, но его нельзя назвать порядочнымъ, потому что для него нѣтъ учителя, знающаго свое дѣло, который могъ бы по правиламъ церковной музыки учить хоръ исполнять ду-

ховныя пѣснопѣнія соотвѣтственно ихъ молитвенному содержанию. А слѣдовало-бы позаботиться¹⁾ пріискать для гимназій такого учителя, потому что правильно составленный и надлежащимъ образомъ управляемый гимназическій церковный хоръ можетъ много способствовать развитію религіознаго чувства въ учащихся: стройные, гармоническіе звуки духовныхъ пѣснопѣній, образуя слухъ, трогаютъ, питаютъ и согрѣваютъ душу человека и располагаютъ его къ молитвѣ, отзываясь въ немъ иногда въ продолженіе всей жизни. Когда я, послѣ многихъ лѣтъ по выбытіи моемъ изъ гимназій, съ В. Кисилевичемъ пріѣхалъ въ Петербургъ, бывшіе ученики мои, запимавшіе почетныя изъ службъ должности, увидавшись съ нами, прежде всего вспомнили о томъ, какъ мы пѣли съ ними въ гимназій, говорили намъ, что, собираясь вмѣстѣ, они пѣли тоже самое, и за предложенною намъ трапезою воспроизвели съ нами незабытыя ими пѣснопѣнія. Это было братское свиданіе людей, связанныхъ между собою узами духовнаго сочувствія, пріобрѣтеннаго во время участія ихъ въ хорѣ въ Новгородъ-Сѣверской гимназій.

По страсти моей къ церковному пѣнію я заговорился о немъ здѣсь потому, что, находясь болѣе 20-ти лѣтъ въ числѣ дѣятелей Новгородъ-Сѣверской гимназій, я желаю ей полного преуспѣванія во всѣхъ видахъ ея учебно-воспитательной дѣятельности.

XXX.

Директоръ Тимковскій, его образованіе и служба въ Харьковскомъ Университетѣ.— Его управленіе въ Новгородъ-Сѣверской гимназій.— Попечительство фонъ-Брадко.— Чѣмъ обязаны Тимковскому гимназій и гор. Новгородъ-Сѣверскъ?

Личность Тимковскаго достойна почтительнаго воспоминанія о немъ всякаго, кто зналъ его, когда онъ былъ директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназій. Илія Федоровичъ Тимковскій получилъ высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ, путешествовалъ съ ученою дѣлюю за границу, слушалъ лекціи въ

¹⁾ Въ 1887 году образовалъ хоръ изъ учениковъ гимназій священникъ М. И. Чивилевъ.

Іенскомъ университетѣ и удостоенъ званія почетнаго члена его; имѣя степень доктора правъ, онъ былъ профессоромъ правовѣдѣнія въ Харьковскомъ университетѣ при попечителѣ графѣ Потоцкомъ, о которомъ онъ отзывался всегда съ отличнымъ уваженіемъ. Во время своего профессорства онъ часто былъ командированъ для ревизіи подвѣдомственныхъ Харьковскому округу гимназій; въ Новгородъ-Сѣверскій онъ сблизился съ семействомъ директора гимназій Халанскаго, и женился на его дочери, за которую въ приданое получилъ въ Глуховскомъ уѣздѣ село Турановку. Выйди въ отставку съ пенсіей въ 1000 руб. ассигнац. за свою шестилѣтнюю службу, Тимковскій жилъ помѣщикомъ въ помѣстьѣ своей жены и въ это время исправлялъ должность уѣзднаго глуховскаго судьи; за приведеніе въ порядокъ архива глуховскаго суда награжденъ орденомъ Владиміра 4-ой степени. По смерти Халанскаго родственники его упростили Тимковскаго занять должность директора Новгородъ-Сѣверской гимназій, въ которой онъ и пробылъ 13-ть лѣтъ. Въ старомъ деревянномъ домѣ гимназій не было помѣщенія для директора; Тимковскій постоянно жилъ въ домѣ Халанскихъ, гдѣ находилась при немъ директорская канцелярія, въ которой нисъмоводитель занимался только перепиской бумагъ, потому что Тимковскій самъ составлялъ ихъ. Тимковскій не часто посѣщалъ гимназію, въ которой наблюдалъ за порядками инспекторъ, ежедневно доносившій директору о состояніи гимназій; за то, когда онъ являлся въ гимназію, онъ былъ ея настоящимъ ревизоромъ: его съ заботливостью ожидали ученики и учителя; онъ обходилъ все классы, хвалилъ успѣшныхъ и побуждалъ лѣнливыхъ, прося учителей обращать особенное вниманіе на послѣднихъ; совѣщался съ преподавателями объ ихъ урокахъ, и послѣ всего этого отправлялся въ свою квартиру, гдѣ постоянно занимался дѣлами гимназій; въ нужныхъ случаяхъ онъ посылалъ въ гимназію свои распоряженія чрезъ служителя, постоянно при немъ для того находившагося. Во время экзаменовъ онъ ежедневно утромъ и послѣ обѣда присутствовалъ при испытаніи учениковъ по всемъ предметамъ ихъ ученія, самъ ихъ спрашивалъ и ставилъ отмѣтки по ихъ

отвѣтамъ, а по окончаніи экзаменовъ вмѣстѣ съ учителями совѣщался о переводѣ учениковъ въ высшіе классы, при чемъ великовозрастные ученики, по малоспособности своей не оказавшіе достаточныхъ успѣховъ, но отличающіеся прилежаніемъ и поведеніемъ, были переводимы въ высшіе классы, прочіе малоуспѣшные оставляемы были въ тѣхъ-же классахъ.

Въ то время учениковъ, пробывшихъ болѣе 2-хъ лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ, не исключали изъ гимназіи,—они оставляемы были въ надеждѣ ихъ исправленія; находясь въ гимназіи, такіе ученики не испытывали жалкой участи тѣхъ исключаемыхъ дѣтей, которыя, не имѣя надъ собою училищнаго надзора, развращаются и дѣлаются потерянными для семьи и общества. Изъ учениковъ, засиживавшихся въ низшихъ классахъ гимназіи, многіе мало по малу развивались, успѣшно окончивали курсъ гимназіи, а нѣкоторые изъ такихъ учениковъ въ послѣдствіи выходили изъ гимназіи первыми по успѣхамъ, каковы: Костомахинъ и Чалый; первый отлично окончилъ курсъ наукъ въ Кіевскомъ университетѣ по медицинскому факультету и при немъ былъ оставленъ, а второй, окончивъ въ этомъ-же университетѣ курсъ, былъ превосходнымъ преподавателемъ словесности въ Немировской гимназіи, а послѣ директоромъ нѣжинскаго лицей. Оставшіеся долго въ однихъ и тѣхъ-же классахъ ученики если и не оказывали надлежащихъ успѣховъ, все же учились чему-нибудь въ гимназіи.

Изъ распоряженій, какія Тимковскій дѣлалъ для побужденія учениковъ къ успѣхамъ въ наукахъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что ученики высшихъ 4-хъ классовъ, каждый мѣсяцъ, въ присутствіи директора и учителей, читали свои сочиненія, особо къ тому ими приготовляемыя, при чемъ Тимковскій самъ разбиралъ и исправлялъ такія сочиненія, хвалилъ лучшія изъ нихъ и тѣмъ поощрялъ однихъ и возбуждалъ соревнованіе въ другихъ. Изъ числа учениковъ, отличавшихся тогда первыми опытами своихъ сочиненій, были вышепоименованный Чалый, Константинъ Ушинскій, извѣстный своими руководствами для первоначальнаго обученія, употребляемыми теперь во всей Россіи, и Кулишъ, извѣстный писатель.

Заботясь объ успѣхахъ учениковъ въ наукахъ, Тимковскій принималъ дѣйствительныя мѣры для того, чтобы воспитанники въ гимназiи получали религіозно-нравственное направленіе, приучались соблюдать уставы и обряды церкви; во время говѣнія учениковъ въ домѣ гимназiи онъ самъ вразумительно читалъ для нихъ покаявній канонъ и самихъ ихъ заставлялъ читать то, что слѣдовало въ богослужебной книгѣ; присутствовалъ съ учениками въ церкви, въ которую инспекторъ приводилъ ихъ парами и разставлялъ въ должномъ порядкѣ; квартирнымъ старшимъ приказывалъ строго паблюдать, чтобы ученики исполняли утреннія и вечернія молитвы; учениковъ, желавшихъ молиться въ церкви въ дни рожденія своихъ родителей, или быть на панихидахъ въ дни поминовенія послѣ ихъ смерти, онъ увольнялъ отъ классовъ, въ день же общаго поминовенія умершихъ, послѣ пасхальной педѣли, ученія въ гимназiи не было. Когда какой-нибудь ученикъ гимназiи умиралъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, то какого-бы класса онъ ни былъ, ученики высшихъ классовъ дежурили при тѣлѣ умершаго, а въ день его погребенія всѣ гимназисты съ своимъ хоромъ, въ предшествiи начальства и всѣхъ преподавателей, при звукахъ гимназическаго колокольчика, провожали покойника; шествіе останавливалось передъ воротами гимназiи, гдѣ и совершалась заупокойная литiя, а затѣмъ продолжалось до могилы. Такая погребальная гимназическая процессiя имѣла свое значеніе для учениковъ и ихъ родителей: она была очевиднымъ доказательствомъ, что заведеніе, воспитывающее дѣтей, сочувствуетъ семейному ихъ горю и тѣмъ самымъ возбуждала въ нихъ и въ ихъ родныхъ признательность къ воспитателямъ. О поведенiи учениковъ гимназiи Тимковскій часто получалъ точныя свѣдѣнія отъ инспектора и съ нимъ вмѣстѣ старался исправлять неодобряемыхъ въ поведенiи, призывая такихъ учениковъ къ себѣ въ домъ, чего они боялись, потому что въ такихъ случаяхъ вызываемы были ихъ родители, которымъ Тимковскій предоставлялъ принять съ своей стороны мѣры для исправленія дѣтей.

Тимковскій не хотѣлъ, чтобы ученики подвержены были тѣлеснымъ наказанiямъ въ домѣ гимназiи. Говорили, что когда

не было еще въ гимназіяхъ инспекторовъ и когда наблюденіе за учениками поручалось учителямъ, послѣдніе, въ отсутствіи Тимковскаго, однажды сильно наказали розгами одного провинившагося ученика; Тимковскій сдѣлалъ наказавшимъ сильный выговоръ и запретилъ имъ впредь безъ его вѣдома наказывать тѣлесно.

Въ оффиціальному обращеніи съ учителями и другими чиновниками гимназій Тимковскій являлся начальникомъ, съ которымъ никому изъ насъ и въ голову не приходило вступать въ какую нибудь оппозицію, потому что всѣ мы были увѣрены въ его учености, опытности и благонамѣренности; отъ него многому можно было намъ поучиться. Не сближаясь съ нами до пріятельскихъ отношеній, онъ входилъ въ домашнее положеніе каждаго изъ насъ и самъ распредѣлялъ намъ постояльцевъ изъ учениковъ, соотвѣтственно нашимъ нуждамъ и благонадежности. Зная какую нибудь слабость учителя, Тимковскій, не любя доводить о такихъ слабостяхъ до свѣдѣній высшаго начальства, самъ, домашнимъ образомъ, безъ огласки, дѣлалъ такому учителю вразумленіе, иногда очень эффектное. Жалованье учителямъ онъ всегда выдавалъ самъ, для чего всѣ они въ одно время собирались въ домъ его и изъ пріемной залы по очереди входили въ его кабинетъ, въ которомъ онъ сидѣлъ за столомъ предъ разсчитанными деньгами при запираемыхъ дверяхъ. Однажды учитель исторіи Ерофеевъ, хорошо знавшій и преподававшій свой предметъ, но любившій выпить, вошелъ для полученія жалованья, Тимковскій вручилъ ему деньги, благодарилъ его за успѣхи его учениковъ и заключилъ свою благодарность словами: „выкиньте у себя изъ головы, что хорошій учитель непременно долженъ быть пьяницей“.

Когда Тимковскій говорилъ въ гимназій свои поучительныя рѣчи ученикамъ, то при произнесеніи ихъ онъ казался произведеніемъ искуснаго оратора, но писалъ онъ свои произведенія тяжелымъ слогомъ, за то по содержанію своему сочиненія его были полновѣсны и основательны.

Самъ занимался всѣми дѣлами по гимназій, онъ не успѣвалъ дѣлать все въ свое время; особенно медлителенъ онъ

былъ въ исполненіи предписаній попечителя и иногда посылалъ ему на нихъ свои возраженія, когда находилъ эти предписанія неудобопримѣнимыми къ гимназіи, за что получалъ замѣчанія отъ попечителя фонъ-Брадке, который не любилъ никакого противорѣчія и требовалъ безусловнаго повиновенія отъ университетскаго совѣта, за что въ свою очередь получалъ замѣнія отъ министра народнаго просвѣщенія графа Уварова. Въ послѣдній годъ директорства Тимковскаго, гимназію ревизовалъ попечитель фонъ-Брадке, привезшій съ собою инспектора училищъ Люце. Когда Тимковскій представилъ ему всѣхъ чиновниковъ гимназіи, Брадке спросилъ: какъ исполняютъ службу въ гимназіи вновь опредѣленные имъ преподаватели: закопучитель Илчевскій, поступившій на мѣсто моего тестя, и я. Тимковскій отозвался о насъ съ полнымъ одобреніемъ. Во время экзамена по математикѣ учениковъ спрашивалъ Люце, а фонъ-Брадке сидѣлъ въ сторонѣ, посадилъ около себя одного ученика и обнимая его, въ тоже время дѣлалъ за ошибочные отвѣты экзаменуемыхъ учениковъ грубые выговоры учителю, въ присутствіи всего класса, что всѣхъ насъ оскорбило.—Въ томъ же году Тимковскій, окончивъ 25-ти лѣтній срокъ своей службы, вышелъ въ отставку.

Трогательно было прощаніе Тимковскаго съ гимназіею, при которомъ онъ выразилъ свое сожалѣніе, что оставляетъ еѣ послѣ 13-ти лѣтнихъ трудовъ своихъ. Новгородъ-Сѣверская гимназія лишилась въ немъ директора-воспитателя, а чиновники ея—благодѣтельнаго начальника. Новгородъ-Сѣверская гимназія обязана Тимковскому тѣмъ, что воспитанники ея при немъ и долго послѣ него отличались доброю нравственностью.

Городъ Новгородъ-Сѣверскъ, пока въ немъ будетъ находится гимназія, долженъ съ благодарностью вспоминать Тимковскаго, удержавшаго гимназію на своемъ мѣстѣ. Высшее учебное начальство намѣревалось перевести гимназію изъ Новгородъ-Сѣверска въ Нѣжинъ, и предлагало Тимковскому остаться ея директоромъ. Слухъ объ этомъ сильно смутилъ жителей Новгородъ-Сѣверска, въ особенности торговцевъ, ремесленниковъ и домовладѣльцевъ, получавшихъ отъ гимназіи значи-

тельные выгоды. За себя Тимковскій отвѣчалъ попечителю, что ни въ какой другой гимназій, кромѣ Новгородъ-Сѣверской, онъ служить не желаетъ, а о гимназій вошелъ въ переписку съ Петербургомъ, гдѣ братья жены его Халанскіе, занимавшіе почетныя должности, и вмѣстѣ съ ними Кочубей, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія такой дали успѣшный ходъ ходатайству Тимковского, что гимназія не только была оставлена въ Новгородъ-Сѣверскѣ, но тогда же ассигнована была сумма на постройку новаго каменнаго для нея зданія. Тимковскій, кромѣ зданія для гимназій, предполагалъ выстроить отдѣльныя каменные зданія для церкви и для квартиръ инспектору и директору, для чего имѣлась въ гимназій накопленная сумма денегъ около 80000 руб., по высшее начальство не утвердило этого проэкта и означенную сумму отобрало въ казну, а на постройку для гимназій каменнаго зданія выслало нормальный планъ, по которому и построена теперешняя гимназія, уже послѣ Тимковского при его пріемникѣ

XXXI.

Директоръ Батаровскій.—Строеніе гимназій.—Ревизоръ гимназій попечитель кн. Давыдовъ и профессоръ Ставровскій.—Частные мои уроки въ домѣ Судіенко.—Рекреація.—Положеніе гимназическаго персонала.

На мѣсто Тимковского поступилъ переведенный изъ Каменецъ-Подольской гимназій директоръ Андрей Батаровскій. Говорили, что онъ переведенъ оттуда потому, что попечитель фонъ-Брадке замѣтилъ въ немъ особенное сближеніе съ поляками, что оказалось вѣроятнымъ, такъ какъ и въ нашей гимназій онъ особенно былъ расположенъ къ учителямъ изъ поляковъ, которыхъ называлъ бѣдненькими. При Батаровскомъ дѣла по управленію гимназією и въ особенности отписка по канцеляріи шли скорѣе, чѣмъ при Тимковскомъ, но въ учебно-нравственномъ отношеніи не все шло такъ, какъ было при Тимковскомъ; Батаровскій хорошо дѣлалъ, что ничего не портилъ, только не любилъ слушать, когда кто-нибудь хвалилъ Тимковского.

При Батаровскомъ началась и чрезъ два года окончилась постройка новаго дома гимназiи. Для этого учреждена были при гимназiи строительная коммиссія, членами которой были директоръ, инспекторъ (должность котораго въ это время исправлялъ я, по случаю увольненiя настоящаго инспектора въ Петербургъ для излеченiя его болѣзни) и присланный отъ департамента архитекторъ Трофимовъ съ назначенiемъ ему жалованья, котораго другимъ членамъ коммиссiи не полагалось. Подрядчикомъ строенiя былъ 2-ой гильдiи купецъ Сленьковъ. Закладка новой гимназiи происходила торжественно: почетные граждане города съ цѣховыми значками и духовенство съ хоругвями присутствовали при закладкѣ, которую совершилъ архимандритъ Спасо-Преображенскаго монастыря Геннадiй.

Архитекторъ съ подрядчикомъ не сошлись въ сдѣлкѣ, потому что послѣднiй не согласился дать первому 5000 руб., послѣ чего архитекторъ дѣлалъ разныя придирки подрядчику во время производства строенiя.

Когда стали въ основанiе класть камень, архитекторъ настоялъ, чтобы каждый камень обмазываемъ былъ известью и потомъ уже весь положенный такимъ образомъ рядъ камней заливался известью, что давало особенную прочность фундаменту и что Трофимовъ называлъ римскимъ цементомъ; онъ часто опаздывалъ приходить на работу и когда приходилъ, приказывалъ рабочимъ ломать положенные кирпичи, чѣмъ причинялъ подрядчику убытокъ; но подрядчикъ успѣлъ заручиться благорасположенiемъ попечительской канцелярiи, откуда коммиссія получала разрѣшенiе выдавать подрядчику деньги впередъ противъ положенныхъ сроковъ ихъ выдачи.

Однажды, когда я пришелъ въ строительную коммиссію, директоръ сказалъ мнѣ, что ему спилось, будто шмели налетѣли въ коммиссію и стали кусать членовъ ея. Въ тотъ же день въ коммиссію получены были отъ попечителя 2 выговора, одинъ, и притомъ весьма строгiй, по жалобѣ подрядчика, за то, что она будто бы преждевременно прекратила каменную кладку, за что и должна подвергнуться отвѣтственности за убытки причиненные подрядчику; другой выговоръ за то, что коммиссіею допу-

плено было употребить въ строеніе 20000 недожженного кирпича. Касательно прекращенія каменной кладки директоръ Батаровскій заблаговременно принялъ предосторожность, поручивъ мнѣ ежедневно записывать градусы холода въ осеннее время, и когда въ октябрѣ мѣсяцѣ морозы стали доходить до 7°, тогда прекращена была каменная кладка. По полученіи за это выговора, Батаровскій отнесся въ Черниговскую строительную комиссію съ просьбою выслать въ гимназическую комиссію полное законное постановленіе о каменной кладкѣ въ казенныхъ строеніяхъ, и получивъ отсюда такое постановленіе, увидѣлъ изъ него, что въ Черниговской губерніи каменная кладка должна быть прекращена въ самомъ началѣ октября, что слѣдовательно комиссія поступила по закону; копію этого постановленія онъ послалъ попечителю, прося его снять съ комиссіи выговоръ; попечитель отвѣчалъ, что выговора снять не можетъ, потому что комиссія при закрытіи кладки не имѣла въ виду этого постановленія, а поступила по своему произволу. Послѣ такого отвѣта Батаровскій сказалъ, что послѣ этого ни выговора попечителя, ни изысканія бояться нечего, и что еслибы попечитель рѣшился привести въ исполненіе свою угрозу о взысканіи, то онъ найдетъ защиту у шефа жандармовъ Беккендорфа, котораго онъ вылѣчилъ отъ болѣзни, бывши полковымъ штабъ-лекаремъ.

Касательно нежженныхъ кирпичей, употребленныхъ въ кладку, попечитель сносился съ строительнымъ департаментомъ, который отвѣчалъ, что нежженные кирпичи, употребленные въ коридорныя стѣны, не ослабятъ ихъ крѣпости. По окончаніи постройки дома гимназій, онъ былъ освященъ съ такимъ же торжествомъ, какое было при его закладкѣ; по освященіи новаго зданія въ немъ совершился и торжественный актъ, на которомъ я читалъ мою историческую о гимназій записку, составленную на основаніи документовъ, доставленныхъ мнѣ Тимковскимъ. Послѣ акта въ нижней залѣ, почетный попечитель гимназій Ладомирскій далъ богатый обѣдъ для почетныхъ лицъ изъ духовенства, дворянъ и чиновниковъ гимназій. Онъ же Ладомирскій въ то время подарилъ гимназій: дорогой портретъ

Императора Николая I-го въ богатой золоченой рамѣ, двѣ бронзовыя люстры, кафедру для залы, большую электрическую машину для физическаго кабинета и для рисовальнаго класса—выписанные изъ-за границы оригиналы, которые развѣшаны были въ торжественной залѣ; старый деревянный домъ гимназій онъ на свой счетъ перенесъ и передѣлалъ для общей ученической квартиры; въ этомъ домѣ теперь помѣщаются квартиры для директора и инспектора.

При Батаровскомъ въ гимназій въ разное время были 2 ревизіи, изъ которыхъ 1-ую производилъ попечитель округа князь Давыдовъ. Грозно было его прибытіе: проходя сѣни гимназій, гдѣ его встрѣтили всѣ чиновники гимназій, онъ не отвѣтилъ на ихъ поклоны; войдя въ классъ, онъ тотчасъ же началъ производить испытаніе учениковъ, во время котораго молчалъ. Когда испытаніе происходило по исторіи, онъ, при ошибочныхъ отвѣтахъ нѣкоторыхъ учениковъ, дѣлалъ грубые выговоры учителю этого предмета Ерофееву, и наконецъ сказалъ, что пошлетъ его въ уѣздное училище. Мы никакъ не могли понять, за что была такая немилость къ учителю, который хорошо зналъ и преподавалъ свой предметъ; вскорѣ этого учителя Давыдовъ перевелъ въ Немировскую гимназію. Впоследствии мы узнали, что еще до экзамена директоръ Батаровскій сказалъ кн. Давыдову, что Ерофеевъ въ передней графини Цармы, знакомой Батаровскаго, за что-то толкнулъ ея лакея.—На другой день князь Давыдовъ при испытаніи учениковъ былъ гораздо ласковѣе. Когда шелъ экзамень по латинскому языку, онъ хвалилъ учениковъ, едва-ли самъ зналъ этотъ предметъ; когда же я попросилъ его выслушать, какъ ученики мои читаютъ латинскіе стихи, онъ сталъ еще болѣе ихъ расхваливать; на третій день, окончивая испытаніе, кн. Давыдовъ съ весьма ласковымъ видомъ сказалъ намъ: я нахожу, что Новгородъ-Сѣверская гимназія гораздо лучше того, что мы объ ней наговорили. Мы думали, что послѣ такого отзыва его намъ по крайней мѣрѣ въ печатномъ циркулярѣ будетъ объявлена похвала, но не тутъ-то было: князь Давыдовъ былъ та-

кой человекъ, словамъ котораго не вѣрили даже и тогда, когда онъ былъ вице-президентомъ академіи наукъ.

Въ другой разъ ревизоромъ былъ профессоръ Университета Ставровскій. Но прежде, нежели я буду говорить объ его ревизіи, скажу, что за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія его произошла перемѣна въ предметъ моего преподаванія. Батаровскій, по просьбѣ недавно опредѣленнаго учителемъ исторіи поляка Левандовскаго, невѣдомо для меня сдѣлалъ попечителю представленіе, что Левандовскому, какъ поляку, неудобно преподавать въ гимназій Всеобщую и Русскую исторію, а какъ Самчевскій преподавалъ этотъ предметъ въ Черниговской семинаріи, то онъ находитъ, что было бы удобнѣе поручить Самчевскому преподаваніе исторіи, а Левандовскому—латинскаго языка, что и было утверждено попечителемъ. Представленіе Батаровскаго было конечно резонно, но для меня оно было не выгодно, такъ какъ, преподавая латинскій языкъ, я настолько себя усвоилъ его, что у меня оставалось довольно свободнаго времени для домашняго обученія сыновей моихъ, которыхъ я приготовлялъ прямо къ 4-му классу; кромѣ того, преподаваніе исторіи учителемъ Глушановскимъ, бывшимъ до Левандовскаго, было запущено по всѣмъ классамъ по причинѣ частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ его изъ Новгородъ-Сѣверска; къ тому же въ это время послѣдовала перемѣна, какъ въ преподаваніи исторіи по болѣе обширной программѣ, такъ и въ учебныхъ по ней руководствахъ: по Всеобщей исторіи введены были въ употребленіе три тома учебника Смарагдова, для древней, средней и новой исторіи, а для русской исторіи руководство Устрялова въ 5-ти частяхъ. Въ короткое время пройти по этимъ руководствамъ, все непреподанное учителемъ Глушановскимъ было не возможно. Наконецъ ожидался ревизоръ, специалистъ въ историческихъ наукахъ, профессоръ исторіи Ставровскій. Онъ прибылъ прямо въ гимназію и прежде, нежели успѣли собраться въ нее всѣ преподаватели, началъ экзаменовать учениковъ разомъ по всѣмъ предметамъ; по исторіи ученики мои смѣшались въ отвѣтахъ по непреподаннымъ отдѣламъ.

Послѣ утренняго экзамена Баторовскій былъ такъ добръ, что пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ вмѣстѣ съ ревизоромъ, и когда я представилъ послѣднему причину замѣшательства моихъ учениковъ въ отвѣтахъ по исторіи, онъ поддержалъ меня, засвидѣтельствовавъ, что представленная мною причина справедлива; при этомъ я просилъ Ставровскаго испытать учениковъ моихъ въ пройденныхъ съ ними мною отдѣлахъ, на что онъ охотно согласился и послѣ обѣда ученики мои оказались въ отвѣтахъ своихъ исправными. Въ печатномъ циркулярѣ, какой обыкновенно разсылался по гимназіямъ съ отзывомъ о нихъ ревизора, объявлена была благодарность Левандовскому за успѣшное преподаваніе латинскаго языка, а обо мнѣ сказано было, что въ короткое время преподаванія мною исторіи я успѣшно прошелъ съ учениками значительную часть того, что въ свое время учителемъ не было преподано имъ.

Во время директорства Баторовскаго мнѣ представился случай давать частные уроки. Помѣщикъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда Судіенко сталъ жить въ своемъ Новгородъ-Сѣверскомъ домѣ для обученія сыновей своихъ, для чего приглашены были преподаватели гимназіи по разнымъ предметамъ, кромѣ латинскаго языка, которому сыновья Судіенка еще не обучались. Когда же учитель исторіи Ерофеевъ выбылъ изъ Новгородъ-Сѣверска, то на мѣсто его приглашенъ былъ я преподавать этотъ предметъ, послѣ я давалъ уроки сыновьямъ Судіенка по Закону Божію, русскому языку и словесности. Сыновья Судіенка учились хорошо, особенно изъ нихъ даровитъ былъ старшій. Послѣ нѣкотораго времени родители Судіенки пожелали, чтобы сыновьямъ ихъ произведенъ былъ домашній экзаменъ, на который приглашены были архимандритъ и директоръ гимназіи. Ученики наши на испытаніи получили похвалу отъ экзаменовавшихъ ихъ, чѣмъ родители много были обрадованы и благодарили всѣхъ насъ. Въ это время Судіенко былъ почетнымъ попечителемъ Черниговской гимназіи, которой при самомъ вступленіи своемъ въ эту должность пожертвовалъ 30000 руб. въ дополненіе къ пожертвованному отцомъ его капиталу въ девяносто тысячъ рублей для устройства при Черниговской гим-

назіи благороднаго пансіона. Судіенко, пользуясь особеннымъ за то уваженіемъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, предлагалъ мнѣ свое ходатайство о назначеніи меня инспекторомъ въ подвѣдомую ему Черниговскую гимназію; когда я не могъ принять такого предложенія по нежеланію моему оставить свой домъ и семейство, онъ поручилъ мнѣ отъ лица его написать попечителю рекомендательное письмо объ учителѣ *Китченко* ¹⁾, который по этой рекомендаціи и былъ назначенъ инспекторомъ въ

¹⁾ Въ дополненіе къ этому сообщаемъ нѣсколько интересныхъ данныхъ, касающихся личности *Китченко* и любезно переданныхъ въ наше распоряженіе однимъ изъ бывшихъ учениковъ О. А. Самчевскаго.—*Ред.*

Не вѣдалъ Судіенко, что творилъ. Китченко, Федоръ Андреевичъ, отошедшій уже въ царство тѣней, былъ инспекторомъ Черниговской гимназіи въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ; онъ былъ извѣстенъ между учениками того времени, какъ жестокой «бичъ» и «людоѣдъ». Во время его инспекторства стоялъ стонъ и раздавались вопли во всѣхъ трехъ ученическихъ помѣщеніяхъ: въ зданіи гимназіи, пансіонѣ и въ общей квартирѣ. Ежедневно являлся Китченко въ 8 часовъ утра въ пансіонъ при гимназіи и здѣсь выслушивалъ докладъ воспитателей объ ученикахъ, которые подлежали, по ихъ мнѣнію, наказанію. Зная любовь Китченка къ истязаніямъ дѣтей, воспитатели не скупились и указывали (беря *minimum*) не менѣе двухъ учениковъ на отдѣленіе, которыхъ было 8, такъ какъ первые 4 класса имѣли по два отдѣленія. Эти несчастные тотчасъ Китченкомъ отзывались «внизъ къ Минѣ». Мина былъ сторожъ при карцерахъ, любимецъ Китченка «по хлесткости ударовъ»; на обязанности его лежало имѣть всегда огромный запасъ розогъ. Осмотрѣвъ пансіонъ, Китченко спускался внизъ къ Минѣ, входъ къ которому было налѣво отъ воротъ въ зданіи старой гимназіи и здѣсь производилась жестокая экзекуція. Во время перемѣнъ между уроками, Китченко входилъ въ классы, и, осмотрѣвъ учительскій журналъ, объявлялъ приказъ получившимъ единицы, а иногда и двойки, идти немедленно къ Минѣ, или приказывалъ остаться послѣ уроковъ. Въ половинѣ третьяго часа уроки оканчивались; послѣ выхода учениковъ и учителей изъ зданія гимназіи, Китченко шелъ въ классы и забиралъ съ собою изъ первыхъ четырехъ классовъ оставленныхъ имъ

Черниговскую гимназію, въ которой послѣ былъ директоромъ.— Судіенки ко всѣмъ намъ очень были расположены, и во всѣ праздничные дни всѣ мы у нихъ гостили. Лѣтнее время семейство Судіенковъ проводило въ своемъ помѣстьѣ Очкинѣ, откуда за каждымъ изъ обучавшихъ ихъ дѣтей присылали экипажъ; во время же лѣтнихъ вакацій мы все это время жили гостями въ Очкинѣ, пользуясь всѣми удовольствіями, какія представлялъ тогда богатый барскій домъ, въ которомъ была картинная галлерей, богатая библіотека, билліардъ, въ усадьбѣ большой паркъ въ англійскомъ вкусѣ, тамъ же купальня; послѣ вкуснаго обѣда

учениковъ и велъ къ Минѣ. Вопль и плачь дѣтей оглашалъ все пустое зданіе гимназіи. Безъ всякаго преувеличенія можно опредѣлить сколько ежедневно учениковъ Китченко подвергалъ тѣлесному наказанію: въ 8 отдѣленіяхъ было по 4 урока; предположимъ, что только одинъ ученикъ въ отдѣленіи получалъ единицу, итого 34 ученика ежедневно наказывались розгами. Насладившись истязаніемъ дѣтей въ пріемной Мины, Китченко отиравался въ общую ученическую квартиру, помѣщавшуюся въ домѣ Сѣрикава, вправо отъ гимназіи; здѣсь повторялась та-же исторія, что въ 8 часовъ утра въ пансіонѣ, съ той только разницей, что экзекуція исполнялась немедленно только въ праздничные дни, а въ обыкновенное время Китченко объявлялъ: «Остаться завтра послѣ уроковъ!» Такихъ учениковъ общая квартира поставляла Китченку столько-же, сколько и пансіонъ, не менѣе 8 человекъ. Каждый день Китченко подвергалъ истязаніямъ не менѣе 50 учениковъ, многіе наказывались въ день по два раза; ранѣе разрисованные узоры не останавливали Китченка; онъ на эти узоры наводилъ новыя краски. Что въ названной цифрѣ не только нѣтъ преувеличенія, но она даже и очень уменьшена, вѣроятно засвидѣтельствуютъ всѣ бывшіе при Китченкѣ въ черниговской гимназіи. Впрочемъ можно указать и на официальные подтвержденія жестокости и безчеловѣчія Китченка. Изъ Чернигова Китченко былъ переведенъ въ началѣ 50-хъ годовъ въ житомирскую гимназію; послѣ сего проходитъ 10 лѣтъ; настало иное время, явилось положеніе 19 февраля; мрачный періодъ нашей крѣпостной жизни кончился и безправіе осталось назади. Эта обновленная наша жизнь выразилась всюду, въ каждомъ учрежденіи, только Китченко, этотъ гимназическій Ушаковъ XIX вѣка, былъ чуждъ ей, — все прошло мимо него:

мы обыкновенно съ семействомъ Судіенковъ или катались на лодкахъ по рѣкѣ Деснѣ, или ѣздили въ экипажахъ въ хутора, гдѣ опять насъ угощали сельскими произведеніями—молокомъ и ягодами; вечеромъ всѣ собирались на семейный чай, при которомъ вновь предлагались намъ разныя сласти изъ произведеній фруктоваго сада, оранжерей и парниковъ; все это, при любезномъ съ нами обращеніи радушныхъ хозяевъ, доставляло намъ такое пріятное препровожденіе времени въ Очкинѣ, что изъ него не хотѣлось бы возвращаться въ Новгородъ-Сѣверскъ, казавшійся послѣ Очкина бѣднымъ и скучнымъ.

въ 1858 и 1859 гг. въ попечительство Пирогова, были затребованы свѣдѣнія отъ всѣхъ гимназій Кіевского округа о количествѣ учениковъ, наказанныхъ розгами въ теченіе учебнаго года. Изъ этого отчета, напечатаннаго въ тоже время въ журналѣ М. Н. П., видно, что въ каждой гимназій наказанные считались десятками, а въ Житомирской, гдѣ директорствовалъ Китченко, число сѣченыхъ перевѣсило многія сотни. Эта цифра въ то время поразила всѣхъ; но, зная Китченка, можно съ увѣренностью сказать, что онъ умышленно утаилъ въ отчетѣ многія сотни, если не тысячи. Сѣченіе учениковъ для Китченка было истиннымъ наслажденіемъ; это его единственное занятіе, его единственный трудъ на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія Китченко ровно ничего не дѣлалъ. Надо было только видѣть, съ какимъ плотояднымъ выраженіемъ на лицѣ разговаривалъ Китченко съ новичкомъ, только что поступившимъ въ гимназію изъ подъ маменькинаго крылышка. Рѣдко эти бѣдняжки и недѣлю проживали, не побывши въ лапахъ Китченка и Минны. Обыкновенно Китченко спрашивалъ поступившаго ученика: знаетъ ли онъ розги и, если получался отвѣтъ, что дома его никогда не сѣкли, Китченко вскорѣ къ чему нибудь привязывался и знакомилъ его съ пріемной Минны. Однажды поступилъ въ общую квартиру ученикъ 2 класса Джогинъ, лѣтъ 12, розовый, кругленькій и красивый мальчпкъ—кровь съ молокомъ. Пріѣзжаетъ въ общую квартиру Китченко, увидя Джогина, онъ спросилъ фамилію, тотъ отвѣтилъ. На другой день опять тотъ же вопросъ. Глядя на выраженіе лица Китченка, всѣ тотчасъ почувствовали, что Джогинъ уже намѣченъ, что Китченко равнодушно мимо него пройти не можетъ и сказалъ объ этомъ Джогину. «Не боюсь,—отвѣтилъ Джогинъ, меня мама приготовила въ 4

Судієндо передъ отѣздомъ своимъ въ Кієвъ, гдѣ захотѣлъ поселиться для дальнѣйшаго образованія своихъ сыновей, дружески попрощался съ нами, сожалѣя, что разстается съ такими усердными наставниками его дѣтей, какихъ желалъ бы найти въ Кієвѣ; тогда же онъ разомъ уплатилъ намъ всѣ деньги, причитавшіяся за наши уроки; на доставшуюся мнѣ значительную сумму я произвелъ перестройки въ своемъ домѣ и покрылъ домъ желѣзомъ. Старшій мой сынъ Иванъ слушалъ лекціи и окончилъ курсъ въ Кієвскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Ростовцевымъ и старшимъ сыномъ Судієнка Іосифомъ, съ которымъ вмѣстѣ жили и приготовлялись къ окончательному экзамену;

классъ и только по просьбѣ директора согласился на опредѣленіе меня во 2 классъ, я и языки знаю, всегда съ мамой говорю и по французски и по нѣмцки». Пріѣзжаетъ въ третій разъ Китченко, опять подходитъ къ Джогину и спрашиваетъ надзирателя, какъ онъ ведетъ себя. Надзиратель отвѣтилъ: «ничего, только сегодня ударилъ книгою по лицу товарища». — За что? — «Тотъ началъ дразнить его, а Джогинъ бросилъ въ него книгу и попалъ въ лицо». — Ну, а если бы ты попалъ въ глазъ и выбилъ, — сказалъ Китченко, ступай на дрожки. Всѣмъ было извѣстно, что значить «ступай на дрожки». Китченко всегда пріѣзжалъ въ общую квартиру на собственныхъ дрожкахъ, на нихъ онъ возилъ ученика на свиданіе къ Минѣ, а отъ послѣдняго ученикъ уже возвращался въ общую квартиру пѣшкомъ. Бѣдный Джогинъ явился чрезъ полчаса, лица на немъ не было; нѣсколько дней мальчикъ плакалъ съ утра до вечера, ночи неспалъ изъ страха. «Что если мама узнаетъ, она непременно умретъ», — говорилъ товарищамъ Джогинъ. Всѣ успокаивали его, принимая участіе въ его горѣ. Послѣ этого случая Китченко такъ привязался къ Джогину, такъ сѣкъ его за всякую мелочь, что къ концу перваго года отъ Джогина осталась только тѣнь, полнота и розовый цвѣтъ лица были сѣдены Китченкомъ. Когда въ началѣ іюня пріѣхала, кажется изъ стародубскаго уѣзда, мать Джогина и увидѣла въ общей залѣ блѣднаго, замученнаго своего сына, съ нею сдѣлался обморокъ, она такъ рыдала, глядя на него, что всѣ ученики прослезились. Это была такая сцена, которая на всю жизнь осталась въ памяти присутствовавшихъ; всѣ видѣли и знали, что былъ Джогинъ и что сталъ; всѣ дѣти понимали и раздѣляли ужасъ и отчаяніе матери.

всѣ трое кончили курсъ кандидатами; покойный сынъ мой былъ послѣ инспекторомъ 2-ой кіевской гимназіи, Ростовцевъ теперь помощникъ кіевского попечителя, а Судіенко Владимірскій губернаторъ.

Отецъ Судіенка и въ послѣдующее время во многихъ случаяхъ оказывалъ мнѣ благодѣтельное участіе, котораго я никогда не забуду. По выходѣ моемъ въ отставку отъ службы я долгое время жилъ въ его домѣ, о чемъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ.

Мы выше сказали, что истязаніе учениковъ было наслажденіемъ Китченка и сослались на Ж. М. Н. П. Чтобы читатель могъ убѣдиться въ справедливости сказаннаго, мы отсылаемъ его къ 1 т. соч. Добролюбова, стр. 234; здѣсь имѣется таблица о числѣ высѣченныхъ въ 1858 году гимназистахъ въ Кіевскомъ округѣ; изъ этой таблицы оказывается, что было высѣчено: въ кіевской 1-й гимназіи 3, въ ровенской 6, въ новгородсѣверской 8, въ черниговской 18, въ вѣжнинской 20, въ подольской 37, въ бѣлоцерковской 38, въ полтавской 39, въ кіевской 2-й 43, въ немировской 67, въ житомірской 290.

Послѣ описанныхъ дѣяній Китченка въ черниг. гимназіи невольно возникаетъ вопросъ, кто же былъ въ то время директоромъ и какъ послѣдній могъ допустить устройство Китченкомъ застѣнка въ помѣщеніи Мины, гдѣ ежедневно проливалась кровь дѣтей. Директоромъ въ Черниговѣ въ то время былъ извѣстный педагогъ Януарій Михайловичъ Невѣровъ, въ послѣдствіи попечитель кавказскаго учебнаго округа, умершій 27 мая 1893 года. Чрезвычайно странное совпаденіе: съ одной стороны добрый, гуманный, ученый, идеально честный директоръ (такъ говорятъ близко знавшіе Невѣрова), а съ другой — Китченко, — полнѣйшее воплощеніе звѣря, палача, и оба они стоятъ во главѣ одного и того же воспитательнаго заведенія. Въ нашей памяти остались слѣдующія отношенія Невѣрова въ гимназіи: рѣдко, очень рѣдко являлся Я. М. въ классы, всегда въ сопровожденіи почтительнаго по виду и манерамъ Китченка. Бывало войдетъ Невѣровъ въ классъ, посмотритъ на потолокъ и углы класса (ученики все время стоятъ), спроситъ у стоящаго около ка-

Здѣсь я хочу вспомнить о томъ неблагопріятномъ положеніи, въ какомъ находился гимназическій персоналъ въ послѣдней половинѣ 30-хъ и въ первой половинѣ 40-хъ годовъ. Въ то время преподаватели гимназіи не могли быть увѣрены, что останутся на своихъ мѣстахъ, потому что высшее учебное начальство имѣло обыкновеніе переводить изъ западныхъ губерній учителей польскаго происхожденія въ русскія губерніи, а отсюда русскихъ учителей высылало на ихъ мѣсто въ западныя губерніи, не спрашивая желанія переводимыхъ и не обращая вниманія на ихъ семейныя обстоятельства. И я былъ уже назначенъ преподавать латинскій языкъ въ кievской гимназіи, гдѣ современемъ, (когда лучше стали смотрѣть на учителей), можетъ быть имѣлъ бы лучшій ходъ по службѣ, но не желая оставить домъ мой и крайне затрудняясь, при моемъ недостаточномъ состояніи, переѣздомъ съ семействомъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ долженъ бы нанимать для себя квартиру за двойную цѣну, я едва и съ трудомъ упросилъ начальство оставить меня на моемъ мѣстѣ. Учителей гимназіи тогда не награждали, какъ

оелры учителя о чемъ урокъ, а затѣмъ скажетъ, обращаясь къ ученикамъ: «учитесь, дѣти, учитесь!» и уйдетъ изъ класса. Посѣщеніе долѣе 2-хъ, 3-хъ минутъ не продолжалось.—Въ общей квартирѣ если и бывалъ Я. М., то такъ рѣдко, что трудно сказать утвердительно бывалъ-ли онъ два раза въ годъ. Вообще Невѣровъ былъ извѣстенъ ученикамъ только по фамиліи. Что дѣлалъ Я. М., чѣмъ занимался, какія его отношенія были къ учителямъ, въ чемъ проявился его директорскій надзоръ, все это было тайной для учениковъ гимназіи его времени. При иномъ директорѣ, который обращалъ бы вниманіе что дѣлается въ стѣнахъ гимназіи, равнѣ могло бы существовать пыточное заведеніе Китченка и уроки учителя математики Токарскаго, тоже Федора. Каждый ученикъ, вспоминая Китченка, всегда вспомнитъ и Токарскаго. Особенность этого педагога заключалась въ томъ, что спрашивая уроки въ первыхъ четырехъ классахъ у доски, онъ всегда стоялъ тутъ-же, и при каждой ошибкѣ немилосердно билъ линейкой по рукамъ ученика, дралъ до крови за уши, или крутилъ носъ. Нерѣдко послѣ отвѣта урока ученикъ садился на скамью со вспухшими руками, ушами и носомъ. Каждый съ ужасомъ шелъ, по вызову, къ

теперь, ни деньгами ни орденами, которыхъ не получали даже директора, какъ Тимковскій и Баторовскій. Учителей тогда считали работниками, обязанными нести возлагаемые на нихъ труды за одно скудное ихъ жалованье; бывали случаи, когда у нихъ, по какой-нибудь частной причинѣ, отнимали право содержать у себя на квартирѣ учениковъ, а если позволяли, то съ сильными стѣснительными условіями. Нѣкоторые попечители прямо говорили, что хорошихъ учителей награждать не слѣдуетъ, потому что они должны быть хорошими, въ противномъ случаѣ должны быть удалены. Вообще учителей считали способными только преподавать уроки, но не способными занимать инспекторскія и директорскія должности, которыя давались почетнымъ дворянамъ или отставнымъ военнымъ, а иногда поручали эти должности лицамъ, которыя по спеціальнымъ своимъ занятіямъ совсѣмъ не были подготовлены и не могли служить по учебной части, и подъ начальствомъ такихъ выходцевъ, скрѣпя сердце,

доскѣ; этотъ страхъ въ ожиданіи побоевъ былъ причиною, что и знающій урокъ ученикъ ошибался и за ошибки подвергался щипкамъ, ударамъ, крученію носа и ушей.—Ничего подобного нельзя сказать о другихъ учителяхъ того времени; были между ними плохіе педагоги, но были люди и вполне порядочные. Къ послѣднимъ, безъ сомнѣнія, нельзя причислить учителя русской словесности Лузанова, которому впоследствии, когда онъ служилъ при черниговскомъ губернаторѣ Гессе чиновникомъ особыхъ порученій, былъ свѣше, изъ С.-Петербурга, заурещенъ въѣздъ въ раскольниковыя слободы губерніи. Въ гимназіи Китченкомъ было устроено 4 карцера для учениковъ высшихъ классовъ: два карцера были совершенно темные, одинъ свѣтлый, а одинъ съ окномъ, забитымъ на половину досками. Наполненіе карцеровъ происходило тотчасъ послѣ уроковъ, и заключеніе продолжалось часто до другого дня, а иногда и нѣсколько дней, смотря по озлобленію Китченка на провинившагося ученика. Заключеннымъ Миша давалъ разъ въ день по куску хлѣба и кружкѣ воды; постелью служилъ совершенно грязный голый полъ; температура зимою была въ карцерахъ немного выше нуля, то-есть, тепла было настолько, чтобы не было къ утру замерзшаго трупа.

должны были находиться заслуженные учителя, имѣвшіе ученыя степени кандидатовъ и магистровъ. Повѣритъ ли кто въ теперешнее время, что въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи должность директора исправлялъ чловѣкъ, бывшій селитренныхъ дѣлъ мастеръ? А таковъ былъ Бездонъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

XXXII.

Директоръ гимназій Бездонъ, инспекторъ Писаревъ и учитель Лещинскій. — Назначеніе меня инспекторомъ Немировской гимназій, выѣздъ изъ Новгородъ-Сѣверска, пребываніе въ Кіевѣ и прибытіе въ Немировъ.

Бездонъ былъ нѣмецкій полякъ, пришедшій съ войсками нашими, возвратившимися изъ заграницы въ 1815 году; онъ намѣревался служить въ артиллеріи, но не поступилъ въ полкъ, а былъ селитренныхъ дѣлъ мастеромъ въ петербургскомъ пороховомъ заводѣ, изъ котораго перешелъ надзирателемъ въ стеклянный императорскій заводъ, гдѣ въ то время служащіе производили злоупотребленія и гдѣ Бездонъ нажилъ себѣ порядочный капиталъ, затѣмъ, какъ говорили, женился на любовницѣ генерала Клейнмихеля, за которою получилъ богатое приданое. Бездонъ, дослужившись до чина титулярнаго совѣтника, пожелалъ сдѣлаться дворяниномъ и обзавестись крестьянами; для этого онъ прибылъ въ Кіевъ и, умѣя говорить по-французски съ помощію пріятелей своихъ, опредѣлился надзирателемъ благороднаго пансіона, въ которомъ, прослуживъ два года, сдѣланъ былъ инспекторомъ Новгородъ-Сѣверской гимназій, а еще черезъ два года, когда директоръ Баторовскій, по окончаніи своей 25-ти лѣтней службы, не былъ оставленъ еще на пять лѣтъ, по-

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 5.

тому что кїевскіе благопрїятелі Бездона хотѣли очистити для него директорское мѣсто, онъ и получилъ его съ названіемъ исправляющаго должность директора. Можно судить, каковъ былъ директоръ Бездонъ, который самъ не могъ порядочно составлять представленія попечителю. Сдѣлавшись директоромъ, Бездонъ зажилъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ богатымъ бариниомъ, имѣя пару прекрасныхъ лошадей. У него жили 2 племянницы его жены; для одной изъ нихъ онъ прочилъ въ женихи инспектора гимназіи Писарева, поступившаго на эту должность изъ отставныхъ прапорщиковъ, и дѣло пошло было на ладъ, но скоро Писаревъ съ Бездономъ не поладили, и на мѣсто Писарева явился другой женихъ, полякъ, учитель Лещинскій, человѣкъ слишкомъ молодой, легкомысленный и пустой; онъ поправился семейству Бездона и сдѣлался въ немъ домашнимъ человѣкомъ. На потѣху Бездонамъ Лещинскій написалъ и читалъ имъ какую-то комедію, въ которой осмѣялъ всѣхъ насъ. Въ это время я исправлялъ должность инспектора по случаю отъѣзда Писарева въ Кіевъ для излѣченія своей болѣзни, къ своему брату, бывшему правителемъ канцеляріи при генераль-губернаторѣ Бибииковѣ. Учителя поляки просили меня объяснитьсь съ Бездономъ на счетъ этой комедіи, но я, зная, что они при случаѣ отречутся отъ своихъ словъ, соглашался на объясненіе съ Бездономъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они представили мнѣ эту комедію, а такъ какъ они ее мнѣ не представили, то я и молчалъ. Впослѣдствіи Бездонъ выговаривалъ мнѣ за то, что я не открылъ ему неудовольствія противъ него учителей. Я отвѣчалъ, что не придавалъ вѣры слуху о комедіи и что, если въ самомъ дѣлѣ было что либо подобное читано въ его семействѣ, то это ему самому лучше извѣстно. Но Лещинскій своимъ легкомысліемъ приготовилъ Бездону и самому себѣ катастрофу: въ классѣ, предъ учениками, онъ позболилъ себѣ глумиться надъ нашею церковью и ея святыми угодниками. Слухъ объ этомъ его глумленіи разнесся по гимназіи и дошелъ до Кіева, откуда присланъ былъ въ гимназію инспекторъ казенныхъ училищъ Могиланскій произвести на мѣстѣ слѣдствіе, по которому Бездонъ и Лещинскій оказались виноватыми. По до-

несеніи о томъ Могилянскаго попечитель Бибииковъ, не любившій шутить съ поляками, отрѣшилъ Бездона отъ должности, а Лещинскаго назначилъ учителемъ въ Суражское уѣздное училище. Катастрофа эта съ Бездономъ произошла въ то время, когда я уже былъ въ Немировѣ.

Въ Немировѣ я очутился совсѣмъ для меня неожиданно. Въ октябрѣ 1848 года оканчивался 25 лѣтній срокъ моей службы, и я не былъ увѣренъ, оставятъ ли меня еще на службѣ, или я получу отставку съ пенсіономъ учительскаго жалованья въ 400 руб.; но недоумѣніе мое счастливо разрѣшилось не только оставленіемъ меня на службѣ, но и повышеніемъ въ служебной должности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ увеличеніемъ моего пансіона на 100 руб. Въ это время новый попечитель Траскинъ, первый изъ начальниковъ кievскаго учебнаго округа, обратилъ доброе вниманіе на службу учителей гимназій; по случаю бывшей въ 1848 году холеры открылись въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ инспекторскія вакансіи, и Траскинъ циркулярнымъ предписаніемъ директорамъ гимназій потребовалъ, чтобы они для назначенія на эти вакансіи представили заслуженныхъ учителей, которые тогда раздѣлялись на старшихъ и младшихъ. Такъ какъ я служилъ долѣе всѣхъ старшихъ учителей и одобряемъ былъ отъ начальства, то Бездонъ представилъ меня и еще младшаго учителя поляка Осѣчковскаго. Вскорѣ послѣдовало изъ канцеляріи попечителя на имя мое предписаніе, въ которомъ было сказано, что попечитель, желая назначить меня инспекторомъ въ немировской или ровенской гимназіи, спрашиваетъ меня, въ которой изъ этихъ двухъ гимназій я желаю занять должность инспектора. Я отвѣчалъ, что готовъ служить инспекторомъ въ той изъ этихъ гимназій, въ какую его превосходительство самъ изволитъ назначить меня, и Траскинъ назначилъ меня въ немировскую гимназію. Повторю здѣсь то же, что сказалъ я при опредѣленіи меня учителемъ новгородъ-сѣверской гимназіи: *Sic fata volebant*. Видно, въ Немировѣ мнѣ суждено было получить испытаніе, какого я еще не имѣлъ на службѣ.

Когда сослуживцы мои узнали о назначеніи меня инспекторомъ немировской гимназіи, то учителя поляки, завидуя мнѣ,

говорили, что въ Немировѣ меня ожидаетъ счастливая служба и жизнь; напротивъ, русскіе учителя, служившіе прежде въ западныхъ губерніяхъ говорили мнѣ, что служба тамъ для русскихъ чиновниковъ тяжела и непріятна.

Оставивъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ жену мою съ младшимъ сыномъ моимъ Михаиломъ, окончивавшимъ курсъ въ 7 классѣ, я 1 октября того же 1848 года отправился къ мѣсту моего назначенія. Въ Кіевѣ я имѣлъ надобность повидаться съ старшимъ сыномъ моимъ Иваномъ, обучавшимся въ университетѣ, и получить нужныя для меня свѣдѣнія о директорѣ немировской гимназіи Зимовскомъ, о которомъ я тогда узналъ, что онъ, окончивъ въ Харьковскомъ университетѣ курсъ съ званіемъ студента, служилъ секретаремъ въ канцеляріи попечителя Фонъ-Брадке, который сдѣлалъ его инспекторомъ нѣжинскаго лицея, а потомъ директоромъ немировской гимназіи. Близкіе къ высшему вачальству лица говорили мнѣ, что я буду служить подъ начальствомъ лучшаго изъ директоровъ кіевского учебнаго округа и что, прослуживъ съ нимъ нѣкоторое время, самъ буду директоромъ; другіе, знавши Зимовскаго по службѣ его въ Кіевѣ и Немировѣ, сказывали мнѣ, что служба моя у Зимовскаго будетъ для меня тягостна, что предмѣстникъ мой Беккаревичъ изъ духовнаго званія, магистръ, на службѣ при Зимовскомъ въ должности инспектора былъ мученикомъ. Вотъ съ какими свѣдѣніями о Зимовскомъ я отправился въ Немировъ.

XXXIII.

Директоръ Немировской гимназіи Зимовской; образъ управленія его гимназією.—Общая ученическая квартира.—Вамсательность Зимовскаго.—Продовольствіе учениковъ въ общей квартирѣ.—Ученикъ Жабокрицкій.—Разсужденіе объ общихъ квартирахъ.

Приступаю къ самому непріятному для меня воспоминанію объ инспекторской службѣ моей въ немировской гимназіи. Благодарю Бога, что этотъ несчастный періодъ моей службы былъ непродолжителенъ, что я могъ перенести представившееся мнѣ испытаніе и благополучно возвратиться въ родной мой Новгородъ-Сѣверскъ, къ родной моей семьѣ.

Въ Немировъ я прибылъ 13-го октября 1848 года и остановился въ квартирѣ учителя словесности М. К. Чалаго, бывшаго прежде ученикомъ моимъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Въ тотъ же день я, какъ слѣдовало, въ полной формѣ явился къ Зимовскому. Онъ встрѣтилъ меня съ серьезнымъ видомъ и замѣчаніемъ, что я поздно прибылъ на службу; я отвѣчалъ ему, что имѣлъ надобность пребыть въ Кіевѣ и получилъ на то позволеніе начальства. Второе замѣчаніе его состояло въ томъ, что я долженъ былъ остановиться въ моей инспекторской квартирѣ, на что я сказалъ ему, что остановился у Чалаго, желая узнать, готова ли моя квартира. Зимовской требовалъ, чтобы я скорѣе перешелъ въ свою квартиру, и потомъ, когда я еще нѣсколько дней оставался у Чалаго, каждый день присылалъ надзирателя гимназіи узнавать, на своей-ли квартирѣ я нахожусь. На другой день моего прибытія онъ формально представилъ меня всѣмъ чиновникамъ гимназіи въ ея залѣ и ввелъ въ отправленіе моей должности. Каждый день вечеромъ я приходилъ къ Зимовскому, который давалъ мнѣ наставленія касательно моихъ обязанностей и показалъ мнѣ, что онъ хорошо знаетъ поляковъ. Онъ говорилъ мнѣ, что ученики Немировской гимназіи совсѣмъ не такія простодушныя дѣти, какія учатся въ русскихъ гимназіяхъ; что въ польской семьѣ глава не отецъ, а мать; что ксендзы имѣютъ законодательное вліяніе на польскія семейства; что передъ отправкой сына въ гимназію ксендзы съ крестомъ въ рукѣ, въ присутствіи отца и матери, заклиная навѣдаться въ Немировъ къ сыновьямъ своимъ, представляютъ имъ случаи и способы къ разнымъ соблазнамъ. Вообще сообщенныя мнѣ отъ Зимовскаго свѣдѣнія были дѣльны и для меня поучительны. Слушая его наставленія, я почувствовалъ къ нему уваженіе и расположенность, и говорилъ нѣкоторымъ лицамъ, что нахожу Зимовскаго гораздо лучшимъ, чѣмъ о немъ говорили. На такой отзывъ мой о немъ слушавшіе меня отвѣчали: „поживете узнаете!“ И скоро, дѣйствительно, я узналъ Зимовскаго настолько, что никогда не желалъ бы служить подъ начальствомъ такого директора. Въ своихъ первыхъ

бесѣдахъ со мною Зимовской высказался, что онъ въ управленіи гимназією держится правила древнихъ Римлянъ: „divide et impere“, и это было программой его дѣйствій, о которыхъ я узналъ, служа съ нимъ. Если правило древнихъ Римлянъ могло имѣть какое либо примѣненіе по отношенію къ полякамъ, то совсѣмъ не годилось по отношенію къ русскимъ чиновникамъ гимназіи, которые, составляя малую колонію среди враждебнаго и интригующаго противъ русскихъ мѣстнаго населенія, должны были-бы одушевляться единомысліемъ и, подъ руководствомъ опытнаго и благомыслящаго начальника, дружно и добросовѣстно исполнять дѣло своего призванія въ ополяченномъ краѣ; но этого то и не доставало гимназическому персоналу въ Немировѣ, гдѣ Зимовской, держась своего принципа, поселялъ между чиновниками гимназіи взаимное недовѣріе и подозрительность, заставляя всѣхъ опасаться его придиричливой взыскательности.

При самомъ вступленіи моемъ въ службу онъ, разговаривая со мною объ учителяхъ, совѣтовалъ мнѣ не сближаться съ ними и имѣть надъ ними постоянно строгую инспекцію, а учителямъ, которымъ я на первыхъ порахъ за хлопотами по гимназіи не успѣлъ сдѣлать визитовъ, внушалъ, что я чуждаюсь ихъ общества, когда и безъ того нѣкоторые изъ нихъ негодовали на меня за то, что я занялъ инспекторское мѣсто, которое они надѣялись получить и одинъ изъ нихъ до моего пріѣзда исправлялъ эту должность. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ моей инспекторской службы въ гимназіи, я поставленъ былъ въ неблагопріятное отношеніе къ учителямъ, которое оставалось такимъ и во все время моего инспекторства. Одинъ только учитель Чалый оказывалъ мнѣ свое благорасположеніе; онъ держалъ себя осторожно и въ сторонѣ отъ Зимовского, не заискивалъ его милости, и потому я съ нимъ всегда могъ быть откровененъ.

Учителя гимназіи въ то время занимались только преподаваніемъ уроковъ въ классахъ гимназіи и не обязаны были ни въ чемъ наблюдать за поведеніемъ учащихся, а потому, если только исправно приходили въ классы на уроки свои и свое-

временно представляли мѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ въ классахъ, (за чѣмъ Зимовской строго слѣдилъ самъ и мнѣ приказывалъ слѣдить неослабно),—то не подвергались контролю Зимовского въ своемъ преподаваніи предметовъ, въ которыхъ онъ былъ несвѣдущъ, потому что самъ никогда ничего не преподавалъ. Одинъ только учитель рисованія, добродушный малоруссъ и смиренный по характеру—Сошенко, хорошій художникъ и усердный учитель, приходилъ въ какой-то паническій страхъ, когда Зимовской посѣщалъ его классъ, даже внѣ гимназіи боялся съ нимъ встрѣчаться на улицѣ. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что Зимовской заставлялъ его, какъ специалиста въ писаніи, поддѣлать какой-то актъ, на что Сошенко не согласился.

Совсѣмъ въ другомъ отношеніи къ Зимовскому, чѣмъ учителя, находились инспекторъ и надзиратели; по безпрестанному наблюденію ихъ за учениками, они всегда были отвѣтственными за нихъ предъ директоромъ; особенно тяжела была ихъ отвѣтственность за учениковъ, находившихся въ общей квартирѣ.

Общія квартиры помѣщались въ зданіяхъ, находившихся въ гимназической усадьбѣ, окруженной каменной стѣной, за ворота которой ученики не могли выходить безъ особеннаго разрѣшенія начальства. Въ этихъ общихъ квартирахъ содержалось болѣе 200 учениковъ, въ числѣ которыхъ русскихъ православныхъ было человѣкъ до 70. Общая квартира раздѣлялась на 3 отдѣленія, изъ которыхъ въ каждомъ ученики получали особое содержаніе и вносили различную за него плату. Въ каждомъ отдѣленіи было свое имущество, состоявшее изъ принадлежностей дортуаровъ, учебныхъ комнатъ и столовой. Все это хозяйство находилось подъ непосредственнымъ надзоромъ и отвѣтственностью надзирателей и въ тоже время подъ контролемъ инспектора, какъ главнаго хозяина общихъ квартиръ. По этой причинѣ во всѣхъ отдѣленіяхъ общихъ квартиръ часто происходили повѣрки и пересмотры ихъ имущества, и, въ случаѣ какого-нибудь въ нихъ недостатка или порчи, надзиратели подвергались отъ директора взысканіямъ, а иногда и вычетамъ изъ ихъ жалованья. Отвѣтственность инспектора и надзирате-

лей за поведеніє учениковъ, жившихъ въ общихъ квартирахъ, была еще тяжелѣе: тамъ почти ежедневно происходили разные безпорядки между учениками, которымъ служители помогали входить съ жидами въ разныя сдѣлки по доставленію имъ недозволенныхъ вещей, за что отвѣтственность падала на надзирателя и инспектора; иногда ученики секретно продавая свое платье, жаловались, будто оно пропало изъ общихъ гардеробовъ отдѣленій, и въ такомъ случаѣ надзиратели платились за худой присмотръ; иногда ученики, недовольные строгимъ присмотромъ за ними надзирателей, и зная, что за какую-нибудь ученическую выходку надзиратели подвергнутся гнѣву директора, нарочно дѣлали такія выходки.—Зимовской въ обращеніи съ надзирателями былъ суровъ: кричалъ на нихъ, поступалъ деспотически, почти какъ съ служителями, не позволяя свободно съ нимъ объясняться; приходя къ нему, они стояли всегда у порога и должны были выслушивать всѣ его грубости. Одинъ только учитель Мерцаловъ, бывшій вмѣстѣ и надзирателемъ 3-го отдѣленія общихъ квартиръ, не боялся придирчивости раздражительнаго Зимовского, смѣло объяснялся съ нимъ и своимъ хладнокровіемъ выводилъ его изъ себя, за что Зимовской описалъ его неблагонадежнымъ въ своемъ представленіи попечителю, и Мерцалова перевели въ Бѣлую Церковь. Немировская гимназія лишилась въ Мерцаловѣ хорошаго преподавателя математики, а чиновники ея, озадаченные внезапнымъ смѣщеніемъ его, стали еще болѣе опасаться Зимовского, зная, какое великое онъ въ округѣ имѣетъ къ себѣ довѣріе, да и самъ Зимовской, не обвиняясь, любилъ хвалиться предъ нами тѣмъ, что такого-то чиновника онъ сбывъ съ рукъ, что такой-то отъ преслѣдованій его самъ бѣжалъ изъ гимназіи; хвалился онъ и тѣмъ, что, будучи правителемъ канцеляріи фонъ-Брадке, причинялъ непріятности профессорамъ университета. Какъ же намъ было не бояться его придирчивой взыскательности, когда притомъ немировцы говорили, будто онъ былъ членомъ тайной полиціи и потому могъ, пожалуй, обвинить кого-нибудь изъ насъ даже въ политической неблагонадежности. Не довѣряя надзирателямъ общихъ квартиръ относительно точнаго исполненія ими своихъ

обязанностей, я не могъ полагаться и на гимназическихъ надзирателей, изъ которыхъ одинъ былъ полякъ Штейнъ, а другой русскій Корсунъ, картежникъ и наушникъ Зимовского. Кромѣ того, при мнѣ постоянно находился инспекторскій служитель, лукавый уніать, который былъ неотлучнымъ при мнѣ согладатаемъ, зналъ, что я дѣлаю, у кого бываю и кто бываетъ у меня, и доносилъ о томъ Зимовскому; притомъ, будучи посылаемъ отъ меня на развѣдки за учениками, онъ бралъ съ нихъ взятки и дѣлалъ мнѣ ложныя донесенія, по которымъ я подвергался отвѣтственности предъ Зимовскимъ.

Въ отношеніи ко мнѣ Зимовской показывалъ такую же взыскательность, какой подвергались надзиратели; въ случаѣ какихъ-нибудь безпорядковъ въ общей квартирѣ, онъ не только на словахъ дѣлалъ мнѣ обидныя укоризны, но часто давалъ мнѣ замѣчанія на бумагѣ, притомъ за номеромъ канцеляріи, чтобы официально оправдать свою взыскательность и записать мою неисправность по службѣ; такихъ бумагъ его у меня накопилось много, и я могъ опасаться, что на нихъ при случаѣ онъ не задумается указать ревизору.

Хлопоты мои по общей квартирѣ еще болѣе увеличивались наблюденіемъ за продовольствіемъ находившихся въ ней учениковъ, которое производилъ подрядчикъ по контракту. Весьма часто ученики жаловались мнѣ на худую пищу. Я, въ силу контракта, имѣлъ право въ случаѣ поставки подрядчикомъ худой провизіи, составить актъ и на счетъ подрядчика купить кушавья изъ трактира, но когда я говорилъ Зимовскому, что хочу привести въ исполненіе этотъ пунктъ контракта, онъ отклонялъ меня отъ того говоря, что эта исторія окончится только затрудненіемъ получить изъ трактира требуемое кушанье для учениковъ всего отдѣленія,—что было справедливо. Однажды, когда ученики представили мнѣ испорченный сыръ, съ которымъ они любили ѣсть такъ называемыя клюски, и я сталъ выговаривать за то подрядчику, онъ въ оправданіе свое сказалъ мнѣ, что такой сыръ полученъ имъ отъ директора въ числѣ прочей провизіи, доставляемой Зимовскому родителями жившихъ у него учениковъ. Мнѣ оставалось молчать.

Озабочиваясь исполненіемъ моихъ обязанностей по гимназiи и общей квартирѣ и безпрестанно опасаясь замѣчаній отъ Зимовского, я усиливалъ мою дѣятельность и иногда, вставши по утру, отправлялся въ общую квартиру смотрѣть, какъ ученики встаютъ и пьютъ чай, потомъ съ ними шелъ въ гимназію, гдѣ проводя 4 часа, приходилъ въ столовую, а послѣ обѣда опять въ классы, и затѣмъ занимался какимъ-нибудь разбирательствомъ въ общей квартирѣ. Въ свою квартиру я возвращался только поздно вечеромъ съ безпокойнымъ духомъ и съ боязнью за завтрашній день. Но такія постоянныя хлопоты мои по службѣ однажды предохранили меня отъ тяжелой отвѣтственности, которой я подвергся бы, еслибы исполнилъ приказаніе Зимовского. Ученикъ третьяго класса Жабокритскій не пришелъ изъ общей квартиры въ классъ подъ видомъ болѣзни. На запискѣ, посланной гимназическому лѣкарю, послѣдній написалъ, что Жабокритскій здоровъ. Зимовской приказалъ мнѣ высѣчь Жабокритскаго розгами. Захлопотавшись по дѣламъ моимъ, я могъ исполнить это приказаніе только въ 12 часовъ дня, по въ это самое время получилъ отъ надзирателя общей квартиры извѣстіе, что Жабокритскій умираетъ. Пришедши въ квартиру, я увидѣлъ, что ученики придерживаютъ грудь Жабокритскаго, страдавшаго чрезвычайнымъ біеніемъ сердца, котораго причину пришедшій сюда лѣкарь не могъ мнѣ объяснить. Что случилось бы со мною, еслибы такой припадокъ у Жабокритскаго случился подъ розгами!

Судя по строгимъ мѣрамъ, съ какими начальство старалось обрусить польскихъ дѣтей въ общихъ квартирахъ, казалось можно было бы ожидать громадныхъ результатовъ въ этомъ направленіи, а между тѣмъ на дѣлѣ вышло не то. Поляки, помѣщавшіе своихъ сыновей въ общихъ квартирахъ, тѣмъ больше старались внушить имъ свои польскія тенденціи, и ихъ дѣти, находясь въ большомъ сообществѣ, тѣмъ болѣе укрѣплялись въ полонизмѣ. Отцы находившихся въ общихъ квартирахъ дѣтей могли имѣть только экономическую выгоду въ болѣе дешевой платѣ за содержаніе; но они совсѣмъ не желали этой выгоды и

съ охотою платили-бы гораздо дороже въ частныхъ квартирахъ, еслибы начальство имъ дозволяло. Отъ немировской общей квартиры наживался только Зимовской, въ квартирѣ котораго богатые польскіе помѣщики помѣщали своихъ сыновей за высокую плату и въ то же время вносили другую плату въ кассу общей квартиры, чтобы жившіе у Зимовского ихъ сыновья фиктивно считались въ числѣ учениковъ, состоявшихъ по списку въ общей квартирѣ. Находившіеся такимъ образомъ въ общей квартирѣ Зимовского ученики учились нисколько не лучше жившихъ въ общей квартирѣ, а вели себя гораздо хуже послѣднихъ и дѣлали такіе проступки, за которые тотъ же Зимовской исключилъ бы ихъ изъ гимназіи, еслибы они находились въ общей квартирѣ. Черезчуръ взыскательный къ ученикамъ общей квартиры и къ ихъ надзирателямъ, Зимовской у себя въ домѣ до того распустилъ своихъ квартирантовъ, что они не разъ били его, и не смотря на то, онъ продолжалъ держать ихъ у себя, получая за то дорогую плату. Вообще говоря, общія ученическія квартиры въ западныхъ губерніяхъ дѣлу обрусенія польскихъ дѣтей приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы, и не потому ли онѣ были вездѣ закрыты, кромѣ нѣкоторыхъ главныхъ городовъ, въ которыхъ остались по просьбѣ родителей изъ экономическихъ расчетовъ послѣднихъ.

Въ Новгородъ-Сѣверскѣ нѣкоторое время существовала при гимназіи общая ученическая квартира на 40 человѣкъ, но и при такомъ маломъ количествѣ содержимыхъ въ ней, она причиняла начальству большія хлопоты, не принося существенной пользы квартирантамъ, а потому и здѣсь она скоро была закрыта.

Прослуживъ мѣсяцъ въ немировской гимназіи, я изучилъ почти всѣ порядки, подлежавшіе моему наблюденію, дѣлался осторожнѣе при Зимовскомъ и началъ уже привыкать къ моему положенію, какъ случилось въ общей квартирѣ такое происшествіе, которое взволновало всю гимназію и поставило меня въ критическое положеніе. Виновникомъ этого несчастнаго происшествія былъ ученикъ 5-го класса Вольскій.

XXXIV.

Ученьє Вольскій, его преступленіє противъ Зимовскаго и надзирателя Мальцева; присмотръ за ними въ кардёрѣ; болѣзнь Зимовскаго; мой рапортъ.—Выздоровленіє Зимовскаго и его придирка ко мнѣ.—Учитель III.—Слѣдователь Семеновъ и Балабинъ.—Наказаніє и ссылка Вольскаго.

Ученикъ Вольскій, сынъ русскаго и польки, былъ чрезвычайно лѣнивъ и дерзокъ. Когда послѣ многократныхъ взысканій онъ нисколько не исправлялся, Зимовской велѣлъ мнѣ написать письмо къ отцу его, становому въ городѣ Балтѣ, чтобы онъ взялъ сына изъ гимназіи подъ опасеніемъ исключенія изъ нея, но пока письмо мое дошло по адресу, ученикъ Вольскій совершилъ уголовное преступленіє. Ровно чрезъ мѣсяць по прибытіи моемъ въ Немировъ, 13 ноября, въ воскресный день, я отвелъ учениковъ католиковъ въ костелъ, потомъ зашелъ въ православную церковь, гдѣ находились православные ученики, и, побывавъ у пріѣхавшаго изъ гор. Брацлава новаго исправника, съ которымъ мнѣ надлежало познакомиться, пришелъ прямо въ столовую общей квартиры, гдѣ ученики уже обѣдали. Въ средней столовой я встрѣтился съ Зимовскимъ, и, раскланявшись, мы пошли въ противоположныя стороны. Вскоро-сти послышался необыкновенный стукъ, и я, думая, что упала скамья или разбита посуда, спокойно возвращался назадъ и опять встрѣтился въ той-же столовой съ Зимовскимъ, который съ блѣднымъ лицомъ и держась рукою за поясницу свою, молча рукою указалъ мнѣ въ крайнюю столовую, въ которую вошедши я увидѣлъ всѣхъ учениковъ вставшихъ изъ-за стола и передъ ними Вольскаго, держащаго въ рукѣ большой перочинный ножъ. Здѣсь мнѣ сказали, что Вольскій сидѣлъ за столомъ облокотясь па руку, и когда Зимовской, отдернувъ его руку, приказалъ ему сидѣть прилично, онъ облокотился по прежнему, когда же Зимовской сталъ опять поправлять его, Вольскій, вставши изъ-за скамьи, ударилъ Зимовскаго въ лицо, а когда послѣдній велѣлъ схватить его, то Вольскій, вынувши изъ кармана перочинный ножъ, отвернулъ большое лезвіе его и ударилъ Зимовскаго въ поясницу. Надзиратель Мальцовъ бросился

къ Вольскому, который нанесъ ему тѣмъ-же ножомъ двѣ раны. Къ счастью Вольскій самъ бросилъ ножъ свой на полъ, и я велѣлъ служителямъ схватить преступника, вести его прямо въ карцеръ, куда и самъ пошелъ за нимъ, взявъ съ собою другого надзирателя (Мальцева повели въ квартиру), и приказалъ туда же позвать гимназическаго лекаря, чтобы освидѣтельствовать, не сошелъ-ли Вольскій съ ума. Въ карцерѣ на вопросъ мой, какъ онъ осмѣлился сдѣлать такое преступленіе противъ директора, онъ отвѣчалъ: „пускай онъ меня не трогаетъ, я его убью!“ Лѣкарь объявилъ мнѣ, что никакого сумашествія въ Вольскомъ не находитъ. Сдѣлавши такое дознаніе, я, оставивъ при Вольскомъ надзирателя и одного изъ служителей, пошелъ въ квартиру директора и увидѣлъ его лежащимъ на кровати, гдѣ другой городской врачъ прикладывалъ ему ледъ къ раненой поясницѣ. Я рассказалъ Зимовскому, какъ я распорядился съ арестованіемъ и освидѣтельствованіемъ Вольскаго, и Зимовской въ первый разъ похвалилъ мою распорядительность и велѣлъ мнѣ тотчасъ составить актъ о случившемся происшествіи и отправить его при рапортѣ въ Кіевъ къ попечителю; притомъ онъ сказалъ мнѣ: вы теперь распоряжайтесь управленіемъ гимназіей, на васъ лежитъ отвѣтственность за Вольскаго, если онъ уйдетъ изъ карцера. Но нельзя было устеречь заключеннаго въ карцерѣ, котораго окно выходило на улицу, а потому немедленно была сдѣлана въ окнѣ желѣзная рѣшетка. При Вольскомъ поочередно находились сторожа, и несмотря на это, онъ однажды убѣжалъ на улицу. Когда Зимовской отъ меня узналъ объ этомъ побѣгѣ, то приказалъ, чтобы кромѣ сторожа по ночамъ дежурили въ карцерѣ по очереди надзиратели гимназіи. При всемъ томъ для наблюденія за дежурствомъ сторожей и надзирателей, я каждую ночь самъ съ моимъ служителемъ навѣдывался въ карцеръ, и однажды не засталъ въ немъ надзирателя Корсуна, ушедшаго вѣроятно играть карты. Каждый день я навѣщалъ Зимовскаго, который все боялся, чтобы Вольскій не ушелъ при содѣйствіи поляковъ, приходившихъ къ окну карцера, разговаривавшихъ съ Вольскимъ и пившихъ тутъ же въ честь его вино. Зимовской говорилъ мнѣ, чтобы я, кромѣ

строгаго присмотра за Вольскимъ, принялъ надлежащія мѣры наблюденія вообще за учениками гимназій, дабы ихъ не увели изъ Немирова польскіе эмиссары подобно тому, какъ они въ то время вводили учениковъ изъ каменецъ-подольской гимназій для поступленія въ польскіе отряды во время бывшей тогда Венгерской кампаніи. Между тѣмъ Вольскій въ карцерѣ повторялъ, что онъ убьетъ Зимовскаго, что будетъ бить и тѣхъ начальниковъ, которые прїѣдутъ изъ Кіева; обо мнѣ пока молчалъ, но вскорѣ и меня хвалился бить. Я пересталъ входить къ нему въ карцеръ; вдругъ неожиданно онъ чрезъ надзирателя попросилъ меня придти къ нему. Взявъ нужную предосторожность, я, не входя въ самый карцеръ, чрезъ растворенныя двери спросилъ его, что ему нужно отъ меня. Онъ съ дерзостью меня спросилъ: „зачѣмъ вы запретили давать мнѣ чай?“ Я сказалъ, что, какъ ему самому извѣстно, ученикамъ 1-го отдѣленія общей квартиры, къ числу которыхъ и онъ принадлежитъ, чай не полагается, а если подрядчикъ, сначала отпускавшій ему чай, пересталъ его давать, то это была его воля, и я не могу его заставить отпускать чай. На томъ Вольскій и успокоился.

Между тѣмъ ученики въ классахъ гимназій и въ общей квартирѣ волновались и выражали какое-то злорадство и непослушаніе начальству. Чрезъ нѣсколько времени по заключеніи Вольскаго въ карцеръ, прибылъ въ Немировъ отецъ его и, съ дозволенія Зимовскаго, въ присутствіи надзирателя, имѣлъ свиданіе съ сыномъ. На вопросъ отца, какъ онъ смѣлъ сдѣлать такой проступокъ относительно директора, сынъ отвѣчалъ: „пускай онъ меня не трогаетъ“. Мать Вольскаго въ карцеръ не была допущена. Въ это время генералъ-губернаторъ и вмѣстѣ попечитель Бибиковъ находился въ Петербургѣ, куда изъ округа отправленъ былъ мой рапортъ, и мы полтора мѣсяца ожидали, чѣмъ рѣшится дѣло о Вольскомъ. Зимовской, по выздоровленіи, самъ вступилъ въ управленіе гимназіею и по прежнему началъ распоряжаться въ ней съ обычною ему придирчивостью ко мнѣ и надзирателямъ и сдѣлался даже еще раздражительнѣе прежняго. Однажды, когда я и учителя собрались въ залу для обыкновеннаго подписанія мѣсячныхъ вѣдомостей, Зимовской не пришелъ

къ намъ, а прислалъ только письмоводителя своего съ книгами и велѣлъ черезъ него намъ подписать эти книги. Когда во время этого засѣданія учителя подняли вопросъ о неудовлетворительномъ содержаніи учениковъ въ общей квартирѣ, письмоводитель поспѣшилъ увѣдомить о томъ Зимовского, который тотчасъ же пришелъ въ залу и напалъ на меня за то, что я позволилъ учителямъ разсуждать о сказанномъ вопросѣ. Я отвѣчалъ, что не считалъ себя въ правѣ запретить имъ говорить о томъ, такъ какъ они имѣютъ одинаковый со мною голосъ въ совѣтѣ. Когда учителя разошлись, Зимовской опять напалъ на меня и сталъ кричать. Когда-же я при этомъ замѣтилъ ему, что онъ не имѣетъ права такъ грубо обращаться со мною, онъ сказалъ, что при слѣдствіи о поступкѣ Вольскаго поляки прежде всего станутъ жаловаться слѣдователямъ на бывшіе безпорядки въ продовольствіи учениковъ общей квартиры, и что я подвергнусь отвѣтственности за эти безпорядки. При такомъ его нагломъ обвиненіи меня, я не вытерпѣлъ и напомнилъ ему, что онъ, во 1-хъ, самъ отклонялъ меня отъ принятія какихъ бы то ни было мѣръ взысканія противъ подрядчика, а во 2-хъ, что по словамъ подрядчика дурные продукты для продовольствія учениковъ общей квартиры, онъ получалъ отъ него же, директора. Послѣднія слова мои такъ озадачили Зимовского, что онъ замолчалъ, ушелъ изъ залы и дня три не являлся въ гимназію. Нужно замѣтить, что Зимовской, въ случаѣ полученія имъ отъ кого-нибудь смѣлаго и справедливаго отпора, всегда приходилъ въ замѣшательство. Такъ, однажды, прохаживаясь по залѣ рядомъ съ учителемъ латинскаго языка—Ш., онъ по дурной своей привычкѣ поталкивалъ его локтями и колѣнами. Ш. вскипѣлъ и вскрикнулъ: „какъ вы смѣете меня толкать!“ Зимовской при этомъ возгласѣ совсѣмъ растерялся и, обратившись къ намъ, заявилъ, что онъ не толкалъ учителя Ш. Впослѣдствіи онъ вспомнилъ полученное отъ Ш. замѣчаніе, о чемъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Незадолго передъ праздникомъ Рождества Христова прибылъ изъ Каменецъ-Подольска въ Немировъ жандармскій полковникъ Скворцовъ, приказалъ всѣхъ учениковъ высшихъ клас-

совѣ гимназіи собрать въ залу, и самъ разспрашивалъ ихъ, довольны-ли они своимъ начальствомъ, причемъ не присутствовали ни Зимовской, ни я, и никто изъ учителей. Ученики отвѣчали, что довольны, и тѣмъ допросы Скворцова въ гимназіи кончились; спрашивалъ-ли онъ о томъ-же у кого-нибудь въ Немировѣ—неизвѣстно. Вскорѣ за Скворцовымъ пріѣхалъ изъ Петербурга чиновникъ особыхъ порученій, зять министра Уварова, Евгеній Петровичъ Балабинъ (впослѣдствіи сдѣлавшійся іезуитомъ) и остановился въ палацѣ графа Потоцкаго, откуда вечеромъ прислалъ нарочнаго съ требованіемъ, чтобы я пришелъ къ нему. Когда я явился, онъ объявилъ мнѣ, что онъ присланъ отъ министра разслѣдовать на мѣстѣ всѣ обстоятельства преступленія Вольскаго, и отъ лица самого министра требовалъ, чтобы я по чистой совѣсти рассказалъ ему все, какъ было, а главное, чтобы я открылъ ему, было-ли преступленіе Вольскаго выраженіемъ духа всѣхъ учениковъ гимназіи, или было случайнымъ дѣломъ одного лица. Я, изложивъ всѣ обстоятельства преступленія Вольскаго такъ, какъ они мною выше описаны, отвѣчалъ, что въ недолгое исправленіе мною должности инспектора гимназіи я не замѣтилъ въ ученикахъ такого враждебнаго отношенія, какое сказалось въ ученикѣ Вольскомъ. Потомъ онъ спросилъ меня, каковъ директоръ гимназіи въ отношеніи къ ученикамъ гимназіи? На это я сказалъ, что кромѣ отличной дѣятельности, распорядительности и должной взыскательности я не замѣтилъ въ немъ ничего, могущаго оскорблять учениковъ. Наконецъ Балабинъ, отпуская меня, запретилъ мнѣ сказывать директору, что онъ призывалъ меня къ себѣ и разспрашивалъ о его управленіи. Въ тотъ же вечеръ Зимовской, конечно, узналъ, что я былъ у Балабина, потому что всѣ знали, что я былъ потребованъ къ послѣднему.

По возвращеніи отъ Балабина я у Зимовскаго не былъ, и онъ не призывалъ меня къ себѣ. На другой день по утру, 23-го декабря, получено въ гимназіи рѣшеніе дѣла Вольскаго, котораго Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ высѣчь розгами предъ всею гимназіею и отослать барабанщикомъ въ Оренбургскій пѣхотный корпусъ.

Вечеромъ того-же числа Зимовской приказалъ мнѣ на другой день рано утромъ собрать учениковъ гимназіи въ залу и разставить ихъ вдоль стѣнъ по классамъ, между тѣмъ въ это самое время родители, пріѣхавшіе взять дѣтей своихъ на праздникъ, своими просьбами объ отпускѣ ихъ докучали мнѣ и Зимовскому, который на отрѣзъ объявилъ имъ, что по Высочайшему повелѣнію всѣ ученики гимназіи должны быть свидѣтелями примѣрнаго наказанія Вольскаго. Когда ученики были поставлены въ порядокъ, дано было знать о томъ Балабину и Скворцову, которые, не входя въ залу, назначили дать Вольскому 25 ударовъ розгами. Въ залу вошли Зимовской, я и присланный изъ Кіева директоръ гимназіи Любимовъ. Всѣ мы трое стали съ учителями въ главномъ концѣ залы, среди которой стояла уже скамья, а предъ нею исправникъ съ разсыльными, державшими розги. Директоръ приказалъ надзирателю Корсуну привести Вольскаго изъ карцера въ залу. Корсунъ имѣлъ глупость, приведши Вольскаго, поставить его передъ Зимовскимъ, который въ испугѣ отъ того приказалъ Корсуну отвести его къ скамьѣ. Зимовской вручилъ мнѣ бумагу и приказалъ прочесть ее. Вольскій, услыхавъ что его будутъ сѣчь розгами, вскрикнулъ: „этому не быть!“ Сильный Корсунъ сталъ раздѣвать его. Сначала при сѣченіи Вольскій молчалъ но послѣ 10-ти или 15-ти ударовъ сталъ кричать: „виноватъ, не буду!“ По окончаніи экзекуціи онъ всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Корсунъ сорвалъ воротникъ съ форменнаго сюртука, бывшаго на Вольскомъ. Затѣмъ Зимовской приказалъ Корсуну отвести Вольскаго опять въ карцеръ, а мнѣ велѣлъ составить списокъ имущества послѣдняго и съ тѣмъ и другимъ отправиться въ квартиру становаго, куда разсыльные отвезли Вольскаго для отправленія въ Брацлавъ, а оттуда въ Оренбургъ. Во время приготовленія къ отъѣзду Вольскій въ квартирѣ становаго сидѣлъ и молчалъ, когда-же становой посадилъ его съ собою въ сани, онъ сказалъ: „прощайте, инспекторъ.“ Окончивъ эту непріятную для меня миссію, я уже вечеромъ явился къ Зимовскому и рассказалъ, какъ унесли Вольскаго. Зимовской спрашивалъ меня, видѣлъ-ли я это

своими глазами и точно-ли Вольскаго увезли изъ Немирова, въ чемъ я, наконецъ, его увѣрилъ. Такимъ образомъ съ утра до вечера я находился въ постоянныхъ хлопотахъ и тревогахъ и только вечеромъ могъ напиться чаю и отдохнуть. Это было на канунъ праздника Рожд. Христ. Носились слухи, что на пути поляки Вольскому давали деньги и что будто бы Вольскій въ Оренбургъ впослѣдствіи былъ произведенъ въ офицеры, на самомъ же дѣлѣ Вольскій и тамъ по своей дерзости ударилъ офицера и за это опять былъ высѣченъ розгами, послѣ чего, конечно, не могъ уже быть офицеромъ.

XXXV.

Прибытіе Могилянскаго въ гимназію.—Мое намѣреніе выйти въ отставку.—Поимѣнникъ Лещинскій.—Графъ Потоцкій.—Мои сны.—Я инспекторъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.—Задержаніе меня въ Немировѣ и мой взъ него выѣздъ.—Несчастія Зимовскаго.—Мое сознаніе.—Яска моя въ Кіевѣ Вибикову.—Благопріятныя для меня свѣдѣнія.

Во время Рождественскихъ праздниковъ я, не имѣя по службѣ надобности являться къ Зимовскому, не бывалъ у него, изъ чего онъ вывелъ заключеніе, что я скрываю отъ него мое посѣщеніе Балабина и, что (какъ послѣ онъ говорилъ) я желаю занять его директорское мѣсто въ Немировѣ, на которомъ онъ тогда не думалъ удержаться. Но это опасеніе Зимовскаго на счетъ моего искательства было не основательно: послѣ того, что я вытерпѣлъ отъ него во время моей инспекторской службы въ Немировской гимназіи, и въ особенности послѣ несчастнаго столкновенія его съ Вольскимъ, Немировъ до того мнѣ оипротивѣлъ, что еслибы Зимовской и въ самомъ дѣлѣ былъ смѣщенъ, и мнѣ предложили бы его мѣсто, я отказался-бы отъ этой чести, притомъ же около этого времени утверждень былъ мнѣ инспекторскій пансіонъ за 25-ти лѣтнюю мою службу, и я писалъ въ Кіевъ къ моимъ знакомымъ, близкимъ къ помощнику попечителя Юзефовичу, что если начальству не угодно будетъ перемѣстить меня въ другую гимназію, то я подамъ просьбу объ отставкѣ. Во время тѣхъ-же Рождественскихъ праздни-

ковъ прибылъ изъ Кіева въ гимназію сочувствовавшій и постоянно благопріятствовавшій Зимовскому другъ его, инспекторъ казенныхъ училищъ, Могилянскій для развѣдокъ на мѣстѣ о дѣлѣ Вольскаго и, можетъ быть, для разузнанія о дѣйствіяхъ Балабина по этому дѣлу. Безъ сомнѣнія, Зимовской тотчасъ же сообщилъ ему о призывѣ меня къ Балабину, о моей скрытности и о своей догадкѣ на счетъ моего искательства. Могилянскій, узнавъ отъ Юзефовича о моемъ намѣреніи выйти въ отставку, призвалъ меня въ квартиру Зимовскаго и при немъ прежде всего спросилъ меня, чѣмъ я недоволенъ въ Немировской гимназіи; я отвѣчалъ, что въ эту гимназію я поступилъ, желая получить инспекторскій пансіонъ, и теперь, по утвержденіи его въ министерствѣ, чувствуя разстройство въ здоровьи, хочу возвратиться къ роднымъ моимъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, что ни на кого и ни на что не могу жаловаться въ Немировской гимназіи, а самъ себя считаю неспособнымъ продолжать въ ней службу. Зимовской говорилъ, что, можетъ быть, его требовательность по службѣ мнѣ не нравится, и при этомъ не преминулъ сослаться на свои офіціальные данныя мѣѣ отъ него на бумагѣ замѣчанія, желая оправдать себя и обвинить меня предъ Могилянскимъ. Я молчалъ, и что я могъ сказать въ защиту себя предъ этими двумя друзьями?

Когда началось ученіе въ гимназіи, я продолжалъ службу мою съ стѣсненнымъ сердцемъ. Хотя Зимовской въ обращеніи съ мной не позволялъ себѣ прежней грубости, но холодное отношеніе его ко мнѣ было для меня тягостно и не безопасно, а потому я вновь писалъ въ Кіевъ о нежеланіи моемъ служить въ Немировской гимназіи.

Предъ наступленіемъ Пасхальныхъ праздниковъ я хотѣлъ развлечься и отдохнуть гдѣ-нибудь внѣ Немирова. Кстати, отецъ жившаго у Чалаго ученика, польскій помѣщикъ Лещинскій пригласилъ меня на праздникъ въ свою деревню, куда Зимовской благоволилъ отпустить меня. Пасхальную заутреню я слушалъ въ русской православной церкви, въ которой поразила меня ея крайне бѣдная обстановка: на иконостасѣ висѣли какія-то ветхія полотна съ изображеніями святыхъ; облаченіе и прочія при-

надлежности церковныя были также не благолѣпны. Возвратившись отъ заутрени въ домъ Лепчинскаго, я удивился, увидѣвъ православнаго священника, освящавшаго тамъ пасхи. Жена помѣщика, замѣтивъ мое удивленіе, сказала мнѣ, что, не могши дозваться католическаго ксендза, она пригласила нашего священника въ увѣренности, что святая вода у католиковъ такая-же какъ и у русскихъ. Я замѣтилъ особенность въ польскомъ разговорѣ: прежде всего хозяйка, изрѣзавши крутыя яйца на небольшіе кусочки, на тарелкѣ подносила каждому изъ присутствовавшихъ. Утромъ къ Лепчинскому являлись на поклонъ его крестьяне и при этомъ случаѣ испрашивали у него разныхъ себѣ льготъ по работѣ. Лепчинскій указалъ мнѣ на одного изъ нихъ, говоря: „онъ уменъ, какъ министр“. Послѣ обѣда крестьянки являлись также на поклонъ къ женѣ помѣщика, и она ихъ угощала. Мнѣ казалось, что отношенія между Лепчинскимъ и его крестьянами были довольно хороши. Дня черезъ три я вмѣстѣ съ Лепчинскимъ возвратился въ Немировъ. Зимовской сказалъ мнѣ, что графъ Потоцкій спрашивалъ его, почему я не былъ у него на первый день Пасхи вмѣстѣ съ другими чиновниками гимназіи, и совѣтовалъ мнѣ немедленно побывать у графа съ визитомъ. Графъ принялъ меня весьма благосклонно. Онъ вообще былъ весьма расположенъ къ служащимъ въ гимназіи, приглашалъ ихъ къ себѣ на вечерніе балы и на домашніе спектакли, учителя часто ѣздили къ нему играть въ карты. Мнѣ пришлось быть у него на великолѣпномъ ужинѣ (Зимовской на немъ не былъ) и сидѣть противъ Балабина за столомъ, на которомъ лежало зеркальное плато во всю его длину и ширину, кромѣ небольшихъ краевъ для постановки тарелокъ; на зеркалѣ стояли богатые шандалы со многими горящими свѣчами, отражавшими свѣтъ свой въ зеркальной поверхности и вазоны съ фруктами и конфектами; по обѣимъ сторонамъ столовой, въ красивыхъ шкафахъ за стекломъ было множество саксонской столовой посуды, передъ столомъ стоялъ въ черномъ фракѣ такъ называемый маршалъ—распорядитель ужина, командовавшій прислугой, одѣтой въ богатая ливреи. Въ залѣ подлѣ столовой играла графская музыка;

другія комнаты имѣли великолѣпное убранство; въ нихъ я замѣтилъ два мраморныхъ бюста графа и жены его и картину кисти знаменитаго Брюлова, изображавшую венеціанскій карнавалъ, въ которой пляшущіи лица представлялись мнѣ движущимися, когда я долго въ нихъ всматривался.

Вообще въ великолѣпной обстановкѣ палаца графа Потоцкаго Болеслава, видна была роскошь польскаго магната прежнихъ временъ. Графъ Потоцкій былъ вдовъ; женатъ онъ былъ на графинѣ Салтыковой, отъ которой имѣлъ одну только дочь тогда лѣтъ десяти, воспитывавшуюся въ православіи.

Для нея въ палацѣ Потоцкаго была православная церковь, въ которую самъ отецъ въ камеръ-герскомъ вицѣ мундирѣ приходилъ съ дочерью на богослуженіе, и любилъ, чтобы эту церковь посѣщали чиновники гимназіи, въ числѣ которыхъ и я часто бывалъ. Для обученія дочери Потоцкаго русскому языку Императрица Александра Ѣеодоровна прислала наставницу изъ Смольнаго монастыря, а гимназическій православный законоучитель давалъ ей уроки изъ Закона Божія. Графъ Потоцкій извѣстенъ былъ своею преданностью Русскому Императорскому Дому и соблюдалъ русскіе обычаи высшаго сословія, ѣздилъ въ каретѣ, запряженной цугомъ въ простыя, а не съ бича по польски, кучера одѣты были по русски. Польскіе Папы не любили Потоцкаго за соблюденіе русскихъ обычаевъ, а между тѣмъ въ глаза льстили ему; его поссессоры наживались, управляя его имѣніями, и сами отъ того дѣлались помѣщиками.

Дочь Потоцкаго вышла замужъ за графа Строганова, во владѣніе котораго перешло все имѣніе Потоцкаго. Распространился я, вспоминая графа Потоцкаго, по чувству моему къ нему признательности, потому что въ его палацѣ и въ его гостепріимномъ обращеніи я находилъ себѣ отдохновеніе и нѣкоторую отраду послѣ тяжелыхъ трудовъ моихъ и непріятностей, получаемыхъ въ гимназіи.

Насталъ май мѣсяцъ, начались въ гимназіи экзамены, и я думалъ, что по окончаніи учебнаго года я получу отставку и возвращусь въ Новгородъ-Сѣверскъ.

Въ это время я видѣлъ сонъ, въ которомъ мнѣ представлялось, будто теща моя, умершая отъ холеры предъ выѣздомъ моимъ въ Немировъ, поднявшись въ гробѣ, подозвала меня къ себѣ и положила на меня свои руки; въ другой разъ мнѣ снилось, что я, находясь въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, вижу митрополита Филарета, сидящаго въ мантии, распростертой по амвону, и падаю предъ нимъ на колѣни, причемъ онъ благословилъ меня и возложилъ на мою голову свои руки. Послѣ такихъ сновидѣній я почувствовалъ облегченіе въ моей душѣ. Черезъ нѣсколько дней получено было отъ попечителя увѣдомленіе, въ которомъ было сказано, что я переведенъ инспекторомъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію на мѣсто Писарева, оговореннаго Бездономъ и переведеннаго въ Лудское дворянское училище. Радость моя была неизъяснима. Пришедши въ Зимовскому, я увидѣлъ у него прибывшаго преемника моего Дельсаль. Я думалъ, что дня черезъ два отправлюсь въ Новгородъ-Сѣверскъ; но Зимовской задержалъ меня въ Немировѣ болѣе недѣли подъ тѣмъ предлогомъ, что я долженъ произвести повѣрку имущества общей квартиры, состоявшаго въ завѣдываніи и подъ отвѣтственности надзирателей, отъ которыхъ Дельсаль долженъ былъ принять означенное имущество. Настоящею же причиною моего задержанія было желаніе сдѣлать меня орудіемъ его мщенія. Онъ упросилъ меня присутствовать на экзаменахъ, на которыхъ находился и инспекторъ Дельсаль. Зимовской подшучивалъ надо мною, говоря, что въ послѣдствіи времени будутъ думать, что я былъ ревизоромъ Немировской гимназіи. Во время испытанія по разнымъ предметамъ въ разныхъ классахъ я предсѣдательствовалъ въ одномъ отдѣленіи, а Дельсаль въ другомъ; Зимовской, переходя изъ одного класса въ другой, засматривалъ въ дѣлаемые нами отмѣтки ученикамъ по ихъ отвѣтамъ, вмѣшивался въ нихъ и заставлялъ перемѣнять ихъ по его усмотрѣнію. Когда, послѣ присутствованія моего на экзаменѣ по Исторіи, Зимовской просилъ меня предсѣдательствовать при испытаніи учениковъ по Латинскому языку, то я догадался, для чего Зимовской задерживалъ меня въ Неми-

ровѣ: онъ хотѣлъ чрезъ меня отмстить учителю Латинскаго языка Шведову за полученное отъ него оскорбленіе. Учитель Шведовъ хорошо зналъ преподаваемый имъ предметъ, но самое преподаваніе было малоуспѣшно: многіе ученики, какъ я видѣлъ при посѣщеніи классовъ, не имѣли латинскихъ книгъ, по которымъ производились переводы, только ихъ слушали и конечно безъ успѣха. Зналъ это и Зимовской и хотѣлъ, чтобы я, при испытаніи, дѣлалъ соотвѣтственныя такимъ успѣхамъ отмѣтки при его вмѣшательствѣ; вслѣдствіе чего оказавшаяся на экзаменѣ малоуспѣшность учениковъ въ латинскомъ языкѣ давала ему средство повредить Шведову, можетъ быть, донесеніемъ о томъ попечителю. Сметнувши о такомъ зломъ умыслѣ Зимовскаго противъ человѣка, мною уважаемаго, я рѣшительно отказался присутствовать на экзаменѣ по латинскому языку; хотя Зимовской два раза присылалъ ко мнѣ Дельсала просить меня придти на экзаменъ, я отвѣчалъ, что мое мѣсто быть на экзаменѣ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, послѣ чего Зимовской меня не удерживалъ. На проѣздѣ отъ Немирова до Новгородѣ-Сѣверска я не имѣлъ у себя денегъ, ими ссудилъ меня добрый Чалый, и благодаря его одолженію, я поспѣшилъ въ обратный мой путь. Зимовской, прощаясь со мной, просилъ меня писать къ нему, когда буду въ Кіевѣ, но я къ нему не писалъ.

Послѣ описаннаго выше столкновенія Зимовскаго съ Вольскимъ, онъ, еще во время моего пребыванія въ Немировѣ, получилъ пощечину отъ квартировавшаго у него ученика, котораго секретно отъ всѣхъ самъ посадилъ въ карцеръ, и тѣмъ дѣло кончилось; въ другой же разъ, когда ученикъ нанесъ ему, уже безъ меня, подобный ударъ, жандармскій полковникъ донесъ о томъ высшему начальству, послѣ чего Зимовской переведенъ былъ директоромъ въ орловскую гимназію, гдѣ опять случился съ нимъ неблагополучіе: письмоводитель его промоталъ казенныя деньги пять тысячъ рублей, довѣренныя ему для доставки на почту, которыя Зимовской долженъ былъ пополнить изъ своего кармана. По выслугѣ 25-ти лѣтняго срока онъ получилъ отставку.

Заключу своє wspomинаніє о Зимовскомъ сознаніємъ, что непріятное находженіє мое въ службѣ подъ его начальствомъ съ получаемыми отъ него огорченіями принесло мнѣ и своего рода пользу: его строгая взыскательность заставила меня скоро изучить и исправно исполнять мои инспекторскія обязанности, а огорченія приучали меня къ терпѣнію и осторожности въ службѣ и жизни.

Въ Кієвѣ я долженъ былъ представиться грозному Бибикову. Въ приємной я засталъ уже какого-то полковника; по докладу обо мнѣ Бибиковъ потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и при входѣ моемъ велѣлъ мнѣ сѣсть противъ него въ креслахъ. Увидѣвъ на головѣ моей повязку, онъ спросилъ о причинѣ ея, и когда я сказалъ, что у меня давно испорченъ зубъ, совѣтовавъ мнѣ обратиться къ Караваеву; потомъ онъ спросилъ меня, находятся-ли въ новгородъ-сѣверской гимназіи учителя поляки, и послѣ моего утвердительнаго отвѣта, приказалъ мнѣ строго за ними наблюдать и не давать имъ потачки въ интригахъ; затѣмъ онъ приказалъ мнѣ особенно наблюдать за успѣхами учениковъ по русскому языку и наказывать ихъ розгами за непослушаніє начальству. При выходѣ моемъ отъ Бибикова чиновникъ его спросилъ меня о моемъ имени и квартирѣ, гдѣ я остановился. Въ Кієвѣ я получилъ благопріятное свѣдѣніє о новомъ директорѣ новгородъ-сѣверской гимназіи Науменкѣ, котораго всѣ хвалили за его добродушіє и обходительность съ учениками, когда онъ былъ инспекторомъ кієвской гимназіи, откуда, во время пребыванія моего въ Немировѣ, переведенъ директоромъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію. Узналъ я объ немъ также, что онъ кончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата и былъ хорошимъ учителемъ русской словесности; я познакомился съ жившею въ Кієвѣ его тещею, и отъ нея получилъ письмо къ Науменку. Въ Кієвѣ-же я получилъ другое пріятное для меня извѣстіє отъ помощника попечителя Юзефовича, что меньшій сынъ мой Михаилъ, окончившій курсъ въ новгородъ-сѣверской гимназіи въ числѣ лучшихъ учениковъ, будетъ принять въ универ-

ситетъ на казенное содержаніе, на которомъ состоялъ и старшій сынъ мой Иванъ. Съ такими благопріятными для меня извѣстіями я, съ сыномъ моимъ Иваномъ, отправился изъ Кіева въ Новгородъ-Сѣверскъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

XXXVI.

Директоръ Науменко. — Экзамены въ гимназіи. — Учитель Миккульскій. — Качества директора Науменка. — Распоряженія его по гимназіи. — Надзиратели Гиргасъ и Лавда. — Клевета учителя Орловскаго. — Отношеніе Науменка къ чиновникамъ гимназіи. — Взаимное сближеніе наше при Науменкѣ. — Представленіе меня въ директоры. — Выбытіе Науменка.

По прибытіи моемъ въ Новгородъ-Сѣверскъ я отъ жены моей узналъ, что въ Новгородъ-Сѣверскомъ казначействѣ получена уже бумага о выдачѣ мнѣ пенсіи со времени окончанія 25-ти лѣтней моей службы, что дало мнѣ возможность расплатиться съ долгами, сдѣланными передъ выѣздомъ въ Немировъ.

На другой день, утромъ, я въ мундирной формѣ явился къ директору Науменку. Онъ принялъ меня совсѣмъ не такъ, какъ Зимовской въ Немировѣ, не съ упреками въ поздней моей явкѣ на службу, а съ выраженіемъ своего удовольствія, что я поспѣлъ къ начавшимся тогда экзаменамъ въ гимназіи. Странное тогда произошло для меня сопоставленіе случайностей: передъ выѣздомъ изъ Немирова я уклонился отъ экзамена по латинскому языку, чтобы не сдѣлаться орудіемъ непріятности преподавателю его; по пріѣздѣ-же въ Новгородъ-Сѣверскъ я,

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 6.

безъ всякаго моего намѣренія, подалъ поводъ къ непріятности тоже для учителя латинскаго языка. Учитель полякъ Микульскій, получившій образованіе въ бывшемъ Виленскомъ Университетѣ у іезуитовъ, конечно хорошо зналъ латинскій языкъ, но преподавалъ его по методу, не общавшему успѣховъ: вмѣсто того, чтобы заставлятъ учениковъ самостоятельно работать, онъ самъ дѣлалъ имъ переводы въ классѣ, а въ слѣдующій урокъ спрашивалъ ихъ имъ переведенное; вслѣдствіе этого ученики сами не приготавливались къ уроку и, какъ извѣстно было, оставляли латинскія книги въ классѣ. Во время экзамена по латинскому языку я, предсѣдательствуя на немъ, при отвѣтѣ лучшаго изъ учениковъ, Овсѣнка, которому въ спискѣ Микульскимъ поставлено было *пять*, замѣтилъ, что Овсѣнко плохо знаетъ латинскую этимологию, и заставилъ его просклонять мѣстоименіе *ego*, при чемъ онъ отвѣчалъ ошибочно, а такъ какъ это было въ присутствіи его сотоварищей, то я, недоумѣвая, какой ему поставить баллъ, вышелъ въ другой классъ, въ которомъ Науменко производилъ экзаменъ по законовѣднію (преподававшемуся тогда въ гимназіи), и просилъ его разрѣшить мое недоумѣніе. Науменко велѣлъ мнѣ по окончаніи экзамена оставить одного Овсѣнка въ классѣ, и, окончивъ свой экзаменъ, пришелъ къ намъ. Овсѣнко вновь былъ проэкзаменованъ и на этотъ разъ также оказался незнающимъ латинской грамматики. Микульскій чрезвычайно сконфузился и говорилъ намъ, что онъ удивляется такому незнанію означеннаго ученика, который, по словамъ его, Микульскаго, всегда отлично отвѣчалъ ему. Поставить соотвѣтственный его отвѣту баллъ значило бы лишить его аттестата, котораго онъ заслуживалъ по всѣмъ другимъ предметамъ; мы поставили ему баллъ три (3). Овсѣнко окончилъ курсъ въ Университетѣ со степенью кандидата и былъ хорошимъ учителемъ математики.

По окончаніи всѣхъ экзаменовъ въ гимназіи, по тогдашнему обычаю, былъ актъ, на которомъ я читалъ годичный отчетъ и списокъ о переводѣ учениковъ въ высшіе классы.

Такъ началъ я мою инспекторскую службу въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, гдѣ и продолжалъ ее спокойно и благо-

получно, благодаря добродушію директора Науменка. И легко мнѣ было служить при немъ, потому что въ Немировѣ я вполне изучилъ инспекторскую службу, а въ тому же въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи обучались все русскія дѣти; среди учениковъ тогда почти не было поляковъ, и совсѣмъ не было евреевъ; родители смотрѣли на насъ не какъ на приставниковъ изъ чуждой народности, а какъ на воспитателей ихъ дѣтей. Науменко никогда не любилъ подчиненнымъ своимъ высказывать начальническую власть, но постояннымъ наблюденіемъ за исполненіемъ ими своихъ обязанностей предотвращалъ ихъ неисправность по службѣ и въ нужныхъ случаяхъ, съ спокойнымъ видомъ, давалъ имъ свои совѣты, никого не оскорбляя своими замѣчаніями.

Науменко, пріѣхавши въ Новгородъ-Сѣверскъ, занялъ въ гимназіи инспекторскую квартиру, зная, что я буду жить въ своемъ домѣ. Директору тогда отпускалось на наемъ квартиры сто рублей. Чтобы вознаградить меня за занятую имъ квартиру, онъ соотвѣтственно означенной суммѣ ежегодно велѣлъ на свой счетъ давать мнѣ десять сажень дровъ. Для меня было весьма выгодно, что Науменко жилъ въ самой гимназіи: я во всякое время могъ видѣться съ нимъ и совѣщаться по моимъ дѣламъ, отчего не происходило между нами никакого недоразумѣнія.

Науменко любилъ соблюдать чистоту въ зданіи гимназіи, самъ ежедневно осматривалъ всѣ классы, даже корридоры, заставляя служителей исправно убирать ихъ. Въ гимназіи тогда были двѣ залы—въ верхнемъ этажѣ и въ нижнемъ; находившаяся въ верхнемъ этажѣ назначена была только для торжественныхъ собраній и въ обыкновенное время была запираема, чтобы ученики не сорили; зала въ нижнемъ этажѣ была сборная, здѣсь ученики могли собираться и гулять. Отдѣльной комнаты для инспектора въ зданіи гимназіи не было, учителя предъ классами собирались въ комнатѣ возлѣ директорской канцеляріи, а для инспектора и надзирателей стоялъ большой столъ съ креслами въ концѣ верхняго корридора, въ которомъ я всегда могъ видѣть учениковъ, выходящихъ изъ класса, и учителей, входящихъ въ классы. Въ гимназію я всегда пріѣзжалъ около 8 ча-

совъ утра. Въ началѣ уроковъ подавались мнѣ классными старшими записки объ ученикахъ, не пришедшихъ въ классъ, и если означались въ нихъ неприбывшіе по болѣзни, то записки отсылались чрезъ служителя гимназическому лѣкарю, для освидѣтельствующія больныхъ учениковъ, а надзиратель, не дежурившій въ это время въ гимназіи, отправлялся осматривать квартиры учениковъ, не пришедшихъ въ гимназію по неизвѣстной причинѣ, и по осмотрѣ возвращался въ гимназію съ донесеніемъ о томъ, что находилъ въ нихъ ¹⁾).

¹⁾ Въ дополненіе печатаемъ полученныя нами прибавки къ воспоминаніямъ І. А. Самчевскаго, сдѣланныя однимъ изъ его бывшихъ учениковъ. Всѣ послѣдующія добавленія въ выноскахъ принадлежатъ ему-же.

На этомъ «большомъ столѣ съ креслами» надзиратели клали записки учениковъ, «доводившихъ до ихъ свѣдѣнія» о болѣзни. Предъ большой переменной эти записки отсылались къ гимназическому врачу Петру Алексѣвичу Зимину; но случалось нерѣдко, что между вторымъ и третьимъ уроками часть записокъ исчезала со стола; исчезали записки обыкновенно учениковъ высшихъ классовъ, которые, такимъ образомъ, освобождались отъ посѣщенія Зимина, и ему приходилось видѣть только дѣйствительно больныхъ учениковъ, по уклонявшихся отъ посѣщенія гимназіи подъ видомъ болѣзни если и приходилось навѣщать Зимину, то такіе случаи были очень рѣдки по отношенію къ ученикамъ высшихъ классовъ. Впрочемъ въ періодъ надзирательства Гиргаса могъ быть такой случай, что, подслушавъ у замочной скважины разговоръ въ квартирѣ, Гиргасъ явился на другой день къ мнимому больному съ врачомъ, не смотря на исчезнувшую со стола записку о болѣзни. Все десятилѣтіе 1850-хъ годовъ гимназическимъ врачомъ былъ П. А. Зиминъ, не имѣвшій, какъ врачъ, никакого авторитета въ городѣ: отъ всѣхъ болѣзней у него было три лѣкарства—касторка, ромашка и горчишники. Ученики знали о его слабыхъ медицинскихъ познаніяхъ и обманывали Зимина самымъ безцеремоннымъ образомъ, зачастую просто глумились надъ нимъ, выдумывая небывалыя болѣзни. Зиминъ, выслушавъ нелѣпное объясненіе ученика о своей болѣзни, осматривалъ языкъ, щупалъ пульсъ, а затѣмъ совѣтовалъ употребить одно изъ любимыхъ имъ лѣкарствъ, утѣряя, что завтра свободно можетъ ученикъ идти въ гимназію.

Науменко каждое утро находился въ своей канцеляріи, занимаясь текущими дѣлами. Всѣ мѣсячныя и годовыя вѣдомости онъ напередъ повѣрялъ самъ и потомъ уже въ другой разъ провѣрялъ ихъ со старшими учителями, составлявшими

Очень рѣдко Зиминъ заявлялъ инспектору о мнимой болѣзни ученика. Въ наше счастливое время (1851—1858 г.) и понятія не было о скарлатинѣ, дифтеритѣ и многихъ иныхъ нынѣ процвѣтающихъ въ гимназіяхъ болѣзняхъ. Въ теченіе означеннаго періода только одинъ ученикъ (Михаилъ Самохваловъ) умеръ, и то въ 1855 году отъ холеры. Никакихъ калашъ мы не знали и, благодаря уличной грязи, зачастую уроки просиживали съ мокрыми ногами. Рѣдко простуживались и зимою, хотя для учениковъ мученіемъ было хожденіе въ большіе морозы въ церковь, на другой отъ гимназіи конецъ города. Въ праздничные дни къ 8 часамъ ученики собирались въ зданіи гимназіи, отсюда попарно вель ихъ надзиратель въ Соборъ; этотъ далекій путь по не расчищенной отъ снѣга улицѣ замораживалъ многихъ, а въ холодномъ Соборѣ, на чугунномъ полу, ученики просто коченѣли отъ стужи, но все это проходило благополучно; тяжкія простуды и болѣзни невѣдомы были ученикамъ того времени.

Въ наше время ученикамъ дозволялось единственное развлеченіе—это игра на площади въ мячъ, въ которой принималъ участіе и Метлинскій. Спектакли впервые явились въ 1858 году. Никакихъ литературныхъ вечеровъ мы не знали. Съ литературными произведеніями мы знакомились только по тѣмъ выдержкамъ или образцамъ, которые помѣщались въ Хрестоматіи Галахова или учебникахъ Кошанскаго. Учитель Словесности Терновскій далѣе учебниковъ не двигался. Въ 1854 году былъ назначенъ преподавателемъ Русскаго языка въ низшихъ классахъ извѣстный впоследствии Александръ Ивановичъ Стронинъ. Онъ долженъ былъ заниматься тѣмъ же предметомъ съ учениками 4-го класса, которые только съ 5-го класса начинали слушать Законновѣдѣніе. За этотъ одинъ годъ Стронинъ познакомилъ насъ съ русской литературой на столько, на сколько Терновскій, учитель Словесности, не въ состояніи былъ познакомить и за десять лѣтъ. Всѣми своими знаніями и грамотностью мы исключительно обязаны Александру Ивановичу, отъ него мы получали книги, онъ самъ во время уроковъ очень много читалъ намъ. Первый романъ, который мы въ своей жизни прочитали—это была «Обыкновенная исторія»

тогда педагогическій совѣтъ. Не имѣя надежнаго письмоводителя въ канцеляріи своей, онъ самъ для занятія этой должности образовалъ увольнившагося изъ гимназіи ученика Василя Деленчъ-Ленчевскаго, который и теперь исправляетъ эту должность, усвоивъ основательное знаніе канцелярскаго производства и относящихся къ нему законоположеній. По окончаніи своихъ занятій въ канцеляріи, Науменко обыкновенно приходилъ въ классы, въ которыхъ слушалъ преподаваніе уроковъ. Директоръ и инспекторъ въ то время преподаваніемъ уроковъ въ классахъ не занимались, а наблюдали только за порядкомъ, первый по учебной части, а второй по нравственной, и дѣла имъ по этимъ

Гончарова, получилъ же ее классъ отъ Стронина; массу монологовъ этого романа мы списали в теперь помнимъ слово въ слово, какъ напр.: «мать любить безъ толку и безъ разбору; богаты-ли вы, красивые, горды, гремѣть-ли ваши дѣла по свѣту, голова старушки трясется отъ радости, она и плачетъ, и смѣется, и шепчетъ: это мой! и т. д.». По своему вліянію на развитіе учениковъ Стронинъ былъ достойнѣйшій сотоварищъ Метлинскаго, жаль только, что вскорѣ онъ былъ переведенъ въ Полтавскую Гимназію.

Прогулки за городъ ученикамъ строго воспрещались, только воровскимъ образомъ можно было отправиться за Десну или въ далекіе овраги, окружающіе прелестный по своему мѣстоположенію городъ. Туда и Гиргасъ боялся забираться, зная, что встрѣча можетъ добромъ не кончиться, если нарвется на компанію мужей. Въ началѣ 1850-хъ годовъ ученики за 25 лѣтъ были не рѣдкость; всѣ они носили за голенищами сапогъ воловьи рога съ нюхательнымъ табакомъ, который и употребляли согласно его назначенію. Странно было видѣть, какъ послѣ словъ Орловскаго: «болванъ! на колѣни!» эти гиганты мгновенно опускались на цѣлый часъ на полъ и смиренно стояли на колѣняхъ. Такого сорта ученики страха не знали, Гиргасъ ихъ побаивался. Былъ однажды такой случай. На площади, что около гимназіи, вдали отъ всякихъ построекъ стояла оставленная по ветхости кладбищенская церковь Св. Юрія; дожди промыли отверстие, шедшее подъ церковь. Ученики его раскопали болѣе и когда полѣзли туда, то оказалось, что это склепъ, наполненный гробами съ совершенно истлѣвшими трупами, въ числѣ которыхъ былъ трупъ гене-

предметамъ наблюденія было не мало. Въ случаяхъ неприхода учителей на уроки Науменко считалъ бесполезнымъ сводить учениковъ въ одинъ какой-нибудь классъ, гдѣ они мѣшали только преподаванію, и велѣлъ отпускать ихъ на квартиры. Науменко, узнавъ, что незадолго до прибытія его въ Новгородъ-Сѣверскъ, когда ученики толпами бѣжали изъ классовъ, одинъ изъ нихъ упалъ на лѣстницѣ и сломалъ себѣ ногу, распорядился, чтобы по окончаніи уроковъ служитель не звонилъ въ колокольчикъ, а чтобы дежурный надзиратель, за пять минутъ до конца уроковъ, шелъ въ нижній коридоръ и, начиная съ 1-го класса, выпускалъ учениковъ изъ гимназіи; когда такимъ образомъ надзиратель оканчивалъ выпускъ учениковъ изъ классовъ нижняго этажа, тогда я такимъ-же образомъ выпускалъ ихъ изъ классовъ верхняго этажа; отъ соблюденія такого порядка въ гимназіи, по окончаніи уроковъ, не происходило такого шума, какой обыкновенно бываетъ при одновременномъ выпускѣ учениковъ всѣхъ классовъ по колокольчику.

Въ общей ученической квартирѣ были два особые надзирателя. По окончаніи уроковъ въ гимназіи, я обыкновенно зарала, судя по сохранившемуся въ гробѣ платью. Ученикъ 3 класса Т—й держалъ пари съ ученикомъ Ш—емъ (обоимъ далеко за 20 лѣтъ), на четверть фунта табаку Кріола паца Никола, что въ полночь онъ пойдетъ въ склепъ и напишетъ свою фамилію на гробѣ генерала. Пари состоялся. Когда вышелъ изъ квартиры Т—й, Ш—ъ другой улицей, пробѣжалъ на площадь, влѣзъ въ склепъ, накрылся простыней и сѣлъ на гробъ генерала ожидать Т—аго; тотъ не замедлилъ придти и, когда приблизился къ Ш—у, послѣдній стремительно летитъ изъ склепа, сталкивается уже на площади, у отверстія, съ Гиргасомъ, который подслушалъ ранѣе эти пари, бьетъ, какъ показалъ въ послѣдствіи, отъ испуга немилосердно Гиргаса и летитъ домой. Пари, безъ сомнѣнія, выигралъ Ш—ъ, такъ какъ Т—ый своей фамиліи на гробѣ не написалъ. Вспоминая это давно прошедшее, себѣ не вѣришь, что жилъ во время оно съ такими богатырями, видѣлъ ихъ и, на одной скамьѣ сидя, слышалъ призывъ: «а ну-ста, разкажи урокъ-ста!» Смирненно поднимается богатырь, ни звука не произносить и смирненно идетъ въ уголъ, гдѣ и становится лицомъ къ стѣнѣ, засовывая въ носъ золотику нюхательнаго табаку.

ходилъ въ эту квартиру и пробовалъ оставляемую для меня порцію чая и пищи. Науменко часто освобождалъ меня отъ этой обязанности и самъ приходилъ для того же въ общую квартиру.

Частныя ученическія квартиры въ городѣ состояли подъ наблюденіемъ двухъ гимназическихъ надзирателей, и подъ моимъ личнымъ надзоромъ, а иногда посѣщаемы были и самимъ директоромъ. Изъ двухъ гимназическихъ надзирателей, *К. П. Гиргасъ*, отличался своею энергіею и былъ порядочный сыщикъ ¹⁾.

¹⁾ Константинъ Петровичъ Гиргасъ оставилъ по себѣ недобрую память между учениками гимназіи. Это не былъ воспитатель, обязанный способствовать развитію разумныхъ и нравственныхъ началъ между учащимися; это былъ шпионъ по страсти, могущій стоять ночи гдѣ нибудь за угломъ, за деревомъ, если онъ предполагалъ что тамъ онъ изловитъ ученика съ папиромъ, или увидитъ и помѣшаетъ свиданію ученика высшаго класса. Иногда Гиргасъ дѣйствительно простаивалъ ночи у ставень гимназической квартиры, прислушиваясь къ разговорамъ, приложивъ ухо или глазъ къ скважинѣ съ цѣлю узнать, что говорятъ и что дѣлаютъ ученики въ квартирѣ. Высмотрѣвъ все, Гиргасъ входилъ въ квартиру, облизываясь, точно легавый песъ, садился и издалека начиналъ вести бесѣду о томъ, что онъ все знаетъ, что какъ бы ни были осторожны и скрытны ученики, ему всегда все извѣстно, что о немъ ученики говорятъ, кто его бранить и гдѣ у учениковъ находится все запрещенное. Намеками о томъ, что находится въ данной квартирѣ, онъ доводитъ слушателей до крайняго испуга и наслаждается всеобщимъ смущеніемъ и страхомъ въ теченіе часа, или двухъ, а потомъ продолжаетъ: вотъ и здѣсь мнѣ извѣстно, гдѣ у кого лежитъ табакъ и гдѣ у Лисаневича (малый, лѣтъ 23, ученикъ 3-го класса) стоитъ шкаликъ съ лимонной. Послѣ этихъ словъ всѣ столбенѣютъ,—наступаетъ страшная минута. Гиргасъ встаетъ, отодвигаетъ кровать Лисаневича отъ печки, вынимаетъ тщательно придавленный кроватью кирпичъ и вытаскиваетъ изъ отверстія шкаликъ лимонной водки. Затѣмъ Гиргасъ подходит къ этажеркѣ съ книгами и внизу подъ послѣдней полкой находитъ табакъ, бумаги и мундштучки изъ очерету. Записавъ все происшедшее въ квартирный журналъ, несмотря ни на какія просьбы и молюбы, Гиргасъ, какъ истый охотникъ, съ добычей возвращается

Наблюдая за учениками, чтобы они не курили (что въ то время сильно преслѣдовалось), онъ нарочно прохаживался по городу; видя какого-нибудь ученика, идущаго въ лавку, Гиргасъ скрывался за нею и при выходѣ ученика изъ лавки осматривалъ его карманы и вынималъ табакъ. Узнавъ о предстоящемъ какомъ-нибудь безпорядкѣ между учениками, на примѣръ о ночной пирушкѣ, Гиргасъ ночью же являлся въ ихъ квартиру,

домой. (Онъ жилъ на директорскомъ огородѣ въ домикѣ, имѣвшемъ двѣ комнатки, включая сѣни, или переднюю). Очевидно было, что Гиргасъ много часовъ простоялъ у скважины оконной ставни, чтобы высмотрѣть, гдѣ и что спрятано учениками. Самчевскій, говоря о немъ, что это былъ «порадочный сыщикъ», сказалъ мало,—это былъ идеальный шпионъ по страсти, по призванію, неоцѣненный при жизни, такъ какъ онъ попалъ на службу не туда, гдѣ бы ему слѣдовало служить. Доставалось иногда и Гиргасу: стоило только кому либо замѣтить, что онъ ходитъ по ночамъ подслушивать къ извѣстной квартирѣ, тотчасъ собирается облава на Гиргаса, приглашаются мастеровые, сапожники—и Гиргаса подъ видомъ вора поколотятъ. Побой ему наносились осторожно, издалека, палками, которыя бросали въ него. Прекрасно окончилась исторія съ Лисаневичемъ. На другой день Гиргасъ обо всемъ доложилъ Самчевскому. Во время перваго урока входитъ О. А. въ третій классъ. «А ну, стерво¹⁾», сказалъ онъ обращаясь къ Лисаневичу, выходи сюда, се ты уже за водку принялся, то тылько нюхавъ и куривъ, а теперъ вонъ якъ, ходимъ лишь». Это означало приглашеніе внизъ въ сторожку на расправу подъ розги. Проходитъ полчаса; О. А. является въ классъ съ Лисаневичемъ весь красный отъ смѣха и кричитъ Лисаневичу: покажь, покажь—и заставляетъ Лисаневича показать классу свои штаны. Оказалось, что Лисаневичъ, предвидя розги, продѣлалъ сквозь петли штановъ замокъ, заперъ его и ключъ оставилъ дома. Приведа въ сторожку и видя, что приказанія «а ну, стерво, ложись» Лисаневичъ не исполняетъ, О. А. велитъ сторожу снять съ него штаны, причемъ обнаруживается, что послѣдніе заперты. Эта штука такъ поразила О. А. что онъ чуть не умеръ отъ смѣха; повелъ Лисаневича къ Науменку, показалъ замокъ директору,

¹⁾ Единственная и любимая ругань О. А., впрочемъ нѣкого особенно оскорблявшая. Въ глазахъ учениковъ она равносильна была тому, какъ бы онъ сказалъ: а ну, драинный мальчашка...

какъ снѣгъ на голову, а если ученики спали, зажигалъ спичку и повѣрялъ, всѣ ли они дома.—Однажды дошелъ до меня слухъ,

чуть того не умирилъ, а затѣмъ привелъ въ классъ. Хохотъ былъ всеобщій, Лисаневичъ сдѣлался героемъ дня. На большой перемѣнѣ Самчевскій показывалъ его учителямъ, интересовавшимся посмотрѣть, какъ это штаны заперты. Въ концѣ концовъ Лисаневичъ былъ на нѣсколько дней посаженъ въ карцеръ въ назиданіе другимъ. Не долго послѣ этой исторіи жилъ Гиргасъ; ходилъ слухъ, что на Воздвиженской улицѣ его такъ избили, что, проболѣвъ нѣкоторое время, онъ отиравился ко всеобщей радости учениковъ *ad patres*. Совершенной противоположностью Гиргасу былъ другой надзиратель Гавріилъ Владиміровичъ Лакида; въ его участкѣ (городъ былъ раздѣленъ на два участка) жило гимназистамъ спокойно; на куренье учениковъ вышнихъ классовъ Лакида смотрѣлъ сквозь пальцы. О шпионствѣ у благороднаго Г. В. и помину не было. Гиргасъ же развивалъ это искусство, приближалъ къ себѣ доносчиковъ, покровительствовалъ имъ и тѣмъ оказывалъ вполне развращающее вліяніе на учениковъ гимназіи. Личность Гиргаса была въ гимназіи такимъ зломъ, которое, какъ всякую нечисть, надо было убрать немедленно, и надо удивляться, какъ такіе почтенные люди, какъ Науменко и Самчевскій, терпѣли Гиргаса до кончины дней его.

Въ 1850-хъ годахъ, кромѣ общей квартиры, ученики селились на двухъ главныхъ улицахъ города и на Воздвиженской, самой любимой улицѣ, наполненной садами. За 30 руб. годовой платы можно было имѣть помѣщеніе со столомъ. Въ комнатѣ помѣщалось столько учениковъ, сколько могло быть поставлено кроватей. Многие ученики жили на собственныхъ хлѣбахъ; они нанимали комнату съ правомъ варить кушанья въ хозяйской кухнѣ. Такъ напримѣръ, три ученика Василій, Петръ и Георгій Чуйкевичи нанимали въ дворѣ Яковенка за 1 р. въ мѣсяцъ комнату, привозили съ собою изъ села Быстрика, крелевецкаго уѣзда, Горнину съ коровой, съ надлежащей провизіей—мукой, масломъ, саломъ, крупой и проч. Горнина въ хозяйской кухнѣ готовила обѣды. При такомъ способѣ содержаніе обходилось еще дешевле 30 р. въ годъ, ибо Горнина была баба своя, крѣпостная, и провизія была тоже своя, непокунная; въ деньгахъ не было никакой надобности. Чаю въ дешевыхъ квартирахъ не знали: поутру давался стаканъ молока съ бубликомъ. На учительскихъ квартирахъ ученики получали стаканъ жидкаго чая съ такимъ же грошовымъ бубликомъ.

что ученики гимназіи, толпою собравшись на одной изъ Новгородъ-Сѣверскихъ горъ, устроили драку съ учениками духовнаго уѣзднаго училища. Я хотѣлъ послать за Гиргасомъ, но онъ самъ явился ко мнѣ съ донесеніемъ, что онъ видѣлъ эту драку, замѣтилъ нѣкоторыхъ учениковъ на мѣстѣ ея, и когда ученики, увидѣвъ его, разбѣжались по своимъ квартирамъ, онъ обошелъ послѣднія и, ощупывая головы учениковъ, по тѣмъ, которыя оказались въ поту, узналъ участниковъ драки; при этомъ онъ представилъ списокъ послѣднихъ, которые были за это наказаны заключеніемъ въ карцеръ и въ классахъ. Объ ученикахъ духовнаго уѣзднаго училища я тогда же далъ знать инспектору этого училища, и съ тѣхъ поръ подобныя драки прекратились. Другой надзиратель—Г. В. Лакида—былъ исправенъ по службѣ, но не такъ энергиченъ, какъ Гиргасъ. Съ нимъ случилось слѣдующее, весьма непріятное происшествіе: одинъ изъ учениковъ, замѣченный въ дурной нравственности, когда Лакида, посѣтивъ его квартиру, выходилъ изъ сѣней, спрятался за дверь на скамейкѣ и облилъ его сзади купороснымъ масломъ; къ счастью оно не попало на тѣло, но испортило только шинель Лакиды. За этотъ поступокъ виновный ученикъ былъ исключенъ изъ гимназіи, а отецъ его заплатилъ Лакидѣ за испорченную шинель.

Къ ученикамъ, въ случаѣ ихъ провинности, Науменко былъ довольно снисходителен¹⁾. Когда я представлялъ ему шалуновъ

¹⁾ Кто зналъ директоровъ Невѣрова и Науменка у того они въ памяти совершенно сливаются, такъ они были похожи другъ на друга; оба представляются чрезвычайно добрыми и симпатичными начальниками. Кажется, никто не можетъ сказать, чтобы кто либо изъ нихъ наказалъ ученика. Характеръ ихъ служебной дѣятельности былъ также совершенно одинаковый, и манера говорить и замѣчать у нихъ была одна и таже. Оба были высокаго роста, худощавы, съ медленной походкой и медленной рѣчью; Невѣровъ былъ блондинъ, а Науменко болѣе подходилъ къ брюнету. Не особенно часто являлся въ классы и Павелъ Осиповичъ; входилъ онъ такъ-же, какъ и Невѣровъ, въ сопровожденіи почтительнаго инспектора, такъ-же скоро оставлялъ классъ, спросивъ учителя, о чемъ сегодня урокъ. Всѣ кругомъ гово-

или лѣнивыхъ, онъ обыкновенно говорилъ мнѣ: „побить, побить ихъ надо“, а я по его мимикѣ зналъ, кого должно наказывать, а кого только постращать розгою. По одному случаю такого рода наказанія, я имѣлъ большую непріятность отъ клеветы учителя Орловскаго¹⁾. Въ гимназіи учились тогда два сына умершаго

рли, что Науменко очень добрый директоръ и ученики этому охотно вѣрили, ибо знали, что П. О. никому никогда зла не дѣлалъ. Какъ въ Черниговѣ преподаваніе учителями своихъ предметовъ шло безъ всякаго вѣдома и надзора директора Невѣрова, точно тоже совершалось и въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Случая не было, чтобы Науменко когда либо пришелъ въ классъ во время урока, прослушалъ преподаваніе учителя и обратилъ бы вниманіе на отвѣты учениковъ. Если бы П. О. не былъ прежде учителемъ гимназій, о чемъ было извѣстно ученикамъ, послѣдніе имѣли полное основаніе думать, что ихъ директоръ ровно ничего не знаетъ, поэтому и уклоняется посѣщать классы. Но неволь приходится допустить, что въ то время къ директору его начальствомъ были предъявляемы нныя, чѣмъ теперь, требованія, что его обязанности были не точно опредѣлены, что канцелярская работа поглощала массу времени, поэтому методъ преподаванія учителями своихъ предметовъ ускользалъ изъ сферы вліянія и надзора директора. Какъ бы то ни было, но мы глубоко уважали Науменка и очень сожалѣли, когда узнали о переводѣ его въ другую гимназію.

¹⁾ Людвигъ Осиповичъ Орловскій былъ учителемъ ариметики и геометріи; свои предметы онъ зналъ превосходно, также я объяснялъ свои уроки ученикамъ: «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой». Л. О. являлся въ классъ одѣтымъ по послѣдней модѣ, медленно подходилъ къ доскѣ и тотчасъ объяснялъ слѣдующій урокъ, затѣмъ приказывалъ лучшему по математикѣ ученику повторить все то, что онъ объяснилъ, послѣ чего начиналъ спрашивать предъидущій урокъ. Въ классѣ Орловскаго была всегда мертвая тишина, никто слова не смѣлъ шепнуть своему товарищу. Орловскаго всѣ ученики очень боялись, зная его мстительный характеръ. Въ низшихъ классахъ онъ всегда почти всѣхъ вызывалъ къ доскѣ, и чуть только въ отвѣтѣ ошибка, тотчасъ: «болванъ! на колѣни!» Къ концу урока полъ класса на колѣняхъ окружали каеэдру. Орловскій охотно принималъ къ себѣ на квартиру учениковъ, чѣмъ и пользовались мало способные по математикѣ ученики; Орловскій ихъ никогда не спрашивалъ, ставилъ

Новгородъ-Сѣверскаго аптекаря О., изъ которыхъ одинъ въ особенности отличался лѣнностью и любилъ ходить на охоту, что

въ теченіе года переводныхъ отмѣтки, а на экзаменѣ они отвѣчали то, что имъ приказано было дома приготовить. Ученикамъ, жившимъ на квартирѣ у Орловскаго, покровительствовалъ и его другъ учитель Физики и Алгебры Леопольдъ Карловичъ Искерскій, замѣчательно умный и симпатичный учитель. Онъ никогда не ставилъ ученикамъ Орловскаго непереводной отмѣтки; бывало, видя, что ученикъ ничего не знаетъ, Л. К. подойдетъ къ доскѣ, объяснить весь урокъ ученику и затѣмъ поставитъ три, тоже онъ дѣлалъ и на экзаменѣ. Многие ученики брали у Искерскаго уроки по математикѣ; плата была 50 р. въ годъ. Занимался Л. К. чрезвычайно добросовѣстно, и нельзя было не знать его предметовъ. Какъ преподаватели своихъ предметовъ, Орловскій и Искерскій были образцовыми учителями, у нихъ только тотъ не зналъ, кто ничего не хотѣлъ знать, или былъ совершенно неспособнымъ ученикомъ. Самчевскій къ нимъ относился недружелюбно, — вѣроятно онъ вообще не любилъ поляковъ. Искерскій женился на дѣвицѣ Ольденбургеръ, бракъ которой съ Орловскимъ почему то не состоялся, хотя въ городѣ говорили въ свое время о немъ, какъ о вопросѣ рѣшенномъ. Въ январѣ 1858 года Искерскій былъ переведенъ, кажется, въ Ровенскую гимназію, его мѣсто занялъ Ілья Гавриловичъ Радкевичъ. Приѣхалъ къ намъ И. Г. совершеннымъ юношей, въ студентской фуражкѣ, лѣтъ повидимому 18, и тотчасъ сталъ съ учениками 7 класса на дружескую ногу, о чемъ мы прежде и мечтать не смѣли. До Радкевича всѣ учителя, кромѣ Метлинскаго, были олимпийскіе боги, страшно было подумать сказать изъ нихъ кому либо слово, въ ихъ присутствіи ученики были безгласны. Радкевичъ явился другомъ, товарищемъ, всѣ бросились къ нему съ распростертыми объятіями, и И. Г. сдѣлался всеобщимъ любимцемъ. При немъ ученики 7 класса впервые, какъ существуетъ гимназія, отправились съ нимъ въ поле на практическія занятія съ астролябіей. Это былъ незабвенный день. Всѣ запаслись на цѣлый день провизіей, взяли даже съ собою нѣсколько бутылокъ церковнаго вина. Сняли мы на планѣ нѣсколько участковъ земли и возвратились въ городъ съ заходомъ солнца. Впослѣдствіи мы узнали, что милѣйшему Ільѣ Гавриловичу досталось отъ директора Кулжинскаго за эту прогулку. Кажется, всю бѣду надѣлало церковное вино. Болѣе уже научнаго свойства прогулокъ никогда не было — первый блинъ оказался комомъ.

тогда строго ученикамъ запрещалось; такъ какъ этотъ ученикъ былъ въ четвертомъ классѣ и могъ быть наказанъ розгами только съ согласія матери, то она дала мнѣ отъ себя записку о своемъ согласіи наказать ея сына, если онъ того заслужилъ; сынъ ея при мнѣ въ присутствіи дежурнаго надзирателя, который всегда въ подобномъ случаѣ при томъ находился, былъ наказанъ розгами. На другой день, когда я пришелъ въ гимназію, надзиратель Лакида разсказалъ мнѣ, что Орловскій говорилъ учителямъ, будто я жестоко наказалъ ученика О., будто мать его показывала окровавленную рубаху наказаннаго сына и хочетъ послать на меня прошеніе попечителю. Пораженный такимъ на меня нареканіемъ, я тотчасъ пошелъ къ Науменку и, разсказавъ ему слова Лакиды, просилъ позволенія подать ему рапортъ съ просьбою разслѣдовать заявленное противъ меня обвиненіе. Павелъ Осиповичъ, не терпѣвшій никакой тревоги въ гимназій, убѣждалъ меня не начинать дѣла такимъ формальнымъ образомъ, говоря, что изслѣдованіе конечно обнаружить интригу Орловскаго, и что Бибииковъ, всегда строгій къ полякамъ, непременно отрѣшитъ его отъ службы; при этомъ Науменко просилъ меня ни съ кѣмъ не разговаривать о клеветѣ Орловскаго, чтобы молва о ней не разнеслась по городу и между учениками, и убѣждалъ меня, что время обнаружить клевету и вывести правду на чистую воду. Нельзя было не согласиться съ такимъ совѣтомъ благомыслящаго начальника. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, когда мать наказаннаго ученика пришла ко мнѣ просить о назначеніи ей квартирантовъ изъ учениковъ, я спросилъ ее о ея намѣреніи жаловаться на меня попечителю; она съ изумленіемъ отвѣчала, что совѣмъ не знаетъ, былъ ли сынъ ея мною наказанъ, что не видала его окровавленной рубахи и не думала на меня жаловаться, что Орловскій, сдѣлавшись женихомъ ея дочери, оставилъ ее и женился на другой дѣвицѣ полькѣ, а теперь хочетъ загладить предъ нею свой безчестный поступокъ безчестіемъ на меня клеветою, выражая свое участіе къ наказанному ея сыну.—Ни Науменко, ни я ничего не говорили Орловскому о его клеветѣ.

Къ службѣ гимназическихъ чиновниковъ директоръ Науменко всегда былъ внимателенъ, ежегодно представлялъ ихъ по очереди къ денежной наградѣ изъ суммы, собираемой за право ученія, что тогда начальствомъ дозволялось.—Законоучителемъ гимназiи былъ въ это время Павелъ Крыловскій, недавно только посвященный въ священники¹⁾. Науменко совѣтовался со

¹⁾ Въ началѣ 1850-хъ годовъ законоучителемъ въ гимназiи былъ Протоіерей Василій Янчевскій. Онъ имѣлъ привычку прибавлять почти что къ каждому слову: «ста». А ну-ста иди-ста отвѣчать чтоль-ста! говаривалъ Янчевскій. Все преподаваніе Закона Божія Янчевскимъ заключалось въ требованіи выдолбить слово въ слово «отсюда и досюда» Таковымъ же учителемъ, только безъ «ста», явился въ 1853 году и преемникъ Янчевскаго священникъ Павелъ Алексѣевичъ Крыловскій, мущина высокаго роста, съ громадной рыжей бородой и съ постоянно ругательной фразой на устахъ: «эхъ ты, остолопъ»; за что ученики и окрестили его этой кличкой,—никого имени онъ не имѣлъ. Какъ и всѣ лица духовнаго званія, Крыловскій пользовался дружбой Самчевскаго; какъ окончившіе духовную академію, они имѣли много общихъ точекъ соприкосновенія. Очень часто, во время большой перемѣны, О. А. приходилъ завтракать къ Крыловскому, домъ котораго былъ вблизи гимназiи; разговоры ихъ всегда вертѣлись около служебныхъ движеній лицъ высшей духовной іерархіи. Крыловскій не умѣлъ составить себѣ надлежащаго положенія въ гимназiи; между учениками онъ пользовался извѣстностью отрицательнаго свойства; въ низшихъ классахъ онъ иногда прибѣгалъ къ собственноручной потасовкѣ. Будучи до сего учителемъ въ бурсѣ, Крыловскій всѣ свои привычки пзвѣстнаго свойства перенесъ и въ гимназiю. Заданный урокъ онъ всегда спрашивалъ по книгѣ, поправляя каждое пропущенное, или не такъ сказанное слово, почему ученики предполагали, что по своему предмету онъ ровно ничего не знаетъ; этотъ способъ преподаванія убилъ въ глазахъ учениковъ всякій его авторитетъ. Крыловскій также держалъ у себя въ домѣ и во флигелѣ учениковъ—квартирантовъ, которые пользовались полной свободой; къ нимъ въ комнаты онъ никогда не ходилъ, а надзиратели не имѣли права навѣщать учениковъ, жившихъ на квартирѣ учителей. Флигель помѣщался въ саду, жизнь въ немъ была истиннымъ наслажденіемъ; это была вполне студентская квартира. Здѣсь,

мною, какъ бы намъ упросить архіерея посвятить Крыловскаго въ протоіерейскій санъ, и когда Архіепископъ Павелъ прибылъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, Науменко и я пришли къ нему въ полной формѣ съ просьбою о томъ; владыка соизволилъ удовлетворить нашу просьбу и поручилъ прибывшему въ то же время архіерею Дамаскину, по пути его въ Кіевъ, посвятить Крыловскаго въ протоіереи. Когда архіепископъ Павелъ выходилъ изъ монастырскаго храма, на пути его шествія въ покои разставленные нами по обѣимъ сторонамъ этого пути гимназисты брали у него благословеніе. Когда мы явились къ владыкѣ за благословеніемъ въ его покояхъ, онъ сказалъ намъ: „вотъ ужъ и видно, что въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи теперь начальники русскіе, православные,“ намекая на поляка Бездона, бывшего прежде Науменка директоромъ; на принесенную нами ему

въ теченіе 1857го года процвѣтала игра въ карты между учениками 7 класса, здѣсь устраивались попойки, отсюда предпринимались экскурсіи въ отдаленныя мѣста за городъ, за Десну и очень рѣдко на охоту. Половину флигеля занималъ одинъ изъ учениковъ 7 класса В.; къ нему изъ начальства никто никогда не заглядывалъ, — квартира прикрывалась флагомъ Крыловскаго. Очень многіе, выпуска этого года, игру въ преферансъ и ералашъ знали въ совершенствѣ. Въ Великій постъ 1858 года раза два или три въ недѣлю во флигелѣ Крыловскаго шла шумная и превеселая игра. Никто изъ насъ впоследствии занятымъ игрокомъ не вышелъ, эта страсть къ игрѣ окончилась у каждого еще во время зеленой молодости, — уже въ университетѣ карты были забыты. — Крыловскій не долго былъ законоучителемъ: въ маѣ 1858 года всѣ замѣтили въ немъ большую перемѣну; П. А. началъ часто задумываться и цѣлые часы сидѣлъ одинъ на балконѣ въ саду, понутивъ голову. Признаки малѣйшей важности въ немъ исчезли. Если человѣкъ предчувствуетъ ожидающее его несчастье, то это предчувствіе имѣло полное развитіе въ Крыловскомъ, онъ сталъ для всѣхъ невѣдомымъ какъ бы психически больнымъ человекомъ, и дѣйствительно, 9 іюня его видѣли еще физически здоровымъ, а 10 онъ умеръ отъ удара и утромъ лежалъ уже на столѣ, оставивъ жену и пять малолѣтнихъ дѣтей съ самыми скудными средствами къ жизни.

благодарность за посвященіе законоучителя нашего въ протоіереи, онъ съ улыбкою проговорилъ: „да, я спроворилъ“.

Когда оканчивалось данное мнѣ пятилѣтіе на службѣ, Павелъ Осиповичъ, не дожидаясь отъ меня просьбы, самъ предложилъ мнѣ остаться еще на пять лѣтъ на службѣ, и представленіе его о томъ утверждено было попечителемъ.

Гуманнымъ своимъ обращеніемъ со всѣми чиновниками гимназіи Павелъ Осиповичъ сообщалъ ихъ между собою, поселялъ между ними взаимное дружелюбіе, и въ праздничное время они собирались другъ у друга. Помню одинъ Рождественскій праздникъ; начиная съ 1-го дня его до 6-го января, мы съ семействами нашими каждый вечеръ собирались сперва у директора, потомъ у меня и далѣе, по взаимному назначенію, у каждого изъ нашихъ сослуживцевъ, и весело проводили время въ бесѣдахъ, иные въ играхъ, другіе въ танцахъ, заканчивая такое пріятельское собесѣдованіе ужиномъ, предлагаемымъ по средствамъ каждого.

— Въ лѣтнее ваканціонное время семейство Науменка, вмѣстѣ съ моимъ семействомъ, на лодкахъ, по рѣкѣ Деснѣ прїѣзжали на мой сѣнокосъ, гдѣ весь день проводили подъ открытымъ воздухомъ; косари, убиравшіе тогда сѣно, ловили намъ въ озерѣ рыбу, тутъ же ее варили и угощали насъ, поднося ее вмѣсто блюда на веслѣ; веселонравный надзиратель гимназіи Киселевичъ своими забавными разсказами и шутками увеличивалъ нашу веселость. Пріятно вспомнить проводимое такимъ образомъ время!

Отъ веселаго воспоминанія перехожу здѣсь къ печальному. Жена моя, съ молодости привыкшая ко всѣмъ переменамъ погоды, слишкомъ надѣясь на свое здоровье, не берегла его. Однажды въ холодную осеннюю пору, развѣсивая при сильномъ вѣтрѣ бѣлье, она получила такой кашель, отъ котораго уже не могли ее вылѣчить доктора—у нея образовалась чахотка. Прележавши въ постели около пяти мѣсяцевъ, она умерла съ полнымъ сознаниемъ: наканунѣ смерти она сама распредѣлила все нужное для ея погребенія, заказала къ другому дню для насъ кушанья и за часъ предъ своею кончиною просила меня

прочитать надъ нею отходную молитву, послѣ которой поблагодарила меня за всѣ мои о ней попеченія, попросила у меня прощенія въ томъ, что не слушала моихъ совѣтовъ для сохраненія своего здоровья, и простившись со мной и сыновьями, велѣла намъ удалиться спать; черезъ часъ времени мы слышали послѣдній стонъ ея, и войдя, нашли ее уже мертвою. Это случилось въ ночь передъ праздникомъ Рождества Христова. Науменко принялъ самое дружеское участіе въ моемъ горѣ; по его совѣту меньшій сынъ мой Михайлъ перешелъ изъ Кіевской гимназіи учителемъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, чтобы служить мнѣ подпорою въ моемъ несчастіи.

Науменко желалъ предъ концомъ службы своей получить другое мѣсто съ большимъ окладомъ жалованья и, по просьбѣ его о томъ, былъ переведенъ директоромъ въ Бѣлоцерковскую гимназію. Жаль намъ было разстаться съ такимъ благороднымъ начальникомъ; на данномъ ему прощальномъ обѣдѣ мы выразили общую нашу искреннюю признательность и благодарность. Попечитель предписалъ мнѣ исправлять должность директора, и Науменко сдалъ мнѣ все имущество гимназіи въ совершенной цѣлости и исправности. Въ Бѣлоцерковской гимназіи Науменко служилъ съ такимъ же уваженіемъ и любовью къ нему его подчиненныхъ, какъ и въ Новгородъ-Сѣверскѣ; тамошніе сослуживцы, при выходѣ его въ отставку, поднесли ему отъ себя подарокъ. Будучи въ отставку, Павелъ Осиповичъ жилъ въ Кіевѣ, гдѣ воспитывались два сына его, и пользовался тамъ уваженіемъ отъ всѣхъ, его знавшихъ. Когда мнѣ случалось пріѣзжать въ Кіевъ, мы встречались съ нимъ, какъ старые пріятели, и съ удовольствіемъ вспоминали о нашей службѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

XXXVII.

Устройство карниза на домъ гимназій. — Ардааліонъ Калыстратовъ. — Директоръ Кулжинскій; его распоряженія и отношенія къ чиновникамъ гимназій. — Ученическіе спектакли. — Ревизія Ребиндера. — Моя отставка отъ службы. — Переводъ Кулжинскаго въ Полтаву.

Вступивъ въ исправленіе должности директора, я долженъ былъ произвести ремонтировку наружной стороны дома гимназій, на которомъ алебастровый карнизъ началъ обваливаться и угрожалъ опасностью ходившимъ близъ стѣны. Разрѣшено было отбить карнизъ вокругъ всего дома и сдѣлать новый опять изъ алебастра. Принимая во вниманіе, что новый алебастровый карнизъ будетъ дорого стоить и недолго продержится на старомъ кирпичѣ и что выгоднѣе и прочнѣе будетъ, отбивши алебастровый карнизъ, подбить его досками и покрасить масляною краскою, я сообщилъ мое мнѣніе Попечителю Округа, и оно удостоилось утвержденія. Сдѣланный такимъ образомъ деревянный карнизъ вверху дома гимназій держится на немъ и доселѣ.

Довольно долгое время я исправлялъ должность директора въ ожиданіи назначенія преемника Науменку. Въ это время высшее начальство опять стало опредѣлять директорами въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію людей, не приготовленныхъ къ учеб-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 7.

ной службѣ. Изъ газетъ я узналъ, что директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи назначенъ какой-то Ардаліонъ Каллистратовъ. Прежде нежели я получилъ предписаніе о томъ отъ попечителя Кіевскаго учебнаго Округа, Каллистратовъ прибылъ въ Новгородъ-Сѣверскъ и занялъ въ домѣ гимназіи директорскую квартиру. Когда я явился къ нему, онъ вручилъ мнѣ предписаніе министерства о его назначеніи и считалъ себя начальникомъ гимназіи, хотя я не сдавалъ ему должности. На первой недѣлѣ великаго поста онъ говѣлъ съ нами и предъ началомъ ученія велѣлъ мнѣ собрать учениковъ въ залѣ для слушанія молебна, чего прежде никогда не бывало; по окончаніи молебна онъ произнесъ предъ учениками грозную рѣчь, въ которой говорилъ имъ, что будетъ строго взыскивать съ нихъ за лѣность и худое поведеніе. Такой поступокъ Каллистратова всѣхъ насъ удивилъ своимъ на первыхъ-же порахъ неблагоразуміемъ. Послѣ такой рѣчи онъ пошелъ въ свою квартиру, а я въ канцелярію, гдѣ нашелъ два присланные на мое имя пакета, въ одномъ изъ нихъ мнѣ предписывалось, не сдавая должности Каллистратову, продолжать по прежнему исправленіе директорской должности, а другой пакетъ вручить Каллистратову, когда онъ прибудетъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Когда я вручилъ Каллистратову означенный пакетъ, онъ, прочитавъ присланную ему бумагу, заплакалъ: въ предписаніи ему было сказано, что вмѣсто директорской должности въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи онъ назначается чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ Кіевскаго учебнаго округа. Онъ тогда же написалъ отъ себя представленіе попечителю и далъ мнѣ прочитать его; найдя его безграмотнымъ, я совѣтовалъ Каллистратову исправить написанное, но онъ меня не послушался и послалъ въ томъ видѣ, какъ было написано; эта бумага убѣдила всѣхъ въ округѣ въ его неспособности служить по учебному вѣдомству. Говорили, что когда Государь Императоръ былъ въ Кіевѣ, Каллистратовъ хотѣлъ ему жаловаться за удаленіе отъ директорской должности, назначенной ему по Высочайшему приказу, но его удержали отъ такой жалобы; онъ оставался въ Кіевѣ все тѣмъ же чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ, который не поручалъ ему ника-

кихъ дѣлъ. Впослѣдствіи времени объяснилось, почему въ Петербургѣ его назначили директоромъ. Онъ служилъ прежде по Министерству Государственныхъ Имуществъ на какой-то должности, отъ которой былъ удаленъ по неспособности; онъ былъ женатъ на незаконной дочери какого-то генерала, имѣвшаго связи съ высокопоставленными лицами; вотъ эти-то лица и упростили министра народнаго просвѣщенія Норова дать Каллистратову открывшееся въ Новгородъ-Сѣверскій директорское мѣсто. Въ это время въ Петербургѣ находился попечитель Кіевскаго учебнаго округа Ребиндеръ, который, узнавъ о назначеніи Каллистратова и объ его удаленіи отъ прежней должности, лично объяснилъ Норову неспособность Каллистратова быть директоромъ гимназіи и убѣдилъ министра назначить Каллистратова для опыта сперва чиновникомъ особыхъ порученій, а находившагося тогда при Ребиндерѣ чиновника особыхъ при немъ порученій Кулжинскаго опредѣлить директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

Кулжинскій долгое время не пріѣзжалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, находясь въ Кіевѣ, откуда писалъ мнѣ, чтобы я производилъ внутреннія перестройки въ домѣ гимназіи, но не получивъ формальнаго на то предписанія отъ попечителя, и притомъ самъ будучи невѣдущъ въ строительномъ дѣлѣ, я не рѣшился исполнить приказанія Кулжинскаго. Въ то время предположено было верхнюю залу гимназіи передѣлать въ классы, при чемъ надлежало поставить въ ней печи непременно на желѣзныхъ кронштейнахъ, между тѣмъ Кулжинскій распорядился сдѣлать эти кронштейны изъ дерева; прибывшій для освидѣтельствованія этой постройки чиновникъ изъ черниговской строительной коммисіи привязался было къ такому устройству кронштейновъ, но былъ упрощенъ не доносить о томъ въ строительную коммисію.

Въ ожиданіи прибытія Кулжинскаго всѣ мы находились въ недоумѣніи, какъ онъ будетъ управлять гимназіей, потому что изъ Кіева доходили до насъ неблагопріятные слухи о его характерѣ. Учитель Варжанскій, знавшій Кулжинскаго и, кажется, обучавшійся вмѣстѣ съ нимъ въ университетѣ, прямо объявилъ намъ, что онъ считаетъ унизительнымъ служить подъ его на-

чальствомъ, и вскорѣ вышелъ въ отставку. Засѣдая въ канцеляріи гимназіи, Кулжинскій былъ на своемъ мѣстѣ, какъ компетентный по такой службѣ дѣятель: служа въ канцеляріи попечителя въ должности чиновника особыхъ порученій, онъ хорошо изучилъ порядокъ веденія дѣлъ въ гимназіяхъ и, будучи знакомъ со всѣми близкими къ попечителю лицами, черезъ частныя свои съ ними сношенія, зналъ напередъ, когда и въ какомъ смыслѣ представленія его въ округѣ будутъ имѣть свою силу. Первымъ его распоряженіемъ по гимназіи было учрежденіе правильнаго порядка чтенія получаемыхъ для гимназіи журналовъ и газетъ, для чего онъ составилъ очередной списокъ читающихъ лицъ съ обозначеніемъ, сколько времени означенныя ежемѣсячныя изданія должны находиться на рукахъ каждого изъ читающихъ. Этимъ порядкомъ всѣ мы остались довольны. Дѣятельность же Кулжинскаго по учебнымъ занятіямъ гимназіи ограничивалась только тѣмъ, что онъ ежедневно при началѣ уроковъ въ гимназіи приходилъ изъ своей квартиры повѣрять, всѣ ли преподаватели въ свое время приходили на уроки. Въ самое преподаваніе уроковъ въ классѣ онъ не вникалъ, да и не могъ судить о немъ, потому что самъ никогда ничего не преподавалъ и въ университетѣ, какъ говорили, проходилъ курсъ кое-какъ, почему и поступилъ не на учебную службу, а въ канцелярію попечителя, въ которой ему посчастливилось сдѣлать себѣ незаслуженную карьеру. Труды и занятія преподавателей онъ оцѣнивалъ не по ихъ достоинству, а по своему произвольному взгляду и пристрастію.

Особенное благоволеніе свое Кулжинскій оказывалъ почему-то младшему учителю русскаго языка Мануйловичу, который хорошо зналъ свой предметъ и могъ бы преподаваніемъ его приносить надлежащую пользу учащимся, но по нетрезвому образу своей жизни часто пропускалъ уроки, или приходилъ на нихъ слишкомъ поздно и въ классѣ иногда засыпалъ, или читалъ газеты. По обязанности моей, я записывалъ преподавателей, опоздавшихъ на уроки на полчаса. Мануйловичъ, не смотря на свою постоянную неисправность, жаловался на меня Кулжинскому, будто я неправильно записываю его опаздыванія на

уроки, и когда послѣдній передалъ мнѣ эту жалобу, я отказался записывать пропускаемые Мануйловичемъ уроки, предоставляя Кулжинскому о томъ вѣдать. По особенному благоволенію своему къ Мануйловичу, Кулжинскому хотѣлось сдѣлать его старшимъ учителемъ латинскаго языка на мѣсто учителя этого предмета Глобенка, который хорошо зналъ и преподавалъ его, но котораго Кулжинскій не взлюбилъ и притѣснялъ: онъ безъ всякой причины лишилъ его должности надзирателя въ общей квартирѣ, даже вмѣшался въ частныя его отношенія къ семейству учителя Носачевскаго, котораго дочь считалась уже не вѣстою Глобенка, но по совѣту Кулжинскаго вышла замужъ за другого учителя. Огорченный такими непріязненными поступками Кулжинскаго Глобенко подалъ прошеніе о переводѣ его въ Пятигорское училище, гдѣ послѣ онъ былъ смотрителемъ¹⁾. Законоучителю протоіерею Павлу Крыловскому Кулжинскій ока-

¹⁾ Алексѣй Карповичъ Глобенко принадлежалъ къ числу лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ учителей гимназій. Вѣчно спокойный и скромный до застѣнчивости, онъ въ то же время былъ неумолимо строгъ къ ученикамъ во всемъ, что касалось уроковъ. За все время пребыванія А. К. въ Новгородсѣверской гимназій никто, вѣроятно, никогда не слышалъ, чтобы онъ возвысилъ голосъ, а между тѣмъ мало-мальски лѣнивые ученики боялись его страшно. Онъ никогда не вызывалъ ученика къ каедрѣ, а всегда самъ подходилъ къ ученику и стоя предлагалъ вопросы или заставлялъ дѣлать переводы съ латинскаго языка на русскій и съ русскаго на латинскій, причемъ, если ученикъ ошибался, А. К. не поправлялъ его, а только повторялъ ошибку, и ученикъ самъ долженъ былъ поправиться. Помнится, наиримѣръ, такой случай. Обращается А. К. къ ученику и спрашиваетъ: «Скажите, г. Яценко, какъ будетъ сравнительная степень отъ слова *magnus*?» — Мажоръ, — отвѣчаетъ, незадумываясь, Яценко. «Гм... Мажоръ!» повторяетъ А. К. — Маіоръ! — поправляется ученикъ. «Гм... полковникъ! съ усмѣшкою замѣчаетъ учитель. — Мајор! — наконецъ догадывается Яценко. «Такъ бы и сказали сначала, — садитесь». Съ учениками онъ былъ всегда одинаково серьезенъ и никогда не позволялъ себѣ никакой шутки. Таковы же, вѣроятно, были его отношенія и ко всѣмъ другимъ; но крайней мѣрѣ во все время завѣдыванія его общею ученическою квартирою А. К. былъ одина-

зывалъ почему-то свое нерасположеніе. Личныя отношенія Кулжинскаго ко мнѣ, если не были явно непріязненны, то всегда оказывались двуличными, даже и тогда, когда онъ хотѣлъ показать мнѣ свое доброжелательство. Когда онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ представить меня къ ордену 3-ей степени Станислава, я, угадывая его недобрый умыселъ, просилъ вмѣсто ордена представить меня къ денежной награждѣ, въ которой я нуждался и которую за долговременную мою службу могъ бы навѣрное получить, такъ какъ деньгами чиновниковъ гимназій высшее начальство тогда награждало, а орденовъ имъ не давало; но Кулжинскій не уважилъ моей просьбы и представилъ меня къ ордену, котораго я не получилъ и не могъ получить. Онъ не давалъ мнѣ дровъ, которыя я получалъ отъ Науменка, а представилъ попечителю о назначеніи мнѣ квартирныхъ денегъ, на что, какъ и ожидать надлежало, послѣдовалъ отказъ по той причинѣ, что въ гимназій инспекторская квартира была въ натурѣ. На что Кулжинскій расходовалъ 100 руб., ассигнованные на квартиру директору, я не знаю. Когда я въ отставку жилъ уже въ Кіевѣ, Кулжинскій притѣсненіями своими хотѣлъ выжить изъ гимназій

ково серьезенъ и требователенъ какъ съ учениками, такъ и съ надзирателями и съ прислугой. Требуя отъ другихъ точнаго исполненія своихъ обязанностей, онъ наиболѣе строго относился къ самому себѣ. Только болѣзнь могла помѣшать А. К. пропустить урокъ, не явиться во время обѣда учениковъ въ столовую и не попробовать пищи или незайти въ спальныя комнаты, когда ученики ложатся спать. Нельзя сказать, чтобъ ученики любили его такъ, какъ, на примѣръ, они любили учителя исторіи Федора Лукьяновича Метлинскаго, но уважали его ничуть не менѣе и занимались его предметомъ съ большою охотою и успѣхомъ. Къ Ф. Л. Метлинскому каждый ученикъ шелъ смѣло за разрѣшеніемъ какого бы то ни было интересующаго его вопроса, къ А. К.-чу—ни у кого не хватило бы для этого храбрости, хотя несомнѣнно, что А. К. точно такъ же отнесся бы къ вопрошающему: и снисходительно и добросердечно. Ф. Л. Метлинскій весь былъ наружу и что думалъ, всегда говорилъ прямо, А. К. Глобенко всегда былъ замкнутъ въ самомъ себѣ. Интересно, что Ф. Л. и А. К. были большими друзьями.

ничѣмъ неповиннаго предъ нимъ, усерднѣйшаго по службѣ надзирателя Киселевича, притѣсняя его по несправедливому своему подозрѣнію, будто онъ сообщалъ мнѣ въ Кіевѣ невыгодныя о немъ свѣдѣнія, тогда какъ Киселевичъ по дружбѣ своей ко мнѣ только жаловался на его преслѣдованія. Когда я не имѣлъ уже никакихъ отношеній къ Кіевскому окружному начальству, то стороною слышалъ, что бывшій въ это время послѣ Ребиндера попечителемъ Широковъ худо отзывался о Кулжинскомъ, называя его пустымъ человѣкомъ.

Произвольно распоряжаясь по гимназiи, Кулжинскій нашель полезнымъ завести въ ней ученическіе спектакли. Ученики занялись устройствомъ ихъ въ нижней залѣ, приготовленіемъ и раскрашиваніемъ декорацій и частыми репетиціями; въ спектакляхъ участвовали и учителя: извѣстный хохломанъ, учитель исторiи Метлинскій, мой меньшій сынъ Михаилъ; *volens-nolens* и я принужденъ былъ принимать участіе въ этихъ спектакляхъ, приготавлиая на нотахъ канты и пѣсни, которыя гимназическій хоръ подъ моимъ управленіемъ исполнялъ при своей музыкѣ во время антрактовъ¹⁾. Ученики, игравшіе женскія роли, наряжаемы были къ спектаклю въ женскія платья женою Кулжинскаго. Долго

¹⁾ Михаилъ Осиповичъ Самчевскій прибылъ въ 1855 году въ качествѣ учителя Географіи, которую преподавалъ умершій въ томъ же году Георгій Андреевичъ Носачевскій, получившій воспитаніе, какъжется, въ семинаріи. Г. А. особенными способностями и познаніями педагога не отличался; преподаваніе географіи заключалось въ томъ, что онъ бралъ учебникъ Ободовскаго и читалъ все то, что надо было приготовить къ слѣдующему уроку, подчеркивая прочитанное карандашомъ. Черченіе картъ было обязательно и играло главную роль въ изученіи предмета. Ученикъ долженъ былъ не только начертить и разрисовать красками географическую карту въ ученическомъ атласѣ, но и знать эту карту самымъ подробнымъ образомъ. Г. А. требовалъ, чтобы ученикъ, отвѣчая урокъ, начертилъ карту на доскѣ, означивъ подробно горы, рѣки, озера, города и провинціи. Всѣ невѣрности чертежа исправлялись слѣдующимъ вызваннымъ къ доскѣ ученикомъ. Благодаря Г. А., мы, по прошествіи 40 лѣтъ, можемъ свободно начертить весь земной шаръ, можетъ быть, съ нѣкоторыми

продолжались эти спектакли, доставляя не мало удовольствія ученикамъ и ихъ родителямъ, но наука отъ этого страдала: не

неточностями. Г. А. доброты былъ необычайной; случая не было, чтобы чрезъ него ученикъ понесъ какое-либо наказаніе. Георгій Андреевичъ имѣлъ двухъ дочерей; старшая изъ нихъ Клавдія была предметомъ обожанія и тайной любви почти всѣхъ учениковъ, перешедшихъ въ юношескій возрастъ; каждый изъ нихъ, встрѣтивъ хорошенькую К. Г. на улицѣ, обѣгалъ скорѣе слѣдующій кварталъ, чтобы еще разъ мелькомъ полюбоваться красотой ея.—Въ то время, кромѣ К. Г., красавицей считалась и Ольга Петровна Зимина.—Клавдія Егоровна любила музыку и хорошо играла на роялѣ. Ноты въ то время были и рѣдки и дороже, чѣмъ теперь. Замѣтивъ по рисункамъ картъ, способнаго къ черченію ученика, Егоръ Андреевичъ просилъ его «написать листочекъ нотъ для дочери». Такая просьба была величайшимъ счастіемъ для всѣхъ: для этого надо было послѣ уроковъ идти въ домъ къ Е. А., гдѣ Клавдія Егоровна и передавала ноты для переписки; избранный счастливецъ могъ не только видѣть красавицу, говорить съ нею, но даже пріобрѣталъ право кланяться при встрѣчѣ на улицѣ, что вызывало величайшую зависть у неимѣвшихъ этого права юношей. Многіе сами предлагали Е. А. свои услуги по части переписки нотъ, но онъ ими не пользовался, а когда являлась надобность въ перепискѣ, самъ всегда избиралъ для этого ученика.—Глубоко сожалѣя и скорбя, въ 1855 году, ученики проводили милый и дорогой имъ прахъ Егора Андреевича на мѣсто вѣчнаго упокоенія. Клавдія Егоровна въ 1857, или въ первой половинѣ 1858 года, вышла замужъ за учителя естественныхъ наукъ Худзинскаго, хотя всѣ предполагали, что она будетъ женой мнительнаго и нерѣшительнаго Алексѣя Карповича Глобенка, влюбленнаго въ К. Е., но слетѣвшій тогда только что съ университетской скамьи Худзинскій, изъ-подъ носа, такъ сказать, Глобенка, вырвалъ красавицу Клавдію Егоровну.

Ольга Петровна Зимина нѣсколько раньше вышла замужъ за пожилаго Майора Ломовцова, давно уже умершаго.—Воскресенская церковь, гдѣ она вѣнчалась, была переполнена взрослыми гимназистами; ея свадьба была цѣлымъ событіемъ въ жизни многихъ юношей, ея поклонниковъ; не одинъ изъ нихъ проходилъ многіе часы по противоположному съ домомъ Зимина тротуару, во время празднованія свадьбы, удивляясь, какъ такая красавица могла выбрать себѣ въ

только участвовавшіе въ представленіи ученики не занимались своими уроками, но и другіе на квартирахъ своихъ вмѣсто при-

мужья, кромѣ того, что военного, да еще съ полнолуніемъ на за-
тылкѣ ¹⁾).

Михаилъ Осиповичъ Самчевскій по своей добротѣ и кротости былъ достойнымъ преемникомъ Носачевского и пользовался также всеобщей любовью. При немъ успѣхи учениковъ по географіи пришли нѣсколько въ упадокъ; черченія картъ не требовалось, признано было достаточнымъ, если ученикъ, по нѣмой картѣ, расскажетъ свой урокъ, при чемъ рука ученика могла показывать совсѣмъ не то, о чемъ говорилъ языкъ, указаніе не тѣхъ рѣкъ, городовъ и проч. особенно важнаго значенія не имѣло, да къ тому же М. О. былъ очень близорукъ, почему съ кафедры и не могъ замѣтить, насколько правильно показываетъ ученикъ по нѣмой картѣ.

Федоръ Лукьяновичъ Метлинскій былъ чрезвычайно похожъ на Пушкина. Онъ уроженецъ Полтавской губерніи, Гадячскаго уѣзда, села Саръ; окончилъ Харьковскій университетъ. Явился въ Новгородсѣверскъ въ 1853 году, въ качествѣ учителя исторіи, вмѣсто мрачнаго и грубаго Подиружникова, и сразу завоевалъ всѣ симпатіи учениковъ. Это былъ невиданный перлъ между педагогами того времени. Обладая характеромъ спокойнымъ, кроткимъ, любезнымъ, обя-

¹⁾ Намъ недавно попался Евгеній Омѣгнъ, переписанный въ 1857 году однимъ изъ учениковъ гимназіи того времени; въ немъ карандашомъ между строкъ въ 7 части, строфа X, имѣются указанія, относящіяся къ свадьбѣ О. П. Зиминной вышедшей замужъ, послѣ смерти своего жениха Чуйкова, за Ломовцова.

Мой бѣдный Чуйковъ! Изнывая
Не долго плакала она!.....
Маіоръ успѣлъ ея волненье
Любовной лестью усмирить.
Маіоръ умѣлъ ее плѣнить,
Маіоръ терпимъ ея душою ...

Несомнѣнно, что это былъ одинъ изъ юношей, видѣвшій обрядъ вѣнчанія въ Воскресенской и церкви оставившій слѣдъ въ своей книгѣ.

готовленія къ урокамъ занимались воспроизведеніемъ того, что видѣли на сценѣ. Спектакли эти не обошлись для меня безъ

зательнымъ, Федоръ Дулиновичъ сдѣлался идоломъ, которому всѣ поклонялись. вмѣсто «отсюда и досюда» Ф. Л. началъ намъ читать нѣсколько сокращенныя университетскія лекціи, объясняя и освѣщая надлежащимъ свѣтомъ историческія событія, только намѣченныя въ учебникѣ Смараглова. Обладая хорошей дикціей и даромъ слова, Ф. Л. поражалъ насъ своими знаніями и своей начитанностью; такого слова до него ученики не слышали. Съ перваго урока Ф. Л. объявилъ, что онъ всегда будетъ спрашивать все пройденное и будетъ требовать такихъ знаній, которыя указывали бы, что трудъ учителя не прошелъ безслѣдно. Случалось, что ученикъ, вовсе незнавшій послѣднихъ уроковъ, получалъ пять за основательное знаніе ранѣе пройденнаго. При Ф. Л. исторія была любимѣйшимъ предметомъ; ее знали всѣ, да и совѣстно было предъ такимъ учителемъ не знать; кротость и доброта Ф. Л. самага лѣниваго заставляли заниматься исторіей. Будучи всю жизнь холостымъ человекомъ, Ф. Л. всѣ свои силы направилъ исключительно на умственное развитіе учениковъ и на приобрѣтеніе ими возможно большей суммы знаній. Его квартира была доступна всѣмъ, къ нему ходили ученики за совѣтами по другимъ предметамъ; онъ занимался съ желающими иностранными языками и искренно радовался, видя успѣхи своихъ учениковъ. Когда директоръ Кулжинскій пожелалъ устроить въ гимназіи любительскіе спектакли, Ф. Л. первый принялъ въ этомъ самое горячее участіе и съ большей энергіей содѣйствовалъ развитію учениковъ въ сценическомъ направленіи: онъ читалъ съ ними образцовыя драматическія произведенія, пріучалъ ихъ критически относиться къ дѣйствующимъ лицамъ и вообще къ сценѣ, самъ принималъ въ спектакляхъ непосредственное участіе, почти въ каждой пьесѣ; умѣлъ находить признаки талантовъ между учениками, и благодаря ему, нѣкоторые изъ гимназистовъ своей игрой навсегда оставили между товарищами самыя пріятныя воспоминанія, какъ напримѣръ—Андрей Прокофьевичъ Сендаровскій въ роли Добчинскаго, Дублянскій въ роли Наталки Полтавки, И. З. Сазонецъ въ роли Николы. Василій Демьяновичъ Киселевичъ въ роли Терпелихи вызывалъ всеобщій восторгъ; такой Терпелихи вѣроятно никто никогда не видалъ. Замѣчательный сценическій талантъ проявилъ Иванъ Петровичъ Котляровъ, учитель мѣстнаго уѣзднаго училища; его игра

непріятности: Кулжинскій, дозволявшій лицамъ, участвовавшимъ въ представленіяхъ, и вообще всѣмъ гимназистамъ приглашать

Городничаго въ «Ревизорѣ», Расплюева—въ «Свадьбѣ Кречинскаго» и Вознаго, по мнѣнію всего города, была верхъ совершенства, всѣ были имъ очарованы. Метлинскій игралъ въ «Ревизорѣ» Хлестакова, въ «Наташѣ Полтавкѣ» Выборнаго. Принимали участіе въ спектакляхъ учителя Худзинскій и М. О. Самчевскій.—Въ то время Осипъ Акимовичъ не считалъ спектакли зломъ для успѣховъ учащихся, не находилъ ихъ помѣхой занятіямъ, въ нимъ онъ относился также съ сочувствіемъ; онъ организовалъ прекрасный хоръ, пѣвшій разныя пѣсни во время антрактовъ подъ аккомпаниментъ гимназическаго же оркестра. Въ запискахъ О. А. измѣнилъ свой взглядъ на значеніе ученическихъ спектаклей; вѣроятно, впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, явились какія либо основательныя причины, заставившія О. А. измѣнить свое мнѣніе, извѣстное всѣмъ ученикамъ выпуска 1858 года, относительно умѣреннаго допущенія въ гимназіяхъ ученическихъ спектаклей.

Въ гимназіи практиковалось, что учителя, имѣвшіе у себя на квартирѣ учениковъ, поручали имъ приготовить къ экзамену карточки для билетовъ и надписать ихъ. Такія порученія задолго до экзамена были извѣстны; ученики собирались въ какой либо квартирѣ, рѣзали карточки изъ двухъ сортовъ бумаги, на бѣлой надписывались легкіе номера, а на сѣровой, т. е. болѣе темной, трудные, при чемъ самыя трудныя были на печатныхъ бумажной фабрики. Подойдя къ экзаменаціонному столу, каждый ученикъ отлично видѣлъ и зналъ, изъ какой части ему надо взять билетъ, и, не ошибаясь, доставалъ билетъ изъ желаннаго отдѣла. Метлинскій всегда просилъ учениковъ нарѣзать ему карточки для билетовъ, но не надписывать; тоже было и въ маѣ 1858 года. Жилъ тогда Ф. Л. въ саду Боровика, во флигелѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатокъ. Ученики 7 класса принесли ему блеты для древней, средней и новой исторіи, отгѣнивъ цвѣтомъ бумаги всѣ три исторіи. Ф. Л. пригласилъ пришедшихъ садиться и, разговаривая съ ними, началъ, какъ карты, тасовать билеты, тасовалъ онъ долго, говоря, что надо смѣшать Зуева съ Смарагдовымъ, а затѣмъ надписалъ номера и положилъ на столъ. Пригласивъ желающихъ идти съ нимъ купаться къ Деснѣ, Ф. Л. замкнулъ своей флигелекъ и ушелъ. Не прошло послѣ сего и десяти минутъ, какъ билеты были уже въ рукахъ учениковъ,

на эти спектакли своихъ родственниковъ, не смотря на желаніе

ихъ достали чрезъ незапертое окно, при посредствѣ мальчика Петра, служившаго у Метлинскаго; тотчасъ были приготовлены новые билеты, при чемъ средняя исторія Зуева, которую, благодаря автору, всѣ знали плохо, была отмѣчена темной бумагой. Написать цифры подъ руку Метлинскаго особенныхъ трудностей не представило, его почеркъ былъ самый простой, крупный. На экзаменѣ каждый ученикъ долженъ былъ отвѣчать на два билета, и какъ ни тасовалъ Ф. Л. билеты, видя, что средней исторіи никто не вынимаетъ за исключеніемъ близорукаго В. Θ. Фененка, ничто не помогло—вся средняя исторія осталась на столѣ. Чрезъ мѣсяць, прощаясь съ нами, Ф. Л. вспомнилъ Зуева и очень просилъ рассказать, какъ это случилось, что вся средняя исторія прошла мимо, «точно фокусъ какой-то». Мы, понятно, уклонились отъ разъясненія, обѣщая рассказать при слѣдующемъ свиданіи; намъ не хотѣлось выдавать главное виновное лицо, хотя оно творя не вѣдало сути дѣла, и кромѣ того, зная голубиную чистоту души Метлинскаго, всѣмъ намъ совѣстно было сознаться въ своемъ поступкѣ, въ которомъ хотя и была чистота, но иного свойства; впрочемъ, родная сестрица ея въ настоящее время народилась въ видѣ покупки темъ сочиненій и письменныхъ отвѣтовъ.

Много вышло изъ гимназій честныхъ дѣятелей и развитыхъ умственно молодыхъ людей, благодаря тому вліянію, какое имѣлъ на нихъ Ф. Л. въ теченіе курса. Онъ находился въ постоянномъ общеніи съ учениками; его увлекательныя бесѣды обо всемъ, его знанія, его умѣнье передать самымъ популярнымъ способомъ серьезный вопросъ, касающійся той, или другой науки, все запечатлѣть въ умахъ молодыхъ слушателей—все это не могло не оказать сильнаго вліянія на слушателей, а въ особенности на поклонниковъ его, послѣдними же были почти всѣ болѣе или менѣе взрослые ученики. Ф. Л. по городу и за городомъ всегда ходилъ, окруженный учениками, ловившими каждое его слово.

Въ 1873 году въ Январѣ я былъ, по дѣламъ службы, въ первый разъ въ г. Гадячѣ; пріѣхавши вечеромъ, я тотчасъ разузналъ, гдѣ село Сары и живетъ-ли въ немъ Метлинскій. На другой день въ 8 часовъ утра я былъ уже въ крестьянской усадьбѣ, гдѣ рубившій дро-

мое и сына моего, не позволилъ давать билетовъ родственнику

ва крестьянинъ указалъ мнѣ плохенькую хату, въ которой мнѣ суждено было увидѣть незабвеннаго Федора Лукьяновича. Войдя въ хату, мы (насъ было двое, выпуска 1858 г.) были крайне изумлены; по хатѣ ходилъ старикъ, одѣтый въ крестьянскую простую свиту, въ рубахѣ и штанахъ толстаго крестьянскаго холста и въ смазныхъ сапогахъ, но все еще имѣющій большое сходство съ Пушкинымъ. Мы объяснили Ф. Л., кто мы и для чего явились нарушить его покой. Ф. Л., видимо, очень обрадовался нашему посѣщенію; онъ сѣлъ на скамью, на которой въ углу, гдѣ образа, лежалъ кожухъ, свернутый такъ, что, видимо, онъ служилъ Ф. Л. изголовьемъ вмѣсто подушки, другой постели въ хатѣ не было; на палатахъ лежало рядно; печь была такъ нагрѣта и воздухъ въ хатѣ былъ такъ тяжелъ для насъ, что мы часто выходили въ сѣни подышать морознымъ воздухомъ. Вся обстановка жилья дорогаго учителя указывала на бѣдность, даже въ крестьянскомъ смыслѣ. Худоба и блѣдность лица съ удушливымъ, непрерывнымъ кашлемъ указывали, что у Ф. Л. чахотка въ послѣднихъ градусахъ; грудь у него была обнажена, и онъ часто повторялъ, задыхаясь отъ кашля: «воздуха мало, дышать трудно». До самаго вечера мы съ наслажденіемъ провели время въ обществѣ Ф. Л. Его, по прежнему, увлекательный языкъ и масса общихъ воспоминаній такъ сократили время, что мы и не замѣтили, какъ наступили сумерки.— Ф. Л. предложилъ намъ закусить «что Богъ его на старость послалъ». Онъ досталъ изъ печи (очевидно прислуги у него не было никакой) горшочекъ съ горячей водой, бросилъ туда нѣсколько щепотокъ чаю, который съ нѣсколькими кусочками сахара досталъ изъ-подъ кожуха, лежавшаго въ углу на лавкѣ. Потомъ онъ досталъ изъ той-же печи что-то вродѣ супа, невозможнаго на вкусъ; оказавшимися двумя деревянными ложками мы по очереди черпали изъ горшка. Въ черепочкѣ было нѣсколько черныхъ разорванныхъ кусочковъ говядины, которую мы ѣли при помощи рукъ и одной поломанной вилки. Курилъ Ф. Л. простой табакъ (махорку) изъ крестьянской деревянной трубочки. Изъ разговоровъ Ф. Л. мы узнали, что, по переводѣ изъ Новгородсверской гимназіи въ Симферопольскую, онъ въ послѣдней былъ не долго и долженъ былъ оставить службу, вслѣдствіе невозможныхъ отношеній къ нему директора, не выслуживъ никакой пенсіи. Прощаясь съ нами, Ф. Л. очень благодарилъ за посѣщеніе и сказалъ: «эти 7 часовъ я никогда забуду; за 7 лѣтъ я не испыталъ здѣсь того, что

жены моей, генералу Быковскому, на которого за что-то сер-

испыталъ благодаря вамъ за нѣсколько часовъ; спасибо за то, что бы мнѣ доставили». Возвратясь въ Полтаву, мы приготовили Ф. Л. относительно спокойную и исполнѣ удобную жизнь: въ одно богатое семейство онъ могъ поступить для того, чтобы быть только руководителемъ въ воспитаніи и развитіи дѣтей. Но посланное въ Февралѣ объ этомъ письмо Ф. Л. было прислано обратно, в на конвертѣ значилось: «за смертью Метлинскаго возвращается».

Страсть І. А. Самчевскаго къ хоровому пѣнію доходила до крайнихъ предѣловъ. Когда хоръ исполнялъ какой-либо концертъ, І. А. забывалъ, что онъ въ церкви и что онъ не 15-лѣтній солистъ армейской семинаріи, а почтенный инспекторъ гимназій, 60-лѣтній старикъ. Не проходило, кажется, ни одного праздника безъ того, чтобы І. А., увлекшись, не выполнилъ фистулой партію перваго дисканта. Когда пѣніе шло ровно, правильно, І. А. спокойно дирижировалъ съ камертономъ въ рукѣ и съ закрытыми глазами, но стоило какому-нибудь дисканту или альту сфальшивить—и камертонъ І. А.—ча тотчасъ же напоминалъ провинившемуся объ ошибкахъ. Доставалось при этомъ и регенту Киселевичу, который въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно начиналъ бить поклонъ до тѣхъ поръ, пока І. А. успокаивался и переставалъ браниться. И дѣйствительно, гимназическій хоръ при І. А. былъ замѣчательно хорошъ и доходилъ до 60 человекъ. Въ пѣвчіе ученики поступали охотно, такъ какъ они пользовались, во 1-хъ, нѣкоторыми льготами относительно уроковъ (чаще всего почему-то спѣвки приходились во время уроковъ нѣмецкаго языка), а во 2-хъ, пользовались особеннымъ покровительствомъ І. А. во время экзаменовъ.

Вспоминая всѣхъ учителей Новгородсѣверской гимназій, бывшихъ въ теченіе 1850-хъ гг., нельзя не остановиться на преподаваніи въ то время въ гимназій новѣйшихъ языковъ. —Французскій и нѣмецкій языки были въ полнѣйшемъ заговнѣ; никто на нихъ не обращалъ вниманія, и, кажется, не было случая, чтобы за абсолютное незнаніе языковъ ученикъ былъ оставленъ въ классѣ на второй годъ;

дился и который долго былъ недоволенъ мною и сыномъ моимъ

обыкновенно на экзаменѣ ставилась переводная отиѣтка, а если и ставились единицы, то только такимъ ученикамъ, которые уже имѣли единицы по другимъ предметамъ и считались безнадежными.—Въ описываемое время учителемъ нѣмецкаго языка былъ рыцарь честности—Эдуардъ Андреевичъ Штранге, уважаемый и любимый всѣми своими товарищами и учениками; онъ жилъ въ собственномъ домѣ на углу Глуховской улицы и площади, и хотя принималъ къ себѣ на квартиру учениковъ, но не съ той цѣлю, какъ это дѣлалъ наиримѣръ Терновскій,—это была обыкновенная ученическая квартира безъ всякихъ надеждъ на протекцію. Преподаваніе Эдуарда Андреевича ограничивалось задаваніемъ уроковъ по учебнику; но этихъ уроковъ, за исключеніемъ двухъ трехъ учениковъ въ классѣ, никто не училъ. Спрашивалъ же Штранге, сидя на кафедрѣ, только тѣхъ, которые ему смотрѣли въ глаза; тѣхъ же, которые сидѣли на скамьяхъ, опустивъ глаза внизъ, въ книгу, онъ никогда не вызывалъ. Всѣ это очень хорошо знали и изъ 20 учениковъ класса непременно 16 или 17 сидѣли «уткнувши носъ въ книгу». Зная отношеніе начальства къ преподаванію иностранныхъ языковъ, Штранге и дѣйствовалъ въ требуемомъ направленіи; никакихъ принужденій къ изученію языка съ его стороны не было, но какъ скоро онъ видѣлъ въ ученикѣ желаніе заниматься его предметомъ, Э. А. каждый урокъ спрашивалъ этого ученика и самымъ добросовѣстнымъ образомъ постоянно объяснялъ ему тѣ, или другія правила. Для большинства же учениковъ было, такъ сказать, модой, не только ничего не знать, но даже и не имѣть учебника.

Преподавателемъ французскаго языка въ это время былъ Іосифъ Антоновичъ Гронтковскій, маленькаго роста, презлющій человекъ, по происхожденію полякъ; у него кое что знали ученики, но только въ низшихъ классахъ, и то потому только, что за незнаніе урока онъ прибѣгалъ къ собственноручной расправѣ: билъ линейкой по рукамъ, таскалъ учениковъ за волосы и за уши съ искреннимъ желаніемъ, какъ можно болѣе доставить наказываемому страданій. Въ высшихъ же классахъ Гронтковскаго ставили ни во что; на экзаменахъ ему приказывалъ директоръ или инспекторъ ставить переводныя отиѣтки.—Кажется, въ 1855 году Гронтковскаго, переведеннаго въ Орелъ, замѣнилъ Яковъ Ивановичъ Боричко, крайне лѣнливый и неряшливый толстый старикъ; при немъ французскій языкъ былъ въ край-

за то, что мы не могли доставлять ему билетовъ на спектакли.

Во время директорства Кулжинскаго ревизоромъ нашей гимназіи былъ самъ попечитель Ребиндеръ¹⁾. Испытанія онъ

немъ пренебреженіи и въ низшихъ классахъ; даже и тѣ, которые поступали въ гимназію съ достаточными знаніями языка, считали какъ бы своимъ долгомъ скорѣе забыть то, что приобрѣтено было ими дома.

Былъ еще одинъ учитель—это чистописанія и рисованія, Наумъ Филиповичъ Воробинскій; жилъ онъ на Воздвиженской улицѣ, называвшейся учениками Андалузіей, въ крайней бѣдности; онъ такимъ всегда казался жалкимъ, что при одномъ видѣ его и задорные шалуны класса умирались. Это былъ вполне лежащій человекъ, убитый тѣломъ и духомъ; всего и всѣхъ онъ боялся и былъ настолько безличенъ, что едва-ли у кого либо о немъ осталось какое-либо воспоминаніе; помнится только, что онъ самъ вмѣсто буквъ писалъ какія-то каракули и не отличался грамотностью. Гораздо большее Воробинскаго и Борички имѣлъ значеніе въ гимназіи бравый гвардеецъ Никита, преподаватель «шагистикъ» во всѣхъ ея видахъ. Какъ извѣстно, въ концѣ царствованія Императора Николая I приказано было учить воспитанниковъ гимназій разнаго рода пѣхотнымъ приемамъ безъ оружія; для этой цѣли и присланъ былъ къ намъ упомянутый Никита, высокаго роста, красивый унтеръ-офицеръ. Обыкновенно, въ назначенное раньше время, выстраивали всѣхъ учениковъ на гимназическомъ дворѣ и начиналась громкая команда Никиты: стой! равняйся! лѣвое плечо впередъ! и проч. Никита былъ строгъ, часто жаловался Самчевскому на невниманіе къ строю и командѣ его того или другаго ученика, и послѣдніе получали головной ударъ съ увѣщаніемъ исполнять велѣнія Никиты отчетливо и аккуратно и такимъ образомъ исполнять волю и посланшаго его. Не рѣдко Самчевскій принималъ и непосредственное участіе въ шагистикѣ, становился на правомъ флангѣ, выравнивался съ шеренгой и за Никитой громко повторялъ: разъ, два, три, разъ, два, три.....

¹⁾ Въ началѣ учебнаго 1857—58 года уже начали носиться тревожные слухи о ревизіи гимназіи попечителемъ Ребиндеромъ, о которомъ говорили, какъ о чрезвычайно строгомъ начальникѣ. За нѣсколько дней до пріѣзда І. А. Самчевскій уже ходилъ въ застегнутомъ на всѣ пуговицы вицъ-мундирѣ, говорилъ дрожащимъ голосомъ,

производилъ обыкновеннымъ порядкомъ, посѣщая классы, спрашивая учениковъ по предметамъ преподаванія и слушая лекціи преподавателей. Намъ извѣстно было, какъ Кулжинскій рекомендовалъ каждаго изъ насъ по службѣ Ребиндера, но самого

училъ классы, какъ отвѣчать согласно: «здравія желаемъ Ваше Превосходительство»; по всему было замѣтно, что робость и трусость вступили въ немъ во всѣ свои права. Однажды въ 7 классѣ былъ урокъ исторіи; Метлинскій, ходя по классу взадъ и впередъ (это была всегдашняя его привычка при чтеніи лекцій), читалъ намъ о феодальной системѣ; вдругъ открывается кончикъ двери, едва просовывается часть носа Самчевскаго, и мы услышали какой-то странный звукъ: «вже!» — и двери затворились мгновенно. Черезъ четверть часа вошелъ въ классъ высокаго роста худошавый господинъ съ непріятной фizioноміей нѣмецкаго типа и сѣлъ на первой скамьѣ. Сопутствовавшіе ему Кулжинскій и Самчевскій стояли на почтительномъ разстояніи сзади. На вопросъ, о чемъ урокъ, Метлинскій объяснилъ. Продолжайте, сказалъ Ребиндеръ. Федоръ Лукьяновичъ, не измѣняя себѣ ни въ чемъ, такъ-же началъ ходить по классу и съ большимъ воодушевленіемъ окончилъ свою феодальную систему. Ребиндеръ пожалъ ему руку и выразилъ свою благодарность. Попечитель произвелъ на насъ дурное впечатлѣніе; насъ поразило его обращеніе съ уважаемымъ нами инспекторомъ, показавшееся намъ недостаточно вѣжливымъ. На другой день Ребиндеръ явился на урокъ Русской Словесности и также сѣлъ на первой скамьѣ. Учитель Прокофій Тимофеевичъ Терновскій заявилъ, что онъ читаетъ ученикамъ о Пушкинѣ. Читай! — былъ отвѣтъ Ребиндера. Терновскій всегда говорилъ чрезвычайно скоро; такъ началъ онъ и теперь свою лекцію. — Такого быстрого лепета никто не пойметъ, — замѣтилъ попечитель. П. Т., стоя у кафедры сталъ говорить медленнѣе, но вскорѣ, увлекшись, опять зачастилъ. — Ты кому читаешь? — вспылилъ Ребиндеръ: что это за таранта! Тебя, вѣдь, не стѣны слушаютъ! Продолжай! — Терновскій сконфузился, растерялся и самымъ медленнымъ образомъ, слово за слово, окончилъ свое чтеніе. Не сказавъ ни слова, Ребиндеръ вышелъ изъ класса. Очевидно, до попечителя дошли слухи, что у Терновскаго было рыльце въ пушку; этого учителя не уважали товарищи и терпѣть не могли ученики за его страшный произволъ и неспра-

себя онъ не хорошо зарекомендовалъ передъ своимъ патрономъ, когда при освидѣтельствovanіи гимназической суммы оказался недочетъ въ деньгахъ, находившихся на рукахъ у Кулжинскаго.

Черезъ годъ послѣ ревизіи Ребиндера оканчивалось другое пятилѣтіе моей службы въ гимназіи; я получилъ отставку съ пенсіономъ въ 700 руб. и съ правомъ получить заслуженный мною орденъ 4-й степ. Владиміра, который въ скоромъ времени высланъ былъ мнѣ при установленной грамотѣ. Такъ, въ октябрѣ 1857 года ¹⁾ кончилась моя 35-тилѣтняя учебная служба, которой большая половина (22 года) прошла въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, гдѣ мнѣ довелось служить подъ начальствомъ

ведливости при опредѣленіи на экзаменахъ знаній учениковъ. Получить у Терновскаго ту или другую отмѣтку зависѣло отъ расположенія его духа, отъ его встрѣчъ, отъ погоды, но знанія ученика по большей части значенія не имѣли. П. Т. держалъ квартирантовъ учениковъ и въ домѣ, и во флигелѣ, покровительствуя имъ всѣми способами. Иногда онъ изъяснялъ согласіе давать уроки какому либо состоятельному ученику, получая 100 руб. въ годъ, по тогдашнему времени деньги очень большія, но эти уроки заключались въ томъ, что онъ назначалъ тѣ страницы, которыя, по учебнику Кошанскаго, ученикъ долженъ знать, но знанія эти не провѣрялись ни дома, ни въ классѣ. Брать у Терновскаго уроки не значило то же, что у Искерскаго: у послѣдняго ученикъ пріобрѣталъ дѣйствительныя знанія, а у Прокوفія Тимофеевича это было ничто иное, какъ замаскированная взятка. Мстительность Терновскаго не знала границъ, достаточно было чѣмъ-либо вызвать его неудовольствіе, чтобы въ будущемъ много разъ сожалѣть о своей опрометчивости, ибо не разъ придется такому ученику остаться на второй годъ въ томъ же классѣ. Послѣ повстанія П. Т. перешелъ на службу въ западный край, гдѣ и умеръ директоромъ гимназіи. Выборъ его въ обрусители края былъ совершенно неудачный: по своему характеру и направленію Терновскій никогда не только не могъ имѣть на кого либо разумнаго авторитетнаго вліянія, но никто съ уваженіемъ никогда къ нему не относился.

¹⁾ Вѣроятно въ 1858 г., потому что выпускъ 1857/8 года былъ при Осипѣ Акимовичѣ.

такихъ достойныхъ директоровъ, какими были Тимковскій и Науменко, и при такихъ узурпаторахъ директорства, какими были Бездонъ и Кулжинскій, которые теперь, благодаря современнымъ распоряженіямъ министерства народнаго просвѣщенія, въ гимназіяхъ уже невозможны.

Уже по выходѣ моемъ въ отставку, Кулжинскій былъ переведенъ директоромъ въ Полтавскую гимназію. При сдачѣ имъ имущества гимназіи оказался недостатокъ казенной суммы въ 900 руб., которую онъ уплатилъ, занявъ деньги у лѣкаря Кудрявцева, сдѣланнаго имъ гимназическимъ врачомъ на мѣсто смѣненнаго имъ же Зимина, и которой онъ Кудрявцеву не возвратилъ. Означенный недостатокъ казенной суммы могъ произойти отъ неразсчетливости самого Кулжинскаго, всегда жаловавшагося на свое безденежье, и отъ излишней расточительности его жены. Никто изъ чиновниковъ гимназіи, кромѣ одного Мануйловича, не пожалѣлъ объ удаленіи изъ нея Кулжинскаго. Учитель исторіи Метлинскій, котораго онъ побаивался за прямоту его характера, при прощаніи съ нимъ въ присутствіи своихъ сотоварищей высказалъ ему горькія истины на счетъ его управленія Новгородъ-Сѣверскою гимназіей и обращенія съ ея чиновниками. Въ Полтавѣ Кулжинскому не посчастливилось: тамошнее дворянство не полюбило его и заставило выйти изъ своего собранія ¹⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Точнѣе: не приняло его въ члены общественнаго собранія, забаллотировавъ его на своихъ выборахъ. *Ред.*

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

XXXVIII.

Життя мое въ отставкѣ.—Обученіе сына Судіенка.—Пропускъ на пам'ятникъ тисячелѣтія Россіи.—Митрополитъ Арсеній.—Крестный ходъ въ Кіевѣ.—Юбилей Академіи.—Отъѣздъ сына моего Івана за границу.—Смерть меньшого сына моего Михайла.

Напрасно мнѣ говорили, что въ отставкѣ моей я буду скучать по службѣ своей въ гимназіи. Напротивъ, послѣ 35-лѣтняго хожденія моего по звонку на службу и послѣ непрерывныхъ служебныхъ хлопотъ, а иногда и непріятностей, я пріятно почувствовавъ свободу и независимость, съ удовольствіемъ занимаюсь домашнимъ моимъ хозяйствомъ, а въ лѣтнее время моимъ садомъ. Спокойно я жилъ въ моемъ домѣ, имѣя подпору себѣ въ меньшемъ моемъ сынѣ Михайлѣ, жившемъ при мнѣ и занимавшемъ учительское мѣсто въ гимназіи; не доставало только при моемъ вдовствѣ хозяйки въ моемъ домѣ, но и ее я надѣялся имѣть, предполагая, что сынъ мой скоро женится. Но какъ несбыточны бывають наши человѣческія желанія и предположенія! Чрезъ годъ послѣ моей отставки у сына моего, всегда здороваго и имѣвшаго крѣпкое тѣлосложеніе, вдругъ открылась серьезная грудная болѣзнь, о лѣченіи которой нужно было безъ замедленія позаботиться. Въ это время помѣщикъ

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 3.

Судіенко, у котораго я учивъ прежде двухъ старшихъ сыновей, просилъ меня принять на себя обязанность быть воспитателемъ меньшаго его сына и для того переселиться къ нему въ Кіевъ; но я, не желая оставить домъ свой, рѣшительно отказался отъ этого предложенія. Когда же болѣзнь сына моего не проходила, а еще болѣе увеличивалась, и когда Судіенко повторилъ мнѣ свою просьбу о воспитаніи его сына, предлагая мнѣ за то 1000 руб. жалованья въ годъ, я рѣшился, наконецъ, переѣхать къ нему въ Кіевъ въ томъ предположеніи, что и сынъ мой перейдетъ на службу въ кіевскую гимназію, и что такимъ образомъ я съ обоими сыновьями моими буду жить въ одномъ городѣ и, получая означенное жалованье отъ Судіенка, при моемъ пансіонѣ, буду имѣть возможность лѣчить сына въ Кіевѣ при помощи тамошнихъ искусныхъ врачей, а въ случаѣ нужды отправить его для излѣченія за границу. Сынъ мой неохотно соглашался на такое рѣшеніе, и я самъ перемѣнилъ бы его, если бы въ то время зналъ, что берусь за дѣло, которое не будетъ имѣть успѣха. На пути моемъ въ Кіевъ, въ Поноровкѣ, въ домѣ Миклашевскихъ, родственниковъ Судіенка, я узналъ, что будущій мой воспитанникъ имѣетъ прирожденные недостатки въ способностяхъ. Въ Кіевѣ, давая ему уроки, я замѣтилъ, что онъ имѣетъ нѣкоторую охоту учиться, но съ трудомъ можетъ понимать преподаваемое ему на урокъ; на другой же день онъ совершенно забывалъ пройденное. Во время преподаванія онъ нѣкоторое время былъ внимателенъ, а потомъ на лицѣ его было видно сильное утомленіе, и онъ дѣлался невнимательнымъ. Я думалъ тогда, что современемъ, при постоянномъ упражненіи въ умственныхъ занятіяхъ, способности ея разовьются, но въ этой надеждѣ моей я обманулся, о чемъ скажу впоследствии. Родная сестра моего воспитанника, которой я также, по временамъ, давалъ уроки, надѣленная счастливыми способностями и имѣвшая необыкновенную охоту къ ученію, по всѣмъ предметамъ, какіе преподавали ей разные учителя, даже по математикѣ, оказывала отличные успѣхи и, окончивши свое воспитаніе, сама занималась русскою и иностранною литературою; когда она вышла замужъ за князя Голицына и привезена была

имъ въ Петербургъ, родственница его графиня Строгонова удивлялась, что жена его могла получить такое многостороннее образованіе въ провинціи. Обучая воспитанника моего, я исполнялъ обязанности гувернера, находился при немъ весь день и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на прогулки. Въ воскресные и праздничные дни я былъ свободенъ отъ этой обязанности и обыкновенно ѣздилъ въ лавру, куда привлекалъ меня древній напѣвъ тамошняго монашескаго хора, а потомъ проводилъ время у моихъ сыновей, ибо въ это время и меньшій сынъ мой вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ былъ учителемъ 2-ой кіевской гимназіи.

Для развлеченія своего, при однообразной моей жизни въ качествѣ гувернера, я, по желанію отца моего воспитанника, занимался въ его библіотекѣ, составляя каталогъ. Судіенко, пополняя эту библіотеку, поручилъ мнѣ, во время прогулокъ съ его сыномъ, спрашивать въ книжномъ магазинѣ Литова о вновь выходившихъ книгахъ и приносить къ нему ихъ для выбора и покупки. Въ декабрѣ 1860 года прикащикъ Литова далъ мнѣ вышедшій изъ печати академическій календарь на 1861 годъ, къ которому былъ приложенъ рисунокъ проэктировавшагося тогда памятника 1000-лѣтія Россіи въ Новгородѣ, и при немъ напечатанъ списокъ достопримѣчательныхъ дѣятелей Россіи за время ея 1000-лѣтія. Разсматривая списокъ лицъ, изображенныхъ въ нижней части памятника на окружающемъ его горельефѣ, я не нашелъ въ числѣ ихъ Императора Николая I и поэта Державина, тогда какъ въ немъ помѣщены были нѣкоторые художники и актеры. Когда я указалъ Судіенку на непонятный пропускъ, онъ поручилъ мнѣ написать по этому поводу отъ имени его статью и отдать ее для напечатанія въ кіевской газетѣ „Телеграфъ“ съ тѣмъ, чтобы типографія въ особой брошюрѣ напечатала эту статью и дала бы нѣсколько экземпляровъ Судіенку. Въ этой краткой статьѣ я указалъ на напечатанную въ томъ же календарѣ большую историческую статью профессора кіевского университета Павлова о тысячелѣтіи Россіи; въ ней Павловъ объ Императорѣ Николаѣ I говоритъ, что въ 30-лѣтнее его царствованіе онъ строго охранялъ какъ внутреннюю, такъ

и вѣйшнюю безопасность Россіи. Указавъ на это, я выразилъ удивленіе, какъ такой охранитель Россіи могъ быть забытъ на Новгородскомъ памятникѣ, тогда какъ въ Петербургѣ ему поставленъ отдѣльный великолѣпный памятникъ, на барельефахъ котораго онъ изображенъ въ одномъ мѣстѣ умиряющимъ народный бунтъ на сѣнной площади во время холеры, а въ другомъ—награждающимъ Сперанскаго за составленіе свода законовъ. Помощникъ попечителя Юзефовичъ, прочитавъ мою статью въ Телеграфѣ, составилъ отъ себя и прислалъ въ ту же газету статью, въ которой изобразилъ добросердечіе Императора Николая I, проявившаго свою заботливость по отношенію къ несчастнымъ декабристамъ, пославъ къ нимъ полковника Лепарскаго въ качествѣ коменданта мѣста ихъ заключенія, будучи увѣренъ, что Лепарскій съумѣетъ исполнить и строгость закона, и челоуѣколюбіе къ несчастнымъ преступникамъ. Юзефовичъ указалъ также и на другіе примѣры челоуѣколюбія Николая I.

Когда обѣ означенныя статьи напечатаны были въ отдѣльной брошюрѣ, Юзефовичъ нѣсколько экземпляровъ ея послалъ въ Петербургъ къ знакомымъ ему лицамъ при дворѣ, которые чрезвычайно удивились, что Императоръ Николай не изображенъ на памятникѣ, и когда о томъ доложено было Императору Александру II, онъ повелѣлъ исправить горельефъ на памятникѣ тысячелѣтія Россіи и, исключивъ изъ него два или три лица, изобразить на немъ Императора Николая I и поэта Державина.

Въ бытность мою въ Кіевѣ въ немъ были митрополитами одинъ послѣ другого Исидоръ—по фамиліи Никольскій (нынѣ Петербургскій) и Арсеній Москвинъ, съ которыми вмѣстѣ я обучался въ Петербургской духовной академіи. Оба узнали меня, но въ особенности показалъ ко мнѣ свое благорасположеніе Арсеній. Когда я явился къ нему въ первый праздничный день послѣ обѣдни, онъ просилъ меня на будущее время посѣщать его по вечерамъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пить чай, и во время такихъ моихъ посѣщеній познакомилъ меня съ пріѣзжавшимъ къ нему архимандритомъ, ректоромъ академіи Іоанникіемъ, нынѣ

Московскимъ митрополитомъ¹⁾), и не въ келейномъ только собесѣдованіи со мною, но однажды публично онъ показалъ свое ко мнѣ благорасположеніе. Въ храмовой праздникъ Софійскаго собора ожидали въ немъ бывшаго тогда въ Кіевѣ наслѣдника престола великаго князя Александра Александровича съ супругою; множество народа собралось по этому случаю въ оградѣ собора, но насъ не допускали до мостковъ, по которымъ должны были проходить Ихъ Высочества и которые съ обѣихъ сторонъ обставлены были солдатами. Минуть за 10 до прибытія Ихъ Высочествъ показался принцъ Ольденбургскій и приказалъ отодвинуть солдатъ и позволить народу стать у мостковъ. Думали, что по окончаніи обѣдни Ихъ Высочества будутъ въ домѣ митрополита, но, спѣша выѣздомъ своимъ изъ Кіева, они отправились изъ собора во дворецъ. Тогда многія лица пошли къ митрополиту, а за ними и я; прошедши первую залу, наполненную духовенствомъ, я вошелъ въ другую, гдѣ находились архіереи и нѣкоторые важнѣйшія постороннія лица. Митрополитъ Арсеній, благословивъ меня, посадилъ подлѣ себя, самъ угощалъ меня закускою и, когда я уходилъ, обнялъ меня и сказалъ, обращаясь къ гостямъ своимъ: это мой товарищъ по Петербургской духовной академіи. И не словами только, но и на самомъ дѣлѣ онъ оказывалъ мнѣ свое благосклонное вниманіе. Письмоводитель кіевской семинаріи О—скій, обучавшій воспитанника моего чистописанію, по окончаніи семинарскаго курса, сказалъ мнѣ, что имѣетъ уже въ виду невѣсту, но не можетъ получить желаемаго имъ священническаго прихода, потому что кончилъ курсъ по второму разряду. Я въ тотъ же день вечеромъ отправился къ митрополиту Арсенію съ моей просьбой объ О—скомъ; Арсеній чрезъ меня приказалъ О—скому на другой день подать прошеніе на желанный приходъ, который тогда же ему былъ предоставленъ и на которомъ О—скій священнодѣйствуетъ и донинѣ. Когда я безуспѣшно просилъ бывшаго моего товарища по академіи Императорскаго духовника

¹⁾ Писано въ 1886 году.

Баранова перевести брата моего священникомъ въ какой-нибудь находящійся въ Петербургѣ гвардейскій полкъ, я обратился къ ходатайству митрополита Арсенія, по слову котораго Барановъ перевелъ брата моего сперва въ Лейбъ-гренадерскій, а потомъ въ Преображенскій гвардейскій полкъ.

Въ бытность мою въ Кіевѣ митрополитомъ Арсеніемъ возобновленъ былъ въ немъ 60 лѣтъ несовершавшійся крестный ходъ въ день св. князя Владиміра, 15 іюля. Великолѣпное глазамъ моимъ представилось зрѣлище: Михайловская гора и противоположныя ей возвышенности покрыты были безчисленнымъ множествомъ зрителей, стекшихся со всѣхъ концовъ Кіева смотрѣть на эту священную процессію, шедшую въ частяхъ своихъ съ мѣстными иконами и пѣніемъ отъ Десятинной церкви, съ митрополитомъ во главѣ, отъ Михайловскаго монастыря съ викарнымъ архіереемъ, отъ Печерской лавры съ ея намѣстникомъ и братією, съ Подола отъ всѣхъ его церквей и монастырей съ ихъ настоятелями; когда всѣ части сошлись къ крещатицкому источнику, въ которомъ, по преданію, крещены были сыновья св. Владиміра, здѣсь торжественно совершено было обычное водосвятіе. Въ стоящемъ на Михайловской горѣ монументальномъ изображеніи св. равноапостольнаго князя представлялся въ это время какъ бы онъ самъ вышедшимъ изъ своего дворца смотрѣть на всенародное празднество, совершаемое кіевлянами въ память его святого подвига—крещенія Руси. Къ довершенію этого священнаго зрѣлища маститый митрополитъ Арсеній вмѣстѣ со своимъ клиромъ, взошедши на гору, съ пьедестала памятника осѣнялъ крестомъ молящихся зрителей, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, воспоминающихъ въ этотъ день просвѣщеніе ихъ предковъ свѣтомъ христіанской вѣры.

Находясь въ Кіевѣ, я былъ свидѣтелемъ, какъ тамошняя духовная академія праздновала свой 50-лѣтній юбилей со времени ея преобразованія. Празднество это началось торжественнымъ богослуженіемъ, которое совершилъ митрополитъ въ храмѣ Братскаго монастыря. По окончаніи литургіи 12 архіереевъ, большею частью обучавшихся въ Кіевской Академіи, среди храма совершили молебствіе. Послѣ церковнаго священно-слу-

женія происходилъ торжественный актъ въ академической залѣ, увѣшанной по стѣнамъ портретами бывшихъ благотворителей, начальниковъ и преподавателей академіи, начиная съ портретовъ Сагайдачнаго и митрополита Петра Могилы. Актъ начался пѣніемъ молитвы: „Царю небесный“, исполненной студентами. Митрополитъ Арсеній прочиталъ Высочайшій указъ о празднованіи юбилея академіи и потомъ сказалъ, что жертвуетъ отъ себя въ пользу академіи 10000 руб.; затѣмъ сѣлъ въ кресло лицомъ къ посѣтителямъ; за нимъ стояли начальники и преподаватели академіи, а за послѣдними всѣ студенты. Посреди залы, за особымъ столомъ противъ митрополита, сидѣли прочіе архіереи, по очереди встававшіе и подносявшіе отъ себя иконы въ благословеніе академіи, причемъ они произносили краткія рѣчи и говорили, чѣмъ кто изъ нихъ жертвуетъ академіи. Сербскій митрополитъ Михаилъ, окончившій курсъ въ Кіевской Академіи со степенью магистра, предложилъ отъ себя ей въ даръ потную сербскую обѣдню. Въ особенности между привѣтствіями архіереевъ академіи замѣчательны были слова, сказанныя Херсонскимъ архіепископомъ Дмитріемъ Муретовымъ: „въ то время, какъ сослужители мои являются съ своими приношеніями академіи, я скорблю, что пришелъ къ ней съ пустыми руками, но утѣшаюсь тѣмъ, что и моего меду капля тутъ есть“. Слова эти тронули всѣхъ, знавшихъ, что Дмитрій, окончившій курсъ въ академіи первымъ магистромъ при ректорѣ Иннокентіѣ Борисовѣ и бывшій послѣ него самъ ректоромъ этой академіи, принесъ ей учеными трудами своими большой вкладъ въ богословскую науку, приведенную послѣ него въ систему. Будучи архипастыремъ въ разныхъ епархіяхъ, Дмитрій щедро надѣлялъ немущихъ своими пожертвованіями и однажды заложилъ свой брилліантовый крестъ за 300 руб., чтобы этой суммой дать пособіе одному бѣдному семейству. Замѣчательно, что этотъ великій богословъ, не печатавшій своихъ сочиненій, не имѣлъ степени доктора богословія, тогда какъ младшій товарищъ его архіепископъ Антоній Амфитеатровъ получилъ эту степень за составленное имъ руководство по богословію для семинаріи. Когда нѣкоторые спрашивали Дмитрія, почему онъ не напе-

чаталь своего руководства по богословію для академіи, онъ отвѣчалъ, что ему не было о томъ приказано отъ высшаго начальства. Говорили, что Московскій митрополитъ Филаретъ высоко цѣнилъ богословскіе труды Димитрія; говорили также, что послѣ него много осталось богословскихъ сочиненій ненапечатанныхъ.

Въ 1861 году старшій сынъ мой Иванъ, бывшій учителемъ исторіи во 2-ой Кіевской гимназіи, посланъ былъ на казенный счетъ въ Германію для изученія положенія низшихъ тамошнихъ народныхъ училищъ; онъ тамъ занимался полтора года и составилъ описаніе фридрихштадтской учительской семинаріи. Сколько меня радовала успѣшная служба его по учебной части, столько въ то же время печалило меня болѣзненное состояніе меньшаго сына моего Михаила, при всѣхъ средствахъ лѣченія не подававшего надежды на выздоровленіе. Въ это время семейство Судіенка собиралось къ выѣзду изъ Кіева на лѣтнее время въ Новгородъ-Сѣверское свое имѣніе. Я долженъ былъ остаться при больномъ моемъ сынѣ, такъ какъ старшій братъ его былъ за границей, но когда я объ этомъ объявилъ больному, онъ сильно былъ пораженъ моимъ намѣреніемъ и упрямивалъ меня ѣхать съ семействомъ Судіенковъ, увѣряя меня, что онъ не такъ еще боленъ, какъ мнѣ кажется, и что черезъ два мѣсяца, ко времени моего возвращенія, онъ надѣется на поправленіе своего здоровья. Не желая огорчать его, я уступилъ его настоянію и поѣхалъ съ семействомъ Судіенковъ, но прощаясь съ нимъ, я видѣлъ его уже въ послѣдній разъ. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ имѣніе Судіенка я во снѣ видѣлъ сына моего Михаила въ образѣ малолѣтняго отрока и, когда хотѣлъ обнять его, онъ исчезъ. Недѣли черезъ двѣ, получивъ изъ Кіева извѣстіе, что больной сынъ мой находится въ безнадежномъ состояніи, я возвратился въ Кіевъ, но уже не засталъ его въ живыхъ: за день до моего пріѣзда онъ былъ погребенъ. Бывшій при немъ слуга говорилъ, что въ день кончины больной приказывалъ ему отпереть ворота во дворъ квартиры, говоря, что отецъ его къ нему ѣдетъ. Безъ меня онъ родился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, безъ меня же и умеръ въ Кіевѣ. Смерть сына

моего Михаила была для меня невознаградимою утратою: я думалъ спокойно провести съ нимъ вмѣстѣ всю жизнь мою, въ чемъ обнадеживали меня его сыновнія ко мнѣ любовь и отличныя свойства его характера, за которыя любили его всѣ, знавшіе его въ Кіевѣ и Новгородѣ-Сѣверскѣ.

XXXIX.

Безуспѣшное обученіе сына Судіенка.—Обученіе монастырскаго хора.—Архимандритъ Анатолій.—Поѣздка въ Москву, возвращеніе изъ нея и оставленіе дома Судіенка.

Отецъ воспитанника моего, возвращаясь изъ-за границы въ Кіевъ, взялъ меня съ собою въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, гдѣ тогда находилось его семейство. Здѣсь я опять началъ продолжать прерванное обученіе его сына, но и продолженіе этого обученія такъ-же меня не радовало, какъ и самое его начало: годы проходили, а мой воспитанникъ, возрастая, не показывалъ развитія умственныхъ способностей, въ немъ по прежнему замѣчалось то же утомленіе на урокахъ, та же неохотливость и забывчивость. Родители его желали, чтобы онъ былъ приготовленъ къ поступленію въ Новгородѣ-Сѣверскую гимназію, но такъ какъ онъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ вновь поступающіе въ гимназію ученики не были принимаемы въ низшіе ея классы, то нужно было готовить его къ поступленію въ 3-й классъ, для чего я началъ обучать его Латинскому языку, который ему совсѣмъ не давался. Для преподаванія ему разныхъ предметовъ, требовавшихся для поступленія его въ 3-й классъ гимназіи, приглашены были разные преподаватели, и кромѣ того въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ съ нами вмѣстѣ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ Новгородѣ-Сѣверской гимназіи, для репетиціи преподаваемыхъ уроковъ; родители желали, чтобы сынъ ихъ какъ можно болѣе былъ занятъ уроками, но послѣдніе только его утомляли, не принося никакой пользы; но при всѣхъ такихъ мѣрахъ для обученія его онъ не оказывалъ ожидаемыхъ успѣховъ. Въ поведеніи онъ обнаруживалъ ненормальность и странность: не будучи рѣзвъ, онъ

любилъ забавы, свойственныя малолѣтнему возрасту, не оказывая любознательности къ предметамъ ученія, онъ чрезвычайно любилъ узнавать домашнія новости, слушать разныя, часто самыя нелѣпыя, рассказы, которымъ онъ вѣрилъ, не понимая, что какъ ни старались родители и я отучить его отъ этой дурной привычки, онъ ея не оставлялъ. Сокрушались родители, убѣждаясь въ неспособности сына ихъ къ образованію; тяжело было и мнѣ наблюдать въ немъ ежедневно эту неспособность, а еще тяжелѣе было быть свидѣтелемъ, когда нѣкоторые находили удовольствіе смѣяться надъ его слабоуміемъ. Видя, что взятую на себя обязанность я не могу исполнять съ должнымъ успѣхомъ, я подумывалъ отказаться отъ нея, но отказъ мой поставилъ бы ихъ въ затрудненіе: найти въ Новгородѣ-Сѣверскѣ досужаго человѣка, который могъ-бы быть неотлучнымъ наставникомъ ихъ сына трудно, почему я и продолжалъ обучать ихъ сына безъ надежды на успѣхъ. Такъ былъ неудаченъ послѣдній опытъ частныхъ моихъ уроковъ, совершенно противоположный первому счастливому моему опыту въ лицѣ Александра Рославскаго-Петровскаго.

Чтобы имѣть какое-нибудь развлеченіе при однообразной жизни моей въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, я, по просьбѣ монаховъ здѣшняго монастыря, занялся, вмѣстѣ съ надзирателемъ гимназіи Киселевичемъ, обученіемъ небольшого монастырскаго хора, состоявшаго человѣкъ изъ десяти, но имѣвшаго въ то время прекрасные голоса. Для такого обученія я въ послѣдующее время приходилъ въ монастырь и отдѣльно отъ хора училъ дискантовъ и альтовъ, а затѣмъ раза два въ недѣлю собирался весь хоръ для исполненія назначеннаго къ воскресенію пѣнія. Въ скоромъ времени мы порядочно уже пѣли нотныя пьесы и даже концерты. Изъ учениковъ моихъ бывший альтъ Быстрицкій теперь уже священникъ и завелъ въ приходѣ своемъ хоръ, а превосходный дискантъ Дубинскій въ настоящее время служить въ одной изъ западныхъ губерній учителемъ народной школы, въ которой обучаетъ и пѣнію.

Къ большому моему удовольствію въ Новгородѣ-Сѣверскій монастырь прибылъ новый его настоятель архимандритъ Ана-

толій, который прежде былъ священникомъ; овдовѣвши, онъ принялъ монашество, прошелъ курсъ Петербургской духовной академіи, получилъ степень магистра, былъ ректоромъ Витебской семинаріи. Узнавъ о моемъ участіи въ монастырскомъ хорѣ, онъ первый сдѣлалъ мнѣ визитъ, и съ тѣхъ поръ началось и нѣсколько лѣтъ продолжалось самое пріятное для меня знакомство: въ бесѣдахъ съ нимъ я находилъ много для себя утѣшительнаго; часто бывая другъ у друга, мы раздѣляли и трапезу. Къ прискорбію моему непріятныя обстоятельства заставили Анатолія выбыть изъ Новгородъ-Сѣверска, и всѣ хорошо знавшіе его сожалѣли объ его удаленіи, вспоминая, какъ онъ благолѣпно служилъ въ монастырѣ, какъ трогательно читалъ въ немъ страстныя евангелія и какъ поучительны были его разумныя проповѣди, которыя онъ сказывалъ всегда наизусть. Потомъ онъ находился при нашемъ посольствѣ въ Аѣинахъ, гдѣ заслужилъ къ себѣ особенное благоволеніе короля и королевы, а также пріѣзжавшихъ въ Аѣины нашихъ Великихъ Князей. Въ Аѣинахъ онъ завелъ при посольствѣ училище для русскихъ дѣтей. Въ настоящее время Анатолій вызванъ въ Петербургъ и посвященъ въ епископа Балтскаго, викарія Каменецъ-Подольской епархіи.

Во время преподаванія воспитаннику моему учителями гимназій уроковъ, я мало уже съ нимъ занимался, оставаясь при немъ только для наблюденія, къ тому-жъ при немъ жилъ и репетиторъ,—вслѣдствіе этого отецъ Судіенка, часто ѣздившій по своимъ дѣламъ въ Кіевъ, бралъ и меня туда съ собою для компаніи, гдѣ я и проживалъ съ нимъ иногда болѣе мѣсяца и имѣлъ удовольствіе часто видѣть тамъ старшаго моего сына, возвратившагося изъ-за границы. Поѣздка моя съ Судіенкомъ въ Москву доставила мнѣ не мало удовольствія. Я тогда видѣлъ въ ней уже снаружи совсѣмъ отстроенный великолѣпный храмъ Христа Спасителя. Подходя къ нему, я видѣлъ на немъ людей у самага купола; испросивши у строительной коммисіи позволеніе побывать внутри этого храма, я нашелъ въ немъ кругомъ обставленные лѣса и хотѣлъ было по нимъ взойти на верхъ къ самому куполу, но прошедши только половину лѣсовъ и взгля-

нувши внизъ, почувствовалъ головокруженіе и велѣлъ проводнику моему свести меня внизъ; тогда внутри храма облицовывался только нижній поясъ его лабрадоромъ; ставши среди храма, я ясно видѣлъ въ куполѣ изображеннаго Бога Савваоа.

Изъ Москвы я въ первый разъ по желѣзной дорогѣ проѣхалъ въ Сергіеву лавру, куда посидѣлъ до начала обѣдни, предъ которой монахи отправляли панихиду по родителямъ преподобнаго Сергія. Пѣніе ихъ послѣ напѣва Кіево-Печеркой Лавры мнѣ не понравилось. Прослушавъ обѣдню и молебенъ Преподобному Сергію, я вмѣстѣ съ нѣкоторыми богомольцами былъ въ ризничной палатѣ, гдѣ видѣлъ во многихъ шкафахъ сокровища этой богатѣйшей въ Россіи ризницы, а въ первомъ изъ нихъ крашенныя ризы преподобнаго Сергія и подъ ними его башмаки, въ которыхъ онъ былъ погребенъ; особенное вниманіе мое обратилъ на себя вправленный въ архіерейскую панагію необыкновенный прозрачный камень, въ срединѣ котораго видѣнъ молящійся на колѣняхъ передъ крестомъ монахъ. Говорятъ, что камень этотъ найденъ въ Алтайскихъ горахъ; когда онъ былъ представленъ Императрицѣ Екатеринѣ II, она велѣла его распилить, и открылось, что означенное внутри его изображеніе было игрою природы.

Изъ Лавры я прослѣдовалъ въ находящійся въ двухъ верстахъ отъ нея Геосиманскій скитъ, устроенный московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, проводившимъ въ немъ лѣтнее время въ подвигахъ аскета. Скитъ этотъ состоитъ изъ многихъ деревянныхъ строеній, въ числѣ которыхъ есть двѣ церкви: одна подлѣ келіи митрополита, а другая для братіи. Въ келіи Филарета вся мебель очень простая изъ дубоваго дерева безъ всякой покрывки, въ церкви иконостасъ рѣзной изъ кипариснаго дерева, вся утварь и облаченія не представляютъ никакого богатства. Въ подвалѣ церкви для братіи я сквозь окно видѣлъ устроенный склепъ, въ которомъ, по предположенію Филарета, должны были похоронить его тѣло; но не здѣсь поконится прахъ его. Надо замѣтить, что по уставу, данному Филаретомъ этому скиту, женскій полъ въ него не допускался, кромѣ одного дня въ году, въ храмовой его праздникъ. Од-

нажды только было сдѣлано исключеніе для Императрицы Маріи Александровны, благоволившей посѣтить особенно уважаемаго ею митрополита. Братія Сергіевой лавры просила измѣнить его завѣщаніе касательно мѣста его погребенія въ уваженіе того, что по смерти его многія женскаго пола лица, которымъ воспрещенъ входъ въ сѣнть, пожелаютъ помолиться надъ его могилой. Филаретъ согласился на эту просьбу и, по желанію братіи, погребенъ въ лаврѣ, въ особой церкви, во имя св. Филарета Милостиваго, пристроенной къ церкви сошествія св. Духа. Въ этой церкви за правымъ клиросомъ недалеко отъ стѣны устроенъ надъ могилою Филарета саркофагъ, у котораго стоитъ его архипастырскій жезлъ, а у западной стѣны, противъ саркофага, находится со стеклянною дверью шкафъ, въ которомъ виситъ его ряса и клобукъ. Многіе изъ приходящихъ въ лавру богомольцевъ въ этой церкви отправляютъ панихиду за упокой Филарета. Въ церкви этой день и ночь монашествующіе поочередно читаютъ псалтырь надъ его могилою. Отъ скита я поѣхалъ въ Вишанію, гдѣ былъ въ небольшомъ двухъ-этажномъ домѣ, въ которомъ жилъ митрополитъ Платонъ; въ кабинетѣ его я видѣлъ столовые часы, принадлежавшіе, какъ говорили мнѣ, французскому королю Людовику XVI, а на стѣнѣ этого кабинета большое зеркало, въ которомъ черезъ окно отражается видъ лаврской колокольни. Въ этомъ скромномъ жилищѣ своимъ митрополитъ Платонъ часто бесѣдовалъ съ любимцемъ своимъ молодымъ учителемъ Василиемъ Дроздовымъ и въ этихъ бесѣдованіяхъ своихъ склонилъ его принять монашество и въ лицѣ его приготовилъ для русской церкви великаго іерарха Филарета, митрополита Московскаго, котораго восточные патріархи называли отцомъ церкви, находя въ его богословскихъ сочиненіяхъ сходство съ твореніями св. Григорія Богослова, а москвичи называютъ его своимъ Златоустомъ.

По возвращеніи изъ Москвы, куда Судіенко ѣздилъ для покупки приданаго дочери своей, выходившей замужъ за князя Голицына, по случаю свадебныхъ хлопотъ въ домѣ уроки ученику моему были прерваны. Послѣ свадьбы я недолго уже находился въ домѣ Судіенка; ученикъ мой, по неуспѣшности своей,

не могъ поступить въ гимназію, а по великовозрастію ему пора было прекратить и домашнее обученіе. При прощаніи моемъ съ семействомъ Судіенка, они просили меня не забывать ихъ дома; я съ своей стороны всегда помнилъ и не забывалъ ихъ благо-расположенія ко мнѣ, въ особенности памятуя неоднократно ходатайство обо мнѣ Судіенка передъ начальствомъ и наиболѣе послѣднее изъ нихъ, по которому я былъ перемѣщенъ изъ Немирова въ Новгородъ-Сѣверскъ. Такъ какъ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ я не получалъ положеннаго мнѣ жалованья отъ второго сына Судіенка, управлявшаго всѣмъ его имѣніемъ и не находившаго какъ-то денегъ для меня, то при оставленіи мною дома его мнѣ дана была отъ экономіи бумага, по которой и до нынѣ я пока получаю проценты съ означеннаго въ ней капитала.

XI.

Вязовикъ и его врачебная благотворительность.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ домѣ Судіенка скончался въ Новгородъ-Сѣверскъ Захарій Григорьевичъ Вязовикъ, замѣчательный въ свое время врачъ-самоучка, долгое время благотворившій жителямъ своего города и другихъ мѣстностей своими врачебными пособіями. Вязовикъ былъ сынъ Новгородъ-Сѣверскаго дворянина, обучался въ мѣстной гимназіи, служилъ нѣкоторое время въ мѣстномъ уѣздномъ судѣ; подвергшись болѣзненнымъ припадкамъ, онъ оставилъ службу и предался изученію медицины, которою занимался почти всю жизнь свою, неутомимо трудясь въ изученіи этой науки; при своей наблюдательности онъ приобрѣлъ многія врачебныя свѣдѣнія, лѣчилъ не только самого себя, но и другихъ горожанъ не безъ успѣха. Слухъ объ искусномъ лѣченіи больныхъ распространился далеко, и многіе больные пріѣзжали къ нему пользоваться даже изъ другихъ губерній. Онъ лѣчилъ больныхъ и домашними средствами изъ травъ, которыхъ у него всегда много было въ запасѣ, и по рецептамъ изъ мѣстной аптеки. Новгородъ-Сѣверскій

аптекарь, у котораго зять былъ лѣкарь, въ случаѣ болѣзни своей и своего семейства обращался преимущественно за пособіемъ къ Вязовику. Болѣе успѣшно Вязовикъ лѣчилъ женскія и дѣтскія болѣзни. Судіенко передавалъ мнѣ, что когда молодая жена его подверглась тяжелой болѣзни, онъ долго не соглашался обратиться къ Вязовику, но когда она стала болѣе и болѣе ослабѣвать и не получала облегченія въ своей болѣзни отъ мѣстныхъ врачей, онъ рѣшился пригласить Вязовика въ Очкинѣ, гдѣ послѣдній послѣ 3-хъ-дневнаго наблюденія за больной объявилъ, что онъ ее вылѣчитъ; и дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ больная совершенно выздоровѣла. Отъ такой же болѣзни Вязовикъ вылѣчилъ жену полковника Видова, бывшаго потомъ Бессарабскимъ губернаторомъ. Жена моя въ молодости подвергалась какой-то неопредѣленной болѣзни, сопровождавшейся рвотой зеленоватаго цвѣта съ осадкомъ въ видѣ песка. Приглашенъ былъ жившій тогда въ Шептаковской экономіи докторъ Чайковскій; осмотрѣвъ больную, онъ прописалъ ей 3 лѣкарства и такъ какъ не могъ часто навѣщать ее, то посовѣтовалъ пригласить для наблюденія Вязовика. Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ двухъ изъ прописанныхъ лѣкарствъ рвоты прекратились, но черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что лицо моей жены совершенно измѣнилось, она не могла говорить и только знаками указывала мнѣ на свой ротъ. Послали за Вязовикомъ, но пока онъ пріѣхалъ, у больной возобновились прежнія рвоты. Вязовикъ сказалъ мнѣ, что когда Чайковскій прописывалъ лѣкарства, онъ тогда зналъ, что лѣкарства будутъ дѣйствовать противъ рвотъ, а прописанное питье будетъ возбуждать ихъ, отчего и произошелъ у больной означенный припадокъ, что онъ, Вязовикъ, во время прописки лѣкарствъ не осмѣлился противорѣчить официальному доктору. Приказавъ не принимать лѣкарствъ Чайковскаго, Вязовикъ перевелъ болѣзнь жены моей въ нормальную лихорадку и совершенно вылѣчилъ. Вылѣчивши одну больную пожилую дѣвицу, Вязовикъ женился на ней, будучи уже старъ. Когда мѣстные врачи, завидуя успѣшной практикѣ Вязовика, хотѣли при помощи начальства запретить Вязовику практику, то весьма многіе паціенты его составили ад-

ресъ со своими подписями и послали прошеніе къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Перовскому, прося его дать Вязовику формальное позволеніе продолжать свою практику; но Перовскій, не смотря на ходатайство о томъ сестры своей, которую Вязовикъ вылѣчилъ отъ болѣзни, рѣшительно запретилъ Вязовику продолжать лѣченіе и предписалъ мѣстному начальству строго наблюдать за исполненіемъ своего предписанія. Тогда Вязовикъ занялся гомеопатією, изучилъ ее въ короткое время, составилъ свою аптеку и пользовалъ больныхъ; онъ находилъ лѣченіе гомеопатією болѣе вѣрнымъ и надежнымъ. Когда же и за этотъ способъ лѣченія медики стали преслѣдовать Вязовика, онъ пользовалъ обращающихся къ нему больныхъ только своими домашними средствами, давая имъ полезные совѣты.

Когда онъ ослѣпъ, жена его по наставленію его продолжала пользоваться больныхъ. Вязовикъ былъ религіозенъ, отъ природы добродушенъ и сострадателенъ къ неимущимъ больнымъ, которыхъ пользовалъ безвозмездно своими лѣкарствами. Онъ умеръ въ глубокой старости, оставивъ по себѣ память искуснаго врача и благотворительнаго человѣка. Я, въ молодости моей отъ усиленной сидячей жизни подвергшись жестокимъ геморoidalнымъ припадкамъ, прибѣгалъ къ пиявкамъ, но Вязовикъ рѣшительно запретилъ мнѣ это лѣченіе, говоря, что отъ такого лѣченія геморрой въ старости разовьется съ большею силой, и далъ мнѣ полезные совѣты, исполняя которые, я чувствую отъ нихъ дѣйствительную пользу.

XII.

Поездка въ Петербургъ.—Свиданіе съ братомъ и моими учениками.—Петропавловскій соборъ. Домикъ Петра Великаго и его дворецъ. Ісакіевскій соборъ. Зоологическій садъ. Эрмитажъ. Духовная Академія. Реформы въ духовномъ вѣдомствѣ. Царское село. Павловскъ. Петергофъ. Кронштадтъ.

По оставленіи дома Судіенка, въ собственномъ домѣ моемъ, при моемъ одиночествѣ, я жить не могъ и помѣстился на постоянное жительство въ домѣ надзирателя гимназіи Киселевича, который былъ ученикомъ моимъ въ Черниговской семинаріи, а

потомъ сослуживцемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи; двѣ дочери его были восприимаемы отъ купели крещенія двумя моими сыновьями, а два сына его были мои крестники. При такихъ отношеніяхъ моихъ къ семейству Киселевича я надѣялся среди него найти себѣ пріятное пребываніе.

Черезъ два дня по переселеніи моемъ въ домъ Киселевича мы съ нимъ наскоро собрались ѣхать въ Петербургъ, котораго я не видалъ со времени окончанія курса академіи. Въ гвардейскомъ полку въ Петербургѣ служилъ родной братъ мой Николай, съ которымъ я много лѣтъ не видѣлся. Киселевичъ ѣхалъ со мною въ Петербургъ лѣчить свои глаза. Добрый архимандритъ Аватолій далъ намъ свой крытый экипажъ и письмо къ зятю его, учителю семинаріи въ Витебскѣ; въ этомъ городѣ мы оставили экипажъ нашъ и по желѣзной дорогѣ отправились въ Петербургъ. Приближаясь къ столицѣ, я съ радостью завидѣлъ вдали сверкающіе на солнцѣ два золотые шпика, Петропавловскій и Адмиралтейскій, и влѣво отъ нихъ блестящую золотую главу Исаакіевскаго собора, на мѣстѣ котораго при мнѣ стоялъ мрачный прежній соборъ, при мнѣ же разобранный до основанія. Незыбснима была радость моя при свиданіи съ братомъ и его семействомъ. На другой день по пріѣздѣ нашемъ, мы начали и втеченіе цѣлаго мѣсяца ежедневно продолжали осматривать достопримѣчательности столицы. Но прежде этого осмотра скажу о томъ, съ какою любовью отнеслись ко мнѣ бывшіе ученики мои въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, занимавшіе въ то время почетныя мѣста на службѣ въ столицѣ. Одинъ изъ такихъ учениковъ, профессоръ медицинской академіи Иванъ Гавриловичъ Карпинскій далъ намъ у себя обѣдъ, а за нимъ другіе ученики мои дали намъ отъ себя богатое угощеніе въ гостинницѣ, куда мы прибыли въ нанятой ими для насъ каретѣ. Всѣ принимали насъ съ сердечнымъ радушіемъ, называя меня своимъ „батькомъ“; развеселившись за обѣдомъ, при тостахъ за мое здоровье, они пѣли съ нами тѣ церковныя пѣсни, которыя нѣкогда пѣвали въ гимназическомъ хорѣ. Первымъ предметомъ нашего осмотра былъ Петропавловскій соборъ, представившійся мнѣ въ обновленномъ видѣ, какой далъ ему Императоръ Николай I.

Изъ собора въ тотъ же день мы зашли въ домикъ Петра Великаго; въ одномъ изъ двухъ его отдѣленій теперь находится часовня Спасителя, обставленная внутри многими образами въ серебряномъ окладѣ, пожертвованными разными богомольцами. Любопытно было видѣть, въ какомъ укромномъ помѣщеніи жилъ Великій Преобразователь Россіи, основатель Петербурга. Черезъ два дня по приѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, мы были въ Исаакиевскомъ соборѣ во время литургіи, которую совершалъ въ немъ съ митрою на головѣ протоіерей Колоколовъ, учившійся при мнѣ въ академіи; соборные пѣвчіе на двухъ клиросахъ пѣли прекрасно; по окончаніи литургіи мы по лѣстницѣ всходили на крышу собора, съ которой открывается прекрасный видъ на городъ. Въ зоологическомъ саду, что на Петербургской сторонѣ, я видѣлъ въ желѣзной клѣткѣ большого красиваго ягуара, а въ отдѣльномъ сараѣ огромнѣйшій остовъ кита. Любопытнѣй всего въ Петербургѣ, конечно, былъ для насъ Эрмитажъ; проходя залы, наполненныя рѣдкими произведеніями ваянія и живописи, мы, хотя имѣли съ собою печатный указатель этихъ произведеній, не могли понять ихъ достоинства безъ руководителя художника. Въ послѣдней залѣ, занятой произведеніями русской живописи, мы долго смотрѣли на картины: „Послѣдній день Помпеи“ кисти Брюлова и „Мѣдный змій въ пустынѣ“ работы Бруни. Въ одной большой комнатѣ Эрмитажа мы проходили мимо воскового изображенія Петра Великаго, представленнаго сидящимъ въ креслахъ, но это изображеніе отъ времени потемнѣло; въ той же комнатѣ находятся чучело его лошади, на которой онъ разѣзжалъ во время Полтавскаго боя, и чучело его собственной собаки; тутъ же находится и его треугольная шляпа, прострѣленная пулею во время этого сраженія. Въ то время, когда я учился еще въ Петербургѣ, восковое изображеніе Петра I имѣло лучшій видъ и, какъ мнѣ кажется, удобнѣе помѣщалось въ кунстъ-камерѣ въ особой палатѣ, въ которой по стѣнамъ висѣли портреты сподвижниковъ Петра. Въ передней передъ этою палатою комнатѣ находилось много разныхъ работъ Петра, вырѣзанныхъ изъ слоновой кости и на мѣди. Говорили, что когда Петру I предлагали сдѣлать

его изображеніе съ механизмомъ, по которому онъ поднимался бы изъ своихъ креселъ, Петръ отвѣчалъ, что лучше оставить его изображеніе въ покоѣ, потому что подлинникъ его много трудился въ своей жизни; однако, восковое его изображеніе сдѣлано съ подвижнымъ механизмомъ; говорили также, что когда Императрица Марія Ѳеодоровна пожелала видѣть восковой портретъ Петра, и когда при вступленіи ея въ палату Петръ всталъ изъ своихъ креселъ и поклонился, она испугалась, и по этой причинѣ никого уже не впускали въ эту палату, а зрители могли смотрѣть на изображеніе Петра только чрезъ стеклянные ея двери.

По осмотрѣ означенныхъ достопримѣчательностей города, мы, наконецъ, были и въ духовной академіи. Мы отправились къ ней на пароходѣ, по Невѣ, мимо Гагаринской набережной и Смольнаго монастыря. Когда мы миновали лавру, на берегу Невы за чугуною оградой, въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи, представилось мнѣ великолѣпное четырехъ-этажное зданіе, *alma mater*—духовная академія съ ея колоннами и съ прекрасными надъ фронтомъ ея изваяніями двухъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ придерживаетъ лѣвою рукою большой золоченый крестъ, а правою указываетъ на него другому преклоненному ангелу—символь, показывающій наставляющаго и наставляемаго и въ то же время означающій мѣсто, подъ которымъ внутри устроена академическая церковь. Вошедши въ академію, я осмотрѣлъ въ ней студенческую столовую, номера, въ которыхъ жила, взглянулъ сквозь окно въ запертую церковь; все было въ томъ же видѣ, какъ и при мнѣ, только мебель въ номерахъ была уже изъ краснаго дерева; академическій садъ вмѣсто небольшихъ березокъ представлялъ уже тѣнистую высокую рощу, но самое пространство сада уменьшено на половину, такъ какъ другая половина отдана подъ семинарію.

Осмотрѣвъ нѣкоторые помѣщенія академіи, я, какъ бывшій воспитанникъ ея, хотѣлъ представиться ректору ея протоіерею Я., но мнѣ сказали, что онъ съ семействомъ своимъ уѣхалъ на всю вакацію на дачу. Въ мое время и затѣмъ въ продолженіе многихъ курсовъ ректорами академіи бывали архи-

мандриты или архіереи, и въ вакаціонное время не удалявшіеся изъ академіи, а постоянно занимавшіеся ея дѣлами, которыхъ во всякое время бываетъ не мало по управленію. Что-же заставило вмѣсто монашествующихъ ректоровъ поручать эту должность бѣлому духовенству, которое при своихъ семейныхъ заботахъ и развлеченіяхъ не можетъ съ такой настойчивостью предаваться трудамъ въ академіи, какъ предавались имъ монахи! Чѣмъ провинились архимандриты и архіереи въ своемъ начальствованіи надъ академіею? Вопросы эти разрѣшаетъ только то время, когда происходили безпрестанныя перемѣны и нововведенія въ административномъ нашемъ мірѣ. Чтобы видѣть, какую великую службу сослужили монахи въ дѣлѣ духовнаго образованія, надобно обратить только вниманіе на ихъ полезныя труды со времени преобразованія духовныхъ училищъ. Не говоря о гениальномъ Филаретѣ, положившемъ твердое основаніе академическому ученію и начертавшемъ планъ преподаванія богословскихъ наукъ, всѣ преемники его въ должности ректоровъ, слѣдуя его примѣру, усердно трудились въ пользу академіи и своими трудами преемственно привели въ стройную систему богословское ученіе; въ наблюденіи своемъ за нравственностью студентовъ академіи они были строгими ихъ охранителями отъ недостойнаго съ ихъ положеніемъ вольвомыслия. Напрасно говорили, будто монашествующіе начальники духовныхъ училищъ деспотически обращались съ учащимися: обучавшіеся въ академіи студенты не видѣли надъ собою особенно строгаго надзора начальства; поступая въ нее изъ числа лучшихъ учениковъ семинаріи, они безъ всякаго понужденія, съ особенной любовью занимались въ ней своимъ дѣломъ и, постоянно трудясь, не имѣли ни времени, ни охоты предаваться какому-нибудь безполезнымъ развлеченіямъ. Сколько изъ воспитанниковъ духовныхъ академій, подъ руководствомъ монашествующихъ ректоровъ вышло извѣстныхъ своими достоинствами архипастырей, профессоровъ и служителей церкви въ бѣломъ духовенствѣ! Почему же нововводители игнорировали такія заслуги монашествующихъ начальниковъ академіи и лучшихъ ли лицъ поставили во главѣ академіи? Протоіерей Я., по выходѣ изъ академіи; служа

при посольствахъ, не могъ должнымъ образомъ подготовить себя къ ректорской должности въ академіи, въ которой онъ, будучи ректоромъ, преподавалъ не главный богословскій предметъ и не получилъ степени доктора богословія; хотя и написалъ для того диссертацию, которая академическою конференціею не была признана заслуживающею этой степени.

Хотя государственныя реформы предшествовавшаго царствованія впослѣдствіи стали приносить и приносятъ государству свою пользу, но вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла Св. Синода оказалось рѣшительно вреднымъ, что предсказалъ незадолго до смерти своей митрополитъ Филаретъ, при которомъ предполагались такія реформы; онъ успѣлъ удержать за синодомъ свѣчной капиталъ, который составляетъ фондъ для содержанія духовныхъ училищъ и который свѣтская власть намѣревалась взять въ свое распоряженіе; Филаретъ доказалъ, что если свѣчной сборъ поступитъ въ такое распоряженіе, то неминуемо станетъ уменьшаться, потому что мѣстные священники не будутъ уже такъ усердно по церквамъ собирать и представлять начальству за свѣчи деньги для посторонняго вѣдомства. Измѣнивъ духовно-учебный уставъ 1823 года, новаторы завели въ духовныхъ академіяхъ небывалые прежде факультеты, отчего сами академіи утратили свое значеніе; въ семинаріяхъ введено преподаваніе медицины и сельскаго хозяйства безъ всякихъ необходимыхъ къ тому пособій, почему оно, не принося никакой пользы семинаристамъ, отнимало только время у нихъ для существенныхъ занятій. Чтобы сдѣлать учениковъ семинаріи лучшими священниками, узаконено было кончившихъ въ семинаріи курсъ держать три года въ званіи псаломщиковъ на дьячковскомъ окладѣ, отчего лучшіе изъ такихъ учениковъ перешли на службу въ другія вѣдомства, а въ семинаріяхъ остались только посредственные, которымъ некуда было дѣваться.

Въ церковномъ вѣдомствѣ сдѣланныя нововведенія произвели еще большій вредъ. Задумано было улучшить содержаніе приходскихъ священниковъ—мысль добрая, но исполненіе ея обусловливается большими денежными къ тому средствами, которыхъ правительство наше не въ состояніи дать. Было время,

когда приходское духовенство въ Россіи могло вполнѣ и навсегда быть обезпечено въ своемъ содержаніи, если бы отобранныя при Екатеринѣ II у монастырей недвижимыя имущества обращены были въ денежный капиталъ для содержанія блага духовенства, но отобранныя у монастырей имущества розданы были въ постороннія руки, духовенство осталось на жалкомъ пропитаніи отъ добротнаго подаванія прихожанъ, которые большею частью и сами бѣдны. Для улучшенія состоянія священниковъ въ бѣдныхъ приходахъ нововводители придумали соединять приходы, не смотря на увеличившееся народонаселеніе Россіи; по соединеніи приходоѡ, многія церкви были упразднены, тогда такъ увеличившееся народонаселеніе требовало ихъ умноженія; по закрытіи церквей поселяне лишились возможности своевременно слушать богослуженіе и отправлять христіанскія требы, отъ чего религія у нихъ стала приходить въ упадокъ, а нѣкоторые перешли въ расколъ. Вредъ отъ такого рода нововведеній сталъ слишкомъ очевиденъ. Высочайшая власть отмѣнила всѣ эти не особенно полезныя для духовнаго вѣдомства реформы. Св. Синодъ сталъ съ принадлежащимъ ему авторитетомъ распоряжаться въ духовномъ вѣдомствѣ и возстановлять прежніе, испорченные свѣтскимъ вмѣшательствомъ порядки. Въ академіяхъ способъ преподаванія наукъ возстановленъ соотвѣтственно прежнему уставу и онѣ опять сдѣлались центромъ высшаго богословскаго образованія. Замѣчательно, что одинъ изъ Московскихъ публицистоѡ, по случаю отмѣны непригоднаго академіямъ нововведенія, сказалъ: „Слава Богу! бѣсъ изъ академіи выгнанъ“. Семинарское ученіе пошло также по прежнему порядку.

По осмотрѣ Петербурга внутри его, мы посѣтили загородныя достопримѣчательныя мѣста. Въ Царскомъ Селѣ мы были въ великолѣпномъ Императорскомъ дворцѣ, на крышѣ и на кареатидахъ, по наружнымъ стѣнамъ не было уже позолоты, какую я видѣлъ, когда съ отцомъ проѣзжалъ мимо его въ Петербургъ. Въ этомъ дворцѣ мы видѣли такъ называемую янтарную залу, украшенную янтаремъ, подареннымъ Николаю I тестемъ его, прусскимъ королемъ.

Изъ Царскаго села мы на дрожкахъ по прекрасному шоссе, окруженному дачами, проѣхали въ Павловскъ, имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, который въ тотъ день праздновалъ рожденіе своего внука, сына Элинскаго короля; по этому случаю весь дворецъ его ярко былъ освѣщенъ газомъ; публика собралась многочисленная; играли два оркестра: военная и Штрауса; слушателей была масса. Великій Князь, одѣтый въ военное пальто, прохаживался среди посѣтителей и снимавшимъ предъ нимъ свои шляпы отвѣчалъ, дѣлая подъ козырекъ.

Въ Петергофѣ я узналъ всѣ тѣ мѣста, какія я видѣлъ, будучи семинаристомъ, и тѣ аллеи, по которымъ я бѣгалъ, потерявъ изъ виду своихъ знакомыхъ. Фонтаны по прежнему выбрасывали воду; одинъ изъ нихъ, вновь устроенный въ видѣ обелиска, состоитъ изъ множества трубочекъ, изъ которыхъ бьетъ вода; при освѣщеніи обелискъ этотъ представляется взору какъ-бы состоящимъ изъ брилліантовъ.

Никогда не видавъ Кронштадта, я, съ Киселевичемъ и сопровождавшими насъ племянницами, отправился туда на пароходѣ. Любопытнѣе всего для насъ было видѣть Кронштатскія гавани: купеческую и военную; первая вся была запружена иностранными кораблями, на которыхъ копошились большею частью рыжіе англичане; во второй находился тогда одинъ только военный 130-ти пушечный корабль „Николай I.“ Матросы довели до него насъ на яликѣ, и мы по спущенному трапу взлѣзли на первую палубу; на другія палубы я не пошелъ, а Киселевичъ съ моими племянницами побывалъ и на двухъ верхнихъ палубахъ, съ которыхъ, какъ говорилъ онъ, открывается необозримый видъ на Финскій заливъ. Матросы предлагали намъ проплыть на яликѣ за стѣнку гавани, но такъ какъ тамъ море сильно волновалось, то я не согласился на такую неприятную прогулку. Въ Кронштадтѣ я былъ въ смущенномъ состояніи духа, потому что передъ отправленіемъ въ него я получилъ изъ Кіева отъ Ростовцева печальное извѣстіе о болѣзни сына моего Ивана, почему и спѣшилъ въ обратный путь.

XLII.

Смерть сына моего Ивана.—Директоръ Слѣпущкинъ и жена его.—М. И. Шохъ.—Семейство Монаховыхъ.—Рядъ лишеній. Жизнь моя въ домѣ Киселевича.

По возвращеніи въ Новгородъ-Сѣверскъ я черезъ нѣсколь-ко дней поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ нашелъ сына моего начинающимъ выздоравливать послѣ болѣзни. Впослѣдствіи я нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Кіевъ и долго проживалъ въ немъ, оставаясь на хозяйствѣ въ квартирѣ моего сына, когда онъ уѣзжалъ на Кавказъ лѣчиться тамошними водами.

Насталъ роковой для меня 1871 годъ, въ которомъ свирѣпствовавшая въ Кіевѣ холера отняла и послѣдняго моего сына Ивана. Никакія медицинскія средства не могли помочь ему, и онъ, заболѣвши поутру, вечеромъ попросилъ у меня благословенія и, сказавши: „такъ Богу угодно“, скончался. Я самъ закрылъ ему глаза и палъ духомъ. Смерть сына моего случилась 15 Августа 1871 года въ самый смертоносный день, когда тахіитъ умирающихъ простирался до 400 человѣкъ. Тѣло сына моего погребено на Байковомъ кладбищѣ недалеко отъ церкви, подлѣ могилы сына моего Михаила; надъ могилами обоихъ поставлены памятники. Положеніе мое тогда было самое безутѣшное и беспомощное, но Богъ послалъ мнѣ свою помощь въ лицѣ чужихъ людей, принявшихъ во мнѣ теплое участіе, за что я никогда не забуду этихъ добрыхъ людей. Директоръ 2-й Кіевской гимназіи Иванъ Ивановичъ Слѣпущкинъ и жена его Александра Ивановна, находившіеся въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ моимъ сыномъ, оказали и мнѣ полное свое состраданіе; опасаясь, чтобы во время холеры, которою заболѣлъ находившійся при мнѣ слуга, мнѣ не повредила неудобная по тому времени пища, во все время, пока я оставался въ Кіевѣ, они звали меня къ себѣ на обѣдъ, приготовленный по правиламъ нужной діеты. Въ квартирѣ покойнаго сына моего, который вмѣстѣ съ должностью инспектора 2-й гимназіи исполнялъ и обязанности дѣлопроизводителя комисіи, учрежденной для собиранія древнихъ актовъ Юго-Западной Россіи, находилось много книгъ по изданію этихъ актовъ, а также и бумагъ

по дѣлопроизводству, которыя я долженъ былъ разобрать и сдать въ комиссію, чего самъ не могъ сдѣлать въ моемъ печальномъ положеніи. На помощь мнѣ явился пріѣхавшій вмѣстѣ со мною въ Кіевъ родственникъ мой, студентъ университета Михаилъ Ивановичъ Шохъ и объявилъ мнѣ, что онъ готовъ перебраться ко мнѣ на квартиру и вмѣстѣ со мною заняться приведеніемъ въ порядокъ книгъ и бумагъ, чѣмъ весьма много облегчилъ мнѣ этотъ трудъ. Кромѣ того, для очищенія казенной квартиры, я долженъ былъ убраться съ имуществомъ сына моего, состоявшимъ изъ мебели и библіотеки. И въ этомъ дѣлѣ много помогъ мнѣ Михаилъ Ивановичъ Шохъ: онъ составилъ списокъ книгъ библіотеки и выставилъ его въ университетѣ для желающихъ купить ихъ; но такъ какъ неудобно было продавать книги порознь, то я долженъ былъ за безцѣнокъ продать всю библіотеку шкафомъ одному профессору семинаріи съ трудомъ согласившемуся и на такую дешевую покупку. Въ числѣ людей, принявшихъ во мнѣ свое участіе въ Кіевѣ, я не могу забыть семейства Монаховыхъ, всегда оказывавшаго дружеское расположеніе къ сыновьямъ моимъ и ко мнѣ. Жена генерала Монахова Теофілія Ивановна, утѣшавшая меня по смерти сына моего Михаила, утѣшала меня и по кончинѣ сына моего Ивана; она впоследствии взяла на себя трудъ получать въ Кіевскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ и высылать мнѣ проценты съ хранившагося въ нихъ капитала покойнаго моего сына и не задолго до смерти своей передала этотъ трудъ своей дочери, которая недолго его исполняла; послѣ нея взялся по этому предмету хлопотать для меня давній мой пріятель Михаилъ Корниѣвичъ Чалый, который изъ Нѣжина простиралъ мнѣ руку помощи, приглашая меня переѣхать къ нему изъ Кіева для успокоенія отъ моихъ душевныхъ тревогъ; я не могъ воспользоваться его дружескимъ предложеніемъ, потому что долженъ былъ тогда заняться дѣлами моими въ Кіевѣ и по окончаніи ихъ ѣхать въ Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ ожидали меня новыя безпокойства и лишенія, одно за другимъ послѣдовавшія.

По возвращеніи въ Новгородъ-Сѣверскъ, я узналъ, что дальніе родственники моей покойной жены начали судебный искъ,

желаючи овладѣть оставшимся небольшимъ капиталомъ послѣ сына моего и даже моимъ домомъ; они успѣли уже въ Кіевской палатѣ получить утвержденіе въ правѣ наслѣдства; родной братъ въ опроверженіе этого иска заявилъ свое право на наслѣдство; ему въ этомъ дѣлѣ помогли знакомые, и въ Кіевской палатѣ рѣшено было предоставить ему и дѣтямъ его получить означенный капиталъ послѣ моей смерти, а мнѣ до смерти моей пользоваться процентами. Хотя такое рѣшеніе явно противорѣчило закону, по которому благопріобрѣтенное имѣніе дѣтей исключительно принадлежитъ ихъ родителямъ, но я остался доволенъ рѣшеніемъ палаты, потому что, если-бы капиталъ сына моего и достался мнѣ, я завѣщаль-бы дѣтямъ моего брата, которымъ по смерти сына моего я переслалъ все наше серебро и цѣнныя вещи и при томъ выслалъ имъ же деньги на уплату за труды ихъ адвокату. Во время этихъ непріятныхъ для меня хлопотъ сгорѣлъ въ Новгородъ-Сѣверскъ мой домъ, построенный на мои деньги, пріобрѣтенныя мною въ Черниговѣ. Къ довершенію моихъ лишеній въ глазахъ моихъ открылся катарактъ, происходившій отъ ихъ напряженія при частомъ писаніи ноть, которыми я слишкомъ много занимался. По этому случаю я, въ сопровожденіи Киселевича, ѣздивъ въ Кіевъ посоветоваться съ извѣстнымъ окулистомъ Ивановымъ, который нашель, что катарактъ еще не созрѣлъ, и что я долженъ пріѣхать для операціи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но я уже не рѣшился на эту операцію, опасаясь, чтобы при неудачномъ исполненіи совсѣмъ не лишиться глазъ, которыми еще вижу свѣтъ солнца или свѣчи, хотя не могу уже различать предметовъ. Возвратившись въ Новгородъ-Сѣверскъ, я остался въ немъ навсегда уже безвыѣздно.

Пятнадцать лѣтъ живя въ домѣ Киселевича, я нахожу въ немъ покойный для себя пріютъ и благорасположеніе ко мнѣ всего его семейства. Два сына его Василій и Алексѣй, мои крестники, много оказывали мнѣ услугъ, пока учились въ гимназій, они же первые подъ диктовку мою начали писать мои воспоминанія. Къ счастью моему во флигелѣ дома Киселевича поселился бывший мой по гимназій ученикъ, Михайлъ Алексѣевичъ Жодень, оказывающій мнѣ въ случаѣ болѣзни медицин-

ское пособіе и своими со мною бесѣдами доставляющій мнѣ много удовольствія. Обучающійся въ гимназіи сынъ его Алексѣй и другіе ученики, живущіе въ домѣ Киселевича, а именно—Петръ Коваленко и Михайлъ Стойковъ, продолжали писать мои воспоминанія, которыхъ безъ этихъ усердныхъ помощниковъ я не могъ бы передать на бумагу.

Упомяну и о находящемся при мнѣ слугѣ Михайлѣ Бунаковѣ, который ежедневно читаетъ мнѣ газеты и книги. Вообще обстановка моя въ домѣ Киселевича для меня весьма благопріятна; благодарю Бога, что нахожу близъ себя людей, оказывающихъ мнѣ пособіе въ настоящемъ моемъ положеніи.

Надѣюсь и увѣренъ, что добрые мои хозяева, Василій Демьяновичъ и жена его Ефросинья Захарьевна Киселевичи, по неизмѣнной ко мнѣ дружбѣ своей всегда оказывавшіе ко мнѣ свое благорасположеніе, присмотрятъ за мною и тогда, когда наступитъ смертный часъ мой, что они проводятъ тѣло мое до могилы и помолятся о грѣшной моей душѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Заключаю воспоминанія мои тѣмъ, чѣмъ я ихъ началъ. Онѣ говорятъ мнѣ, что милость Божія, спасшая меня отъ смерти послѣ моего рожденія и даровавшая мнѣ возможность дожить до глубокой старости, во время моего сиротства и во все продолженіе долготѣней моей жизни оказывала мнѣ свою помощь въ лицѣ людей, благотворившихъ мнѣ наставленіями, совѣтами и участіемъ. Никогда не имѣя никакого богатства, я не терпѣлъ никогда и крайней нужды и трудомъ моимъ могъ снискивать себѣ и семейству моему потребное для жизни; не достигъ я на службѣ моей особеннаго почета, который, можетъ быть, былъ бы мнѣ не по силамъ и не по моему характеру; часто не исполнялись мои желанія, въ предотвращеніе вредныхъ для меня послѣдствій, если бы эти желанія исполнялись; не имѣлъ я въ жизни моей враговъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а если получалъ отъ кого оскорбленія, то и самъ часто бывалъ неправъ предъ моими ближними; иногда я находилъ

себѣ искреннихъ друзей въ людяхъ мнѣ сочувствовавшихъ. Въ послѣдніе годы моей жизни я претерпѣлъ тяжкія лишенія и скорби для моего вразумленія, что въ этомъ мірѣ все измѣняется, и за радостью скоро наступитъ горе, что посылаемыя сердцу нашему отъ Бога печали зовутъ насъ туда, гдѣ нѣтъ уже никакихъ печалей и гдѣ вѣчно будутъ радоваться достойные такой радости. Теперь, когда лишенный зрѣнія при ослабленіи тѣлесныхъ моихъ силъ, я приближаюсь къ концу дней моихъ, и когда по милости Божіей сохраняется во мнѣ сила разумѣнія и памятованія о полученныхъ отъ Господа Бога благодѣяніяхъ, мнѣ остается желать и молить, да сохраняется во мнѣ и память смертная вмѣстѣ съ вѣрою и упованіемъ на милосердіе Божіе, не оставлявшее меня во время моей жизни.

1886 годъ, 23 іюля.

Къ воспоминаніямъ Іосифа Самчевскаго. Воспоминанія почтеннаго и уважаемаго І. А. Самчевскаго, при которомъ я поступилъ въ Новгородсѣверскую гимназію и окончилъ, въ изданіи «Кіевской Старины» дополнены біографическими замѣтками о тогдашнемъ педагогическомъ персоналѣ. Если кое-гдѣ брошены пятна, то отдано и должное благородной памяти другихъ дѣятелей гимназій. Только учитель чистописанія и рисованія Н. Ф. Воробинскій изображенъ авторомъ примѣчаній неполно и односторонне. Воробинскій жилъ въ бѣдности, былъ плохой педагогъ; пожалуй, въ гимназій казался «вполнѣ лежащимъ человѣкомъ», настолько, что даже шалуны сами собой усмирялись (Кіевская Старина, 1894, августъ, 148)... Но, ко всему этому надо прибавить, что онъ былъ честнѣйшій человѣкъ, талантливый и любившій дѣло художникъ.

Лѣтъ пять тому назадъ мнѣ пришлось заѣхать въ одинъ хуторъ на самомъ краю ...скаго уѣзда. Пока въ гостинную вошла хозяйка, я началъ разсматривать цвѣты и картины. Все, какъ обыкновенно. Но, на стереотипномъ мѣстѣ надъ диваномъ, — два портрета: старикъ въ бѣломъ халатѣ и старая женщина, повязанная платкомъ. Такъ повязывается

теперь вдова стараго священника, старая кучиха, ключница и, изрѣдка, солидная мѣщанка; но когда-то эта повязка встрѣчалась въ простомъ помѣщичьемъ семействѣ. Не трудно было догадаться, что это портреты отца и матери владѣлицъ хутора. Сходство чувствовалось, а жизнь выступала въ каждомъ штрихѣ. «Старосвѣтскіе помѣщики» Гоголи, подумалъ я, писанные Денеромъ; онъ (не Денерь, а старикъ въ бѣломъ халатѣ) тоже когда-то увезъ свою Пульхерію Ивановну... Въ это время вошли хозяйки. Послѣ перваго знакомства, я свелъ рѣчь на портреты: «кто рисовалъ?»

— «Учитель Воробинскій».

Одно время хотѣли, чтобы я бралъ уроки у Воробинскаго; по разнымъ причинамъ это не состоялось; но мнѣ случалось бывать у него. Онъ жилъ въ своемъ домѣ на великолѣпномъ мѣстѣ, съ небольшимъ, но старымъ садомъ когда то скрипача Рачинскаго. 10—12-лѣтнимъ мальчикомъ, я, бывало, пересматриваю папки съ рисунками, въ то время, когда Воробинскій, а болѣе его жена, передавали моей матерн о своихъ злоключеніяхъ. На стѣнахъ помню копінъ съ Ламии и Вруни (портретъ Екатерины II и Моленіе о чашѣ); должно быть, онѣ были недурны, если врѣзались въ дѣтское воображеніе.

У Воробинскаго была большая, но очень дружная семья. Изнывая подъ гнетомъ общественнаго равнодушія, онъ душою отдыхалъ въ семьѣ.

Феодоръ Уманецъ.
